

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**№ 3 (27)
2012**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала: Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.И. Курилов, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор,
доктор юридических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.П. Жариков (зам. главного редактора), **А.А. Кравченко** (отв. секретарь)
Экономика: П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин, Л.И. Вотинцева, В.К. Заусаев,
Н.В. Кузнецова; *Политика:* А.М. Кузнецов, В.Ф. Печерица;
Право: К.В. Арановский, В.В. Гаврилов, С.Д. Князев, А.И. Коробеев,
Л.И. Романова, Г.Н. Шевченко

**№ 3 (27)
2012**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:
690950, г. Владивосток, ул. Мордовцева, 12
Дальневосточный федеральный университет
Тел: (423) 226-76-41

PACIFIC RIM

- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was published first in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
the Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**E.P. Zharikov (Assistant to the Editor-in-Chief),
A.A. Kravchenko (Executive Secretary)**

***Politics:* A.M. Kuznetsov, V.F. Pecheritsa; *Economics:* P.Y. Baklanov,
V.G. Belkin, L.I. Votintseva, V.K. Zauscaev, N.V. Kuznetsova;
Law: K.V. Aranovsky, V.V. Gavrilov, S.D. Knyazev, A.I. Korobeev,
L.I. Romanova, G.N. Shevchenko**

**N 3 (27)
2012**

**Scientific,
social and political
journal**

Address of the editorial office:
Far Eastern Federal University
12, Mordovtseva St., Vladivostok, 690950, RUSSIA
Tel.: (423) 226-76-41. Fax: (423) 226-73-54

Vladivostok ◆ Publishing House of Far Eastern Federal University, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям журнала 8

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

- Меламед И.И., Прокопьева М.С., Терентьева Е.А.* Влияние кризиса на энергоэкономику стран АТРМ..... 9
- Курилов В.И., Абрамов А.Л., Чикиш Ю.А.* Развитие Дальнего Востока и российско-корейское экономическое сотрудничество..... 15
- Жариков Е.П., Лялина Ж.И.* Финансовые ресурсы в экономике Приморского края..... 27

КРИМИНОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

- Кучин О.С., Турчин Д.А.* Роль сокрытия преступного деяния в системе криминалистической характеристики преступления..... 34
- Кулешов Ю.И.* Особенности систематизации преступлений против правосудия в некоторых странах АТР: Японии, Республике Корея, Китайской Народной Республике 42
- Реховский А.Ф., Турчин Д.А.* Возникновение криминалистической гносеологии..... 48
- Чанхай Лун.* Философское основание германского учения о составе преступления 55
- Коротких Н.Н.* Отличие продолжаемого преступления от совокупности преступлений 60

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- Ванеева Л.А., Склизков М.Н.* О гражданско-правовом судебном регулировании 64
- Курилов В.И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования труда наёмных работников 75
- Аппакова Т.А., Ванеева Л.А.* Проблемы корпоративного контроля в доктрине гражданского права 83
- Шмаков В.Н., Дерюга Н.Н.* Место и роль преимущественных прав в гражданском законодательстве России 89
- Трофимов К.Т., Курилов В.И.* Изменения в гражданский кодекс РФ: деньги и банковские сделки..... 94
- Гаврилов В.В., Волкова Е.В.* Понятие и содержание механизма частноправового регулирования в сфере энергосотрудничества 100
- Дерюга Н.Н.* Задаток как способ обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве России 105

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА

- Коробеев А.И., Кулешов Ю.И.* Клевета как преступление: метаморфозы уголовно-правовой политики современной России..... 109
- Басова Т.Б., Бурдинская А.Н.* Ответственность за преступное заражение опасными инфекционными заболеваниями в России и отдельных странах АТР: компаративный анализ 114

<i>Протасевич А.А., Зверьянская Л.П.</i> Интернет-пространство как элемент криминалистической характеристики киберпреступлений	122
<i>Надточий Ю.В.</i> Некоторые тенденции уголовно-правовой политики в сфере охраны окружающей среды	126

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Хаснутдинов А.И.</i> Организационные договоры в сфере транспортных отношений	131
<i>Князева Е.А.</i> Проблемы квалификации угона (захвата) судна воздушного, водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава.....	136
<i>Нестолий В.Г. Хаснутдинов А.И.</i> К разработке общей теории вспомогательного договора	140

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Сонин В.В.</i> Сравнительный анализ первого опыта учреждения конституций социалистического типа в России и Китае.....	146
<i>Постников В.В.</i> Русские учёные о политическом и историческом значении Тихого океана	152
Аннотации к статьям на русском языке.....	160
Аннотации к статьям на английском языке	168
Сведения о членах редколлегии	175

CONTENTS

To the readers of the magazine..... 8

THE ECONOMY OF THE REGION

<i>Melamed I.I., Prokopyeva M.S., Terentyeva E.A.</i> The impact of the crisis on Energy Economics of APRAM countries	9
<i>Kurilov V.I., Abramov A.L., Chikish Y.A.</i> Development of the Far East: cooperation between the Republic of Korea and Russia	15
<i>Zharikov E.P., Lyalina Zh.I.</i> Financial resources in the economy of Primorsky Krai	27

CRIMINOLOGY: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

<i>Kuchin O.S., Turchin D.A.</i> The role of the crime covering in the criminalistics characteristics of the crime	34
<i>Kuleshov Iu.I.</i> Features of the arrangement of the crimes against justice in several Asia-Pacific region countries: Japan, Republic of Korea and China.....	42
<i>Rekhovskii A.F., Turchin D.A.</i> Criminalistics epistemology genesis.....	48
<i>Changhai Lun.</i> Philosophical Foundation of the German doctrine of the crime	55
<i>Korotkith N.N.</i> The difference of continued crime of crimes.....	60

PROBLEMS OF CIVIL LEGISLATION

<i>Vaneeva L.A., Sclickov M.S.</i> About the civil law legal regulation.....	64
<i>Kurilov V.I.</i> The civil law aspects of employees labor regulation	75
<i>Appakova T.A., Vaneeva L.A.</i> The problems of corporate control in the civil law doctrine	83
<i>Shmakov V.N., Deriuga N.N.</i> Place and role of the beneficial rights in the Russian civil law.....	89
<i>Trofimov K.T., Kurilov V.I.</i> The changes in Russian federation civil code: money and banking transaction	94
<i>Gavrilov V.V., Volkova E.V.</i> The definition and the content of the regulation mechanism in the energetic recourse partnership.....	100
<i>Deriuga N.N.</i> Deposit as the method of enforcement tort liability in Russia	105

CRIMINAL-LEGAL POLICY

<i>Korobeev A.I., Kuleshov Iu.I.</i> Slander as a crime: metamorphosis of the penal policy in modern Russia	109
<i>Basova T.B., Burdinskaya A.N.</i> The liability for criminal contamination of hazardous infections in Russia and the several countries of the Asia-Pacific region: comparative analysis	114
<i>Protasevich A.A., Zveryanskya L.P.</i> The Internet as an element of criminal characteristics of cyber crimes.....	122

<i>Nadtochiy Iu.V.</i> Some trends of criminal law policy in the environmental protection sphere	126
---	-----

LEGAL REGULATION IN THE SPHERE OF TRANSPORT RELATIONS

<i>Hasnutdinov A.I.</i> Institutional agreements in the field of transport relations.....	131
<i>Knyazeva E.A.</i> The problems of qualification of theft (capture) of the air, water or rail transport	136
<i>Nestolii V.G., Hasnutdinov A.I.</i> About the development of the general theory of the subsidiary contract.....	140

HISTORY AND MODERNITY

<i>Sonin V.V.</i> Comparative analysis of the first socialist type constitutions asseptance in Russia and China.....	146
<i>Postnikov V.V.</i> Russian scientists about political and historical value of Pacific Ocean	152
Short description of articles (Russian versions)	160
Short description of articles (English versions)	168
College members' data.....	175

К читателям журнала

Либерализация экономики российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреват замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

Содержание журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом 2 раза в год, предполагает размещение следующих материалов:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для участия в издании журнала достаточно присылать материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 страниц машинописного текста, включая список литературы (не более 10 источников), с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности и места работы, ученой степени и звания. Присланная *рукопись должна иметь: Ф.И.О. и название на русском и английском языках; e-mail для связи с читателями; аннотацию на русском и английском языках (на англ. языке – не менее 100 слов); ключевые слова на русском и английском языках.* Она должна быть оформлена в соответствии с требованиями: текст через 1,5 интервала с полями 20 мм (везде), шрифт № 14. К рукописи прилагать электронный вариант, записанный в редакторе Word.

Ссылки помещать в квадратных скобках, например: «согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]». Список литературы помещается в конце статьи о оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному освещению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690950, Владивосток, ул. Мордовцева, 12, зам. гл. редактора. **Информация о журнале в Интернете: atr.wl.dvgu.ru**

Тел.: (423) 226-76-41. Факс: (423) 222-78-25. E-mail: Zharikov@mail.dvgu.ru

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА ЭНЕРГОЭКОНОМИКУ СТРАН АТРАМ

*И.И. Меламед, М.С. Прокопьева, Е.А. Терентьева**

Азиатско-Тихоокеанский Российско-Американский регион (АТРАМ) включает в себя страны АТР, в том числе России, а также тихоокеанские страны Северной и Южной Америки [12].

Мировой кризис отразился на потреблении первичных энергоресурсов (ПЭР) всех государств, но в разной степени. Экономия энергопотребления в 2008–2009 гг. имела место во всех развитых странах. В 2010 г. снова начался рост потребления ПЭР как в целом в мире, так и в развитых странах (исключение – Австралия, падение потребления на 6%).

Мировое потребление ПЭР возросло в среднем на 8%: но если рост потребления нефти составил около 2%, угля – почти 12%; газа и гидроэнергии – соответственно – 8,3% и 9,3%, ядерной энергии практически не изменился, доля её потребления возросла на 0,7%.

В Китае, имеющем активную развивающуюся экономику, несмотря на кризис, потребление ПЭР за последние три года не только не уменьшилось, а возросло быстрыми темпами, достигнув пятой части всей мировой энергии, а по потреблению угля Китай приблизился к половине мирового уровня. Увеличение потребления энергии наблюдалось по всем видам ПЭР, при этом особенно заметно увеличилось потребление газа (в 1,7 раза) и гидроэнергии (в 1,5 раза), потребление нефти и угля возросло на 21% и 31% соответственно.

В Японии, импортирующей практически все необходимые энергоресурсы, произошло снижение уровня потребления ПЭР на 3,2%: потребление нефти уменьшилось на 11,9%, газа – выросло на 4,8%, угля – уменьшилось на 1,3%, гидроэнергии – увеличилось на 2,1%. Япония является самым крупным потребителем атомной энергии в Азии, её доля составляет более 10,5% от мирового значения. Страна приняла решение поддерживать экономику в период кризиса за счёт увеличения доли именно этого вида энергии, увеличив его потребление на 4,9%. Последовавшая за землетрясением в марте 2011 г. авария на АЭС Фукусима, возможно, приведёт к уменьшению использования атомной энергии и переходу Японии в будущем на другие виды энергии.

Республика Корея потребляет чуть более 2% мировой энергии. За время финансово-экономического кризиса страна увеличила свои потребности в энергетических ресурсах на 8,7%. Использование угля возросло на 27,3%, газа – на 15,9%, ядерной энергии – на 3,4%. Произошло уменьшение использования гидроэнергии на 27,3% и небольшое, менее 1,9%, снижение использования нефти.

* *Меламед Игорь Ильич*, кандидат технических наук, генеральный директор ЗАО «Международный центр развития регионов», г. Москва. E-mail: info@mfrg.ru

Прокопьева Мария Степановна, главный специалист, кандидат философских наук, ЗАО «Международный центр развития регионов».

Терентьева Елена Алексеевна, советник генерального директора ЗАО «Международный центр развития регионов».

Доля Индии в мировом потреблении (МП) энергии невысока и составляет 4,4%, несмотря на значительную численность населения и высокие темпы развития экономики. В отличие от многих стран, уменьшивших энергетическое потребление за три кризисных года, Индия значительно увеличила свои показатели, изменив его на 29,6%. При этом выросло потребление по всем видам ПЭР, кроме гидроэнергии.

Мировой финансово-экономический кризис оказал большое влияние на потребление первичных энергетических ресурсов, доля США в мировом потреблении ПЭР за время кризиса снизилась лишь на 2,2%, но в целом потребление США осталось в пределах пятой части от мирового.

Кризис практически не повлиял на потребление первичных энергетических ресурсов в Австралии, имеющей свои запасы нефти, газа и угля. Доля Австралии в МП ПЭР за время кризиса практически не изменилась и осталась в пределах 1%. При этом общее потребление энергии в стране было снижено на 3%. Австралия стала использовать на 20,8% больше газа, потребление угля снизилось на 18,3%, гидроэнергии – на 10,5%, потребление нефти практически не изменилось. Следует отметить полное отсутствие использования ядерной энергии в Австралии.

Несмотря на большую территорию и развитую экономику доля Канады в МП энергии составляет около 2,6%. До кризиса доля Канады была чуть выше – около 2,9%. За три кризисных года в Канаде резко, на 23%, упало только потребление угля, использование остальных видов энергии осталось практически на уровне 2007 года.

Доля Колумбии в МП энергии крайне мала, немногим более четверти процента. Атомная энергия в стране не используется. Колумбия почти полностью обеспечивает внутренний спрос на электроэнергию за счёт собственного производства. Большая часть электроэнергии в стране вырабатывается на гидроэлектростанциях, что позволяет экспортировать значительную часть добываемого угля. Потребление энергии в Колумбии за три последних года возросло на 7,3%, при этом рост потребления шёл по следующим видам энергии: нефти – на 6,8%, газа – на 18,8%, угля – на 46,1%. Потребление гидроэнергии в период кризиса снизилось на 9,9%

Доля Чили в мировом потреблении энергии крайне мала, около четверти процента. Атомная энергия не используется. Потребление энергии экономикой Чили за три последних года осталось практически на докризисном уровне, при этом незначительно снизилось потребление нефти и гидроэнергии и увеличилось потребление газа и угля.

Доля России в МП около 6%. После кризиса общее потребление первичных энергоресурсов снизилось, но при этом потребление нефти увеличилось на 17,2%, газа снизилось на 5,6%, угля не изменилось, выработка ядерной энергии на 6,6% выросла, а гидроэнергии – снизилась на 5,9%.

Топливо-энергетический баланс (ТЭБ) основных стран АТРАМ и мира в целом приведен в табл. 1. Из её данных следует, что за время кризиса в ТЭБ:

- КНР не произошло больших изменений, незначительно снизилась доля нефти и возросла доля гидроэнергии;

- Японии произошло уменьшение доли потребления нефти на 4%. При этом доля всех остальных видов энергии соответственно незначительно возросла. Стала заметна роль возобновляемых видов топлива;

Топливо-энергетический баланс основных стран АТРАМ, %

Страна/регион	Нефть		Природный газ		Уголь		Ядерная энергия		Гидроэнергия		Возобновляемая энергия	
	2007 г.	2010 г.	2007 г.	2010 г.	2007 г.	2010 г.	2007 г.	2010 г.	2007 г.	2010 г.	2007 г.	2010 г.
Мир	35,61	33,56	23,76	23,81	28,63	29,63	5,60	5,22	6,39	6,46	-	1,32
КНР	19,75	18,09	3,25	4,13	70,38	69,97	0,76	0,68	5,87	6,64	-	0,49
Япония	44,23	40,25	15,69	16,98	24,21	24,70	12,19	13,21	3,65	3,84	-	1,02
Р. Корея	45,98	41,41	14,23	15,14	25,51	29,81	13,80	13,12	0,47	0,33	-	0,18
Индия	31,78	29,66	8,95	10,63	51,43	52,95	0,99	1,00	6,85	4,81	-	0,96
США	39,94	37,19	25,23	27,17	24,29	22,95	8,14	8,41	2,41	2,57	-	1,71
Австралия	34,65	36,02	18,56	23,12	43,60	36,70	-	-	3,12	2,90	-	1,25
Канада	31,80	32,31	26,30	26,67	9,45	7,39	6,56	6,41	25,89	26,17	-	1,06
Мексика	57,36	51,70	31,32	36,64	5,92	4,94	1,54	0,79	3,92	4,91	-	1,02
Колумбия	34,33	34,03	23,00	25,38	8,67	11,85	-	-	33,67	28,26	-	0,47
Чили	55,94	51,79	13,99	14,93	11,54	13,20	-	-	18,88	17,29	-	2,78
Россия	18,2	21,36	57,1	53,95	13,6	13,58	5,2	5,58	5,8	5,51	-	0,02

Источник: [3,4]

- Республики Корея из 86%, которые занимают углеводороды, половина принадлежит нефти, а остальная часть – газу и углю. 13% ядерной энергии в балансе говорят о том, что РК активно использует этот вид энергии в своей экономике;

- Индии снизилась доля нефти и гидроэнергии, доля использования возобновляемых источников приблизилась к общемировому значению;

- США произошло снижение доли потребления нефти и угля на 2,75% и 1,34% соответственно, но выросла доля потребления газа на 1,94% и стала заметна роль возобновляемых источников энергии;

- Австралии произошло увеличение доли потребления нефти и газа на 1,37% и 4,56% соответственно, но значительно уменьшилось потребление угля, на 6,9%, и гидроэнергии;

- Колумбии показывает почти равномерное распределение видов энергии, при этом доля нефти, равная 34%, соответствует мировому значению. За счёт большего потребления угля его доля в балансе возросла с 8,7% до 11,85%. Колумбия постепенно начала увеличивать использование возобновляемых видов энергии, хотя их доля в балансе страны минимальна и составляет менее половины процента;

- России традиционно большее потребление приходится на природный газ. В 2010 г. оно составило 54%, снизившись на 3,2% относительно 2007 г., доля нефти – на 3,2%.

Мировая энергоёмкость за время кризиса снизилась на 1,2%, появилась тенденция к сокращению энергозатратных секторов мирового хозяйства (табл. 2)

За время кризиса энергоёмкость экономики:

- Китая снизилась на 6%, доля нефти, угля и ядерной энергии при производстве ВВП стала меньше, а газа и гидроэнергии – выше, чем в докризисный 2007 г.;

- Японии снизилась еще на 3,8%;

- Р. Корея снизилась на 10%, нефтеёмкость уменьшилась на 19%, при этом оставаясь выше общемирового уровня, доля ядерной энергии снизилась на 14%, значительно уменьшилась в энергоёмкости доля гидроэнергии – на 36%. За время кризиса выросла на 5% только углеёмкость корейской экономики;

Индии стала меньше на 4,8%, при этом уменьшение коснулось всех показателей, кроме газоёмкости, выросшей на 12%;

- США снизилась больше, чем в целом по миру на 5,4%, причём снижение коснулось всех видов энергии, кроме газа. Энергоёмкость по газу выросла почти на 2%;

Австралии снизилась на 16%, что свидетельствует об изменении структуры хозяйствования страны в целом;

- России: произошло сокращение энергетических затрат на 6,5%, доля газа, угля и гидроэнергии стала меньше, а нефти – выше, чем в докризисный период 2007 г., ядерная энергия осталась на том же уровне.

Тем не менее, потребление энергии мировой экономикой в пересчёте на душу населения в мире за время кризиса выросло на 4%, при этом доля нефти и газа почти не изменилась, а доля угля возросла.

Если в 2007 г. экономика и население Китая в пересчёте на душу населения потребляли энергии меньше мирового уровня, то в 2010 г. её потребление превысило мировой уровень на 6%. Таким образом, можно говорить о том,

**Энергоемкость экономик основных стран АТРАМ по видам потребления ПЭР,
кг н.э. /1000 долл. ВВП (по ППС)**

Страна/регион	Нефть		Природный газ		Уголь		Ядерная энергия		Гидроэнергия		ВСЕГО	
	2007 г.	2010 г.	2007 г.	2010 г.	2007 г.	2010 г.	2007 г.	2010 г.	2007 г.	2010 г.	2007 г.	2010 г.
Мир	58,06	54,04	38,74	38,34	46,67	47,70	9,14	8,40	10,42	10,41	163,03	161,02
КНР	52,27	45,05	8,61	10,29	186,28	174,22	2,02	1,69	15,53	16,53	264,69	249,01
Япония	53,11	46,47	18,84	19,61	29,07	28,52	14,64	15,25	4,39	4,44	120,07	115,46
Р. Корея	88,93	71,97	27,52	26,32	49,34	51,81	26,69	22,80	0,91	0,58	193,39	173,80
Индия	43,27	38,43	12,19	13,77	70,03	68,61	1,35	1,29	9,33	6,23	136,16	129,57
США	65,58	57,74	41,43	42,19	39,90	35,64	13,36	13,06	3,95	3,99	164,21	155,28
Австралия	54,81	47,88	29,35	30,73	68,96	48,78	-	-	4,94	3,85	158,18	132,92
Канада	80,55	76,64	66,61	63,26	23,94	17,53	16,61	15,20	65,59	62,08	253,31	237,22
Мексика	66,07	56,05	36,07	39,73	6,81	5,36	1,78	0,85	4,52	5,33	115,19	108,43
Колумбия	32,19	25,38	21,56	18,93	8,13	8,84	-	-	31,56	21,08	93,75	74,58
Чили	69,57	56,55	17,39	16,30	14,35	14,41	-	-	23,48	18,88	124,35	109,18
Россия	60,29	66,2	189,13	167,2	45,25	42,1	17,33	17,3	19,39	17,1	331,42	310,0

Источник: [3,4]

что за три кризисных года политика Китая в области потребления энергии не изменилась.

Энерговооруженность Японии была выше мирового уровня в 2,4 раза, за время кризиса она снизилась на 2,4%, при этом оставаясь всё ещё много выше среднемировых значений. Несмотря на снижение объёма потребления нефти, нефтевооружённость экономики Японии остается очень высокой. Уровень корейской энерговооруженности за три кризисных года вырос на 9,6% за счет увеличения использования экономикой и населением газа на 16,2%, угля – на 27,9%, ядерной энергии – на 4,5%.

Энерговооруженность экономики и населения Индии значительно отличается от мировых значений. Даже при тенденции к увеличению данного показателя в Индии (увеличение в 1,2 раза) его значение почти в 4 раза ниже мирового уровня. С учетом огромного населения страны доля ядерной энергии в энерговооруженности практически равна 0, а основной составляющей является уголь.

Энерговооруженность экономики и населения США снизилась более чем на 6%. Снижение произошло по всем видам энергии, за исключением гидроэнергии. Таким образом, можно сделать вывод, что США стали более экономными, но если показатели США и мира отличаются более чем в 4 раза, то экономить экономика и население США могут еще очень долго, не потеряв при этом высокого уровня жизни. Аналогично, энерговооруженность экономики и населения Австралии снизилась более чем на 9%.

Уровень энерговооруженности Канады выше мирового уровня в 5,4 раза. К 2010 г. использование энергии экономикой и населением Канады на душу населения стало меньше докризисного на 4,4%. Энерговооруженность экономики Мексики стала выше на 4%, при этом газовой вооруженность возросла на 20%, доля гидроэнергии также выросла на 16%, нефте- и углевооруженность упала на 6% и 12% соответственно. Доля ядерной энергии снижена в 2 раза. Можно заметить, что в Мексике резко снижается использование ядерной энергии, заметно ниже стал уровень потребления угля и нефти, при этом происходит увеличение роли газа и гидроэнергии в экономике.

Энерговооруженность Колумбии выросла на 5,8%, оставаясь при этом ниже общемирового значения в 2,4 раза. Уровень энерговооруженности Чили практически совпадает с мировым значением. Однако если потребление энергии мировой экономикой в пересчете на душу населения за время кризиса выросло на 4%, то в Чили этот показатель стал ниже на 5%. Отметим, что в 2007 году энерговооруженность Чили была выше общемирового уровня, а в 2010 году уже ниже.

Энерговооруженность экономики России выше среднемирового уровня почти в 3 раза, меньше в 1,5–2 раза США и Канады, но сопоставима с энерговооруженностью Республики Корея. За время кризиса энерговооруженность практически не изменилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меламед И.И., Абрамов А.Л., Коржубаев А.Г. и др. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы интеграции : монография. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011.

2. Коржубаев А.Г., Курилов В.И., Левинталь А.Б., Меламед И.И. Геополитические приоритеты энергетической стратегии России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2012. № 1.
3. CIA-The World Factbook – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>
4. BP GLOBAL statistical review of world energy full report June 2011 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bp.com/statisticalreview.

РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И РОССИЙСКО-КОРЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

*В.И. Курилов, А.Л. Абрамов, Ю.А. Чикиш**

Новейшая история российско-корейских отношений

Дипломатические отношения между Российской Федерацией и Республикой Корея установлены 30 сентября 1990 г. Это событие стало важным шагом в направлении развития двухсторонних отношений между нашими странами в связи с новыми подходами к развитию восточных территорий России, может повлиять на экономическое развитие Дальнего Востока Российской Федерации.

Партнерство с Республикой Корея имеет для России самостоятельную ценность прежде всего в плане создания системы многосторонней безопасности в Северо-Восточной Азии и экономического развития Дальнего Востока [1].

Россия выступает в пользу шагов двух корейских государств по самостоятельному мирному объединению. Урегулирование ядерной проблемы Кореи и нормализация отношений КНДР с ключевыми державами региона способствовали бы переводу в практическую плоскость крупных трехсторонних проектов партнерства России, Северной и Южной Кореи, в числе которых:

- Международный железнодорожный коридор Европа–Корея;
- Программа создания в Северо-Восточной Азии и на Дальнем Востоке России единой энергетической системы;
- Программа прокладки в СВА сети трубопроводов, включающей регионы Восточной Сибири и российского Дальнего Востока.

Состоявшийся 28–30 сентября 2008 г. официальный визит Президента Республики Корея Ли Мён Бака в Российскую Федерацию подтвердил, что отношения с Республикой Корея служат одним из приоритетов российской внешней политики в АТР и уверенно развиваются в направлении стратегического партнерства:

- Стороны условились сотрудничать по таким важным вопросам, как новые вызовы и угрозы, изменение климата, энергетическая и продовольст-

* *В.И. Курилов* – д.ю.н., профессор, проректор по международным отношениям ДВФУ.
А.Л. Абрамов – к.т.н., профессор кафедры математических методов в экономике ШЕН ДВФУ, советник ректора ДВФУ, директор Дальневосточного центра экономического развития и интеграции России в АТР ДВФУ.
Ю.А. Чикиш – магистр экономики, заместитель директора Дальневосточного центра экономического развития и интеграции России в АТР ДВФУ.

венная безопасность, борьба с трансграничной преступностью, в том числе в финансово-экономической области, пиратством и киберпреступностью.

- Достигнуты договоренности о продолжении взаимодействия по таким стратегически важным инвестиционным проектам, как разведка и разработка месторождений углеводородов на Западно-Камчатском шельфе, поставка в РК природного газа и строительство газопровода на Корейский полуостров на основе межправительственного соглашения о сотрудничестве в газовой промышленности, совместное использование потенциала агропромышленного комплекса Приморского края.

К настоящему времени создана необходимая договорно-правовая база двустороннего сотрудничества: заключены соглашения о торговле, о гарантиях инвестиций, по рыболовству, по предотвращению двойного налогообложения, о сотрудничестве в военно-технической области, о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, о культурном обмене и другие.

22 декабря 2009 г. в Сеуле заключено важнейшее межправительственное соглашение о предупреждении незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла морских живых ресурсов.

10–11 ноября 2010 г. состоялся официальный визит в Республику Корею Президента Российской Федерации, который был приурочен к участию российского лидера в саммите «Группы двадцати» в Сеуле. По итогам состоявшихся переговоров были подписаны:

- Совместное российско-корейское заявление и межправительственные соглашения о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого, о сотрудничестве в области морского транспорта,

- Меморандум о взаимопонимании между Министерством экономического развития Российской Федерации и Министерством инновационной экономики Республики Корея о сотрудничестве в области модернизации экономики,

- Меморандум о сотрудничестве между Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Комиссией по вопросам связи Республики Корея и др.

Главным итогом саммита России и РК явилась договоренность лидеров двух стран о наращивании сотрудничества России и РК в сферах, связанных с модернизацией российского производства и инфраструктуры, а также с реализацией совместных инновационных проектов.

Россия и Республика Корея тесно взаимодействуют в области ядерной энергетики. Россия поставляет около трети от общего объема топлива для южнокорейских АЭС. 2 февраля 2011 г. в Сеуле делегация Госкорпорации «Росатом» обсудила с партнерами вопрос о возможном присоединении Республики Корея к Международному центру по обогащению урана в Ангарске [2].

ДВФУ и российско-корейские отношения в области образования

Создание Дальневосточного федерального университета является системным инновационным проектом не только в области образования и науки, но и в Восточной стратегии России в целом. По сути, это решение имеет такое же фундаментальное значение, какое имел указ российского императора Николая II о создании Восточного института во Владивостоке.

В условиях благоприятной академической среды корееведение получило принципиально новое развитие как одно из приоритетных направлений на-

учно-образовательной деятельности университета в его новейшей истории и продолжение традиций востоковедения в университете.

В настоящее время ДВФУ, наряду с такими известными востоковедческими школами и исследовательскими центрами, как ИСАА при МГУ и СПбГУ, является одним из ведущих в стране центров по подготовке корейстов и научных исследований в области востоковедения. Новая ситуация в регионе резко повысила спрос на специалистов со знанием корейского языка, экономики, политики и культуры этой страны. Совместно с министерством образования Республики Корея и ее бизнес-кругами в ДВФУ был создан Высший колледж корееведения, ставший лучшим центром изучения РК за рубежом.

В ДВФУ ведется серьезная научно-исследовательская, экспертная, аналитическая работа в области российско-корейских отношений, издаются научные журналы «Известия Восточного института», «Вестник корееведческих исследований». Кроме того, ДВФУ издает журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право», входящий в перечень ВАК. Научная работа ведется в тесном сотрудничестве с Институтами Дальнего Востока и Востоковедения РАН, а также с Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ведение научно-исследовательских работ в значительной мере обеспечивается грантами, получаемыми учеными института из различных фондов России и Республики Корея.

ДВФУ является одним из лидеров в области преподавания корейского языка и развития корееведения в России и мире.

Поэтому не случайно в ноябре 2010 г. в Сеуле состоялось первое заседание форума «Российско-Корейский Диалог» (РКД) с участием Санкт-Петербургского государственного университета и Университета «Корё», к которому подключился и Дальневосточный федеральный университет.

6–9 сентября 2012 года, во время недели САММИТа АТЭС во Владивостоке, прошло открытие нового кампуса ДВФУ, в котором состоялись переговоры президента России В.В. Путина и президента Республики Корея Ли Мён Бака.

В центре внимания двух лидеров были:

- общая ситуация на Корейском полуострове, урегулирование ядерной проблемы и перспективы возобновления шестисторонних переговоров (Китай, Япония, Россия, США, КНДР, Республика Корея);

- развитие торгово-экономических отношений, в том числе участие РК в проектах экономического развития Дальнего Востока.

Торгово-экономическое сотрудничество России и Республики Корея (2005–2012 гг.)

Товарооборот. Россия занимает 14-е место среди внешнеторговых партнеров Республики Корея, в том числе 14-е по экспорту и 22-е – по импорту. По итогам 2010 г. Республика Корея заняла 3-е место среди стран Восточной Азии по объему товарооборота с Россией после КНР и Японии (табл. 1).

А в 2011 г. товарооборот двух стран увеличился по сравнению с 2010 годом на 40% и достиг рекордного показателя в 25 миллиардов долларов. В первой половине 2012 года темпы роста взаимной торговли составили 4,2%. Объем накопленных южнокорейских инвестиций в российскую экономику составляет около 3 млрд дол [2].

**Товарооборот между Россией и Республикой Корея
в 2005–2010 гг., млрд дол**

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Товарооборот	6,4	9,3	15,0	18,3	10,6	17,7
Экспорт	2,4	2,5	6,2	7,8	5,7	10,4
Импорт	4,0	6,8	8,8	10,5	4,9	7,3
Сальдо торгового баланса	-1,6	-4,3	- 2,6	- 2,7	- 0,8	3,1
Динамика товарооборота,%	159,5	145,3	161,3	122,0	57,4	168,0
Динамика экспорта,%	120,2	115,9	225,5	126,3	73,0	184,0
Динамика импорта,%	197,5	169,3	130,3	119,0	45,9	149,4

Источник: Федеральная таможенная служба.

В структуре российского экспорта в Республику Корея доминируют поставки сырьевых товаров: топливо и минеральные продукты (73,6%), металлы и изделия из них (10,4%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (8,1%).

Структуру импорта формируют: машины, оборудование и транспортные средства (73,2%), продукция химической промышленности (12,7%), металлы и изделия из них (5,7%).

Инвестиции. Интерес со стороны южнокорейских предприятий и компаний к совместным с российской стороной инвестиционным проектам достаточно высок. По данным Росстата, за 2009 г. в экономику России поступило 1280 млн дол корейских инвестиций, что на 54,25% больше, чем за 2008 г. При этом сумма поступивших корейских инвестиций в 2008 г. в 3 раза превышала показатель 2007 г. Из поступившего в 2009 г. объема инвестиций 494 млн дол (или 38,61%) – прямые инвестиции.

На конец 2009 г. общий объем накопленных корейских инвестиций в российскую экономику составил 2020 млн долл. (табл. 2), что на 64,21% больше величины на конец 2008 г. Из этой суммы 1129 млн дол (или 55,86%) – прямые инвестиции.

По данным Росстата, по итогам 2010 г. в экономику России поступило 1,9 млрд. дол корейских инвестиций. Общий объем накопленных корейских инвестиций в российскую экономику составил 2,6 млрд дол.

Расширяется география корейских капиталовложений в Россию, она охватывает не только столицы – Москву и Санкт-Петербург, но и российские регионы: Владивосток (автомобилестроение, судостроение, торговля, сельское хозяйство, транспорт и др.), Хабаровск (нефтепереработка), Сахалин (нефтяные и газовые проекты), Татарстан, Таганрог, Ульяновск, Нижний Новгород, Калининград, Калужская область, Кемеровская область.

**Динамика инвестиций в Россию из Республики Корея
в 2005–2010 гг., млн долл.**

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Накоплено инвестиций на начало отчетного периода	329,71	54,08	08,01	702,17	1 208,37	2 301,29
Поступило инвестиций и инвестиционных доходов	46,12	280,38	65,38	829,97	1 280,29	1 901,40
Изъято (погашено) инвестиций	34,15	37,16	71,89	301,79	455,01	1 102,11
Переоценка, прочие изменения активов и обязательств	0,64	0,07	- 0,33	0,33	- 12,76	- 42,16
Накоплено на конец отчетного периода	342,31	97,38	701,17	1 230,67	2 020,89	2 643,67

Источник: Данные Росстата.

Возможности российско-корейского сотрудничества по экономическому развитию Дальнего Востока и Прибайкалья

Макропоказатели. Территория Дальнего Востока и Байкальского региона (ДВиП) составляет 7727,4 тыс. кв. км (45,2% от территории Российской Федерации), на ней расположены 12 субъектов Российской Федерации: Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, Республика Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область. Численность постоянного населения на 01.01.2011 г. составляла 10 789,4 тыс. чел. (7,8% населения страны) с преобладанием городского населения. Плотность населения колеблется в пределах от 0,1 до 12,1 чел. на 1 кв. км [2].

Среднегодовая температура ДВиП составляет -4,5°C (среднегодовая температура России -2°C, Японии +21°C, Китая + 24°C). Изотерма -2°C, определяющая территорию, пригодную для проживания человека, выделяет примерно 30% площади макрорегиона, в основном в зоне тяготения к Транссибирской железной дороге (Иркутск +0,6°C, Чита -2 °С, Хабаровск +2,2°C, Владивосток +4,6°C). За 30 лет среднегодовая температура повысилась в среднем на 0,6°C, увеличив площадь пригодной для жизни человека территории с чуть более 10% до почти 30%.¹

Регионы, относящиеся к Дальнему Востоку и Прибайкалью, отличаются богатством недр. Здесь находятся крупнейшие месторождения углеводородов – Сахалинские шельфовые, Ковыктинское и Верхнечонское (Иркутская область), Талаканское и Чайнинское (Республика Саха (Якутия)); угля – Эльгинское,

¹ Сайт Погода и Климат. Расчеты выполнены ЗАО "МЦРР".

Кангалосское (Республика Саха (Якутия)), Свободное (Амурская область), Бикинское (Приморский край), Ургальское (Хабаровский край); золота – Сухой Лог (Иркутская область), Наталкинское (Магаданская область), Нежданнинское (Республика Саха (Якутия)); меди – Удоканское (Забайкальский край); алмазов (Республика Саха (Якутия)); крупные месторождения черных, цветных и редких металлов, фосфоритов и нерудных ископаемых. На территории ДВиП сосредоточены основные российские запасы урана, алмазов, олова и плавикового шпата. Здесь должна возникнуть новая ресурсная база углеводородов России, призванная восполнить падающую добычу углеводородов Западной Сибири [2].

Учет этих реалий предполагает постановку и решение новой для региона задачи: повышение **пространственной эффективности экономики**, под которой понимается оптимальное размещение экономики на территориях, обеспечивающее запуск ее бездотационного роста и возможность интеграции с экономиками приграничных провинций стран СВА [3].

Решение этой задачи основано, **во-первых**, на ускорении экономической интеграции между экономикой Дальнего Востока и Прибайкалья и экономиками западных провинций Японии, Республики Корея, восточных провинций КНР и др. стран АТР.

Это необходимо сделать в связи с тем, что зоны экономической плотности собственно России находятся в ее европейской части и не могут быть использованы в полной мере в интеграционной политике (рис. 1)¹.

При проведении экономической интеграции важны следующие аспекты:

- «Переливы» через границу экономической плотности (рис. 2) являются основным преимуществом для запуска бездотационного экономического роста в Приморском крае. Этот пространственный мультипликатор переносит рост экономик соседних провинций стран АТР на экономику региона.

Рис. 1. Зоны экономической плотности России, Европейского союза и Японии, ВВП на 1 кв. км

¹ Если обратиться к мировому опыту, то становится ясно, что экономическая концентрация в развитых странах (например, США), возникавшая вначале в одной части страны, затем перераспределялась по всей территории в течение более 100 лет. В России географические расстояния еще более значительны.

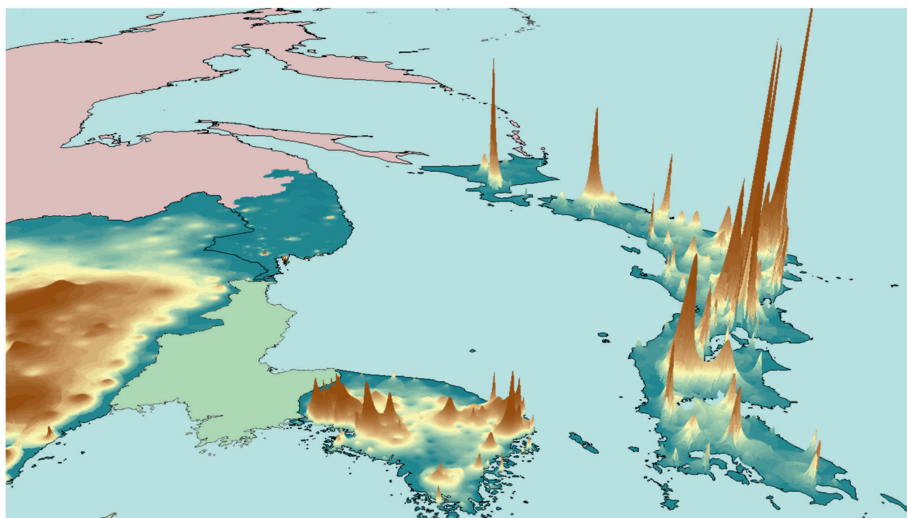

Рис. 2. Зоны экономической плотности провинций Японии, Республики Корея, северо-восточных провинций КНР, городских и муниципальных округов Приморского края (ВРП провинций и округов на 1 кв. км)

- Обеспечение таких «переливов» экономической плотности диктует необходимость усиления **экспортной ориентации экономики Приморского края**, что задает приоритеты развития ее секторов: туризм, транспорт, сельское хозяйство, образование, лесное и рыбное хозяйство, соответствующая инфраструктура и др.

Во-вторых, запуск бездотационного развития экономики региона, обеспечивающий стандарты качества жизни выше среднероссийских (на уровне Республики Корея) и возможность интеграции и конкуренции с экономиками приграничных провинций стран СВА, основан на оптимальном размещении экономики на территории края.

Таким образом, пространственная эффективность экономики края достигается с помощью оптимального размещения производительных сил по территории, которое рассчитывается на основе анализа экономической плотности и экономических расстояний в регионе до уровня городских и муниципальных округов и с учетом «переливов» экономической плотности из соседних стран.

Инвестиционное сотрудничество России и Республики Корея. К основным проектам, реализуемым в настоящее время, можно отнести следующие [4]:

- компания «Лоттэ Групп»: гостинично-торговый комплекс в г. Москва (стоимость проекта – 260 млн долл.) и кондитерские фабрики в г. Санкт-Петербург и в г. Обнинск Калужской области;
- компания LG Electronics: завод по производству бытовой электроники в г. Руза Московской области (объем инвестиций – 150 млн долл.);
- компания Samsung Electronics: завод по производству бытовой техники в Калужской области (объем инвестиций – 137 млн долл.);
- компания «Хёндэ Мотор» – автосорборочное предприятие в г. Санкт-Петербург (объем инвестиций – 500 млн дол.). Завод будет выпускать ежегодно 150 тыс. автомобилей специально разработанной для России модели «Соларис». Предполагается работа в режиме полного производственного цикла, начиная

со штамповки панелей и заканчивая сборкой автомобиля. Это – первое промышленное предприятие подобного рода среди зарубежных автопроизводителей в России;

- компания KP Chemical: завод по производству полиэтилентерефталата и терефталевой кислоты на территории ОЭЗ «Алабуга» (объем инвестиций – 135 млн евро);

- компания «ДейВон»: производство автомобильных сидений в Республике Татарстан;

- строительство ТЭС мощностью 500 МВт в Кемеровской области;

- компания «Дэу шипбилдинг энд марин инджиниринг»: совместный инвестиционный проект с российским акционерным обществом «Объединенная судостроительная корпорация» (ОСК) по созданию современной верфи «Звезда-DSME» в бухте Большой Камень в Приморском крае (стоимость – 1,55 млрд долл.). Верфь предназначена для строительства современных крупнотоннажных наливных морских судов (в основном танкеров и газозовов). Предусматривается также строительство крупных рыбопромысловых судов и судов транспортного флота.

Перспективными направлениями сотрудничества двух стран представляется взаимодействие по следующим направлениям:

1. В топливно-энергетическом комплексе:

- сотрудничество между ОАО «Газпром» и KOGAS;

- проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2»;

- сотрудничество между ОАО «Газпром» и KНОС по освоению Западно-Камчатского шельфа Охотского моря;

- сотрудничество в области электроэнергетики;

- сотрудничество в области мирного использования атомной энергии.

2. В области автомобилестроения:

- сотрудничество ОАО «СОЛЛЕРС» и Ssang Yong Motor Company;

- автосборочное предприятие компании «Хёндэ Мотор» в г. Санкт-Петербург;

- сборка автомобилей Hyundai на Таганрогском автомобильном заводе;

- сборка автомобилей KIA на предприятии ЗАО «Автотор» в Калининградской области;

3. В области освоения космоса:

- создание Корейского ракетно-космического комплекса;

- создание жидкостных ракетных двигателей;

- услуги по запускам.

4. В области судостроения – создание совместного предприятия в Приморском крае для возведения судостроительного завода стоимостью 1,55 млрд долл.

5. Соединение Транскорейской железной дороги с Транссибирской магистралью имеет особое значение. Российская сторона последовательно работает в этом направлении. Подписано соглашение между Министерством железных дорог КНДР и ОАО «РЖД» о сотрудничестве по пилотному проекту реконструкции 52-километрового отрезка Транскорейской железной дороги от станции Хасан на границе между Россией и КНДР до северокорейского порта Раджин и сооружении контейнерного терминала в этом порту. Этот терминал будет открыт для судов третьих стран, включая Республику Корея.

Участие в программе социально-экономического развития Приморского края

Отдельным возможным проектом российско-корейского сотрудничества может стать «Программа социально-экономического развития Приморского края на 2013–2017 годы».

Дело в том, что потенциал экономического развития Приморского края сегодня чрезвычайно высок. Принятие решения Правительства Российской Федерации по переоснащению вооруженных сил новым современным вооружением, строительству и эксплуатации боевых кораблей Тихоокеанского флота; освоение Арктики, в первую очередь ее углеводородных ресурсов, и многократное расширение объемов перевозок по Северному морскому пути, растущая потребность стран АТР в топливно-энергетических ресурсах, а также наличие в Приморском крае соответствующих природно-ресурсных и производственных возможностей делает необходимым в Приморском крае:

- развитие добычи металлургического сырья, а также редких, цветных и благородных металлов;
- развитие базы судостроения, особенно для целей добычи и транспортировки углеводородного сырья, в том числе сжиженного природного газа;
- развитие базы судоремонта, в том числе в интересах Тихоокеанского флота;
- строительство предприятий нефтегазохимии, сжижения природного газа, нефтепереработки;
- развитие портовых мощностей, транспортной и энергетической инфраструктуры;
- продолжение развития авиастроения, автостроения, других направлений машино- и приборостроения гражданской и оборонной направленности.

Естественно будет продолжено развитие секторов жизнеобеспечения населения края: сельского хозяйства, переработки сельхозпродукции, пищевой промышленности, предоставления социальных, информационных и инженерных услуг.

Проекты и мероприятия сгруппированы по видам экономической деятельности и разбиты на два больших блока: коммерческие (окупаемые) проекты и некоммерческие (неокупаемые) мероприятия. Последние, как правило, реализуются преимущественно за счет средств федерального, краевого и местных бюджетов.

Территориально проекты будут реализовываться в 3-х зонах (северо-восточной, западно-центральной и южной) развития Приморского края, выделенных на основе анализа экономической плотности экономики региона.

В соответствии с зонированием территории выделены проекты, имеющие наибольшее влияние на развитие Приморского края¹.

В Западной и Центральной природно-индустриальной зоне базовым является проект создания Центрально-Приморского горнопромышленного кластера.

Центрально-Приморский горнопромышленный район площадью 8000 км² расположен в восточной части Дальнереченского и на юге Красноармейского муниципальных районов в полосе протяженностью 160 км и шириной от 20

¹ При описании механизмов их реализации будем опираться на проработки ЗАО «МЦРР» и ОАО «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона», выполненные во исполнение протокола совещания у Председателя Правительства Российской Федерации от 11 октября 2012 г. № ДМ – П16 – 40пр).

до 60 км, протянувшейся от с. Пожига в направлении с. Мельничное и далее в бассейн нижнего течения рек Арму и Колумбэ. Важной особенностью является то, что район сравнительно хорошо доступен, но практически не освоен и не имеет необходимой инфраструктуры. Через центральную часть площади проходит автодорога третьего класса краевого значения. На запад она проложена до районного центра Красноармейского района пос. Новопокровка (120-130 км) и ж/д станции Дальнереченск (210 км) и на восток – до пос. Пластун (140 км) на берегу Японского моря. Аналогичная дорога проходит по южной границе района и связывает с. Пожига с г. Дальнереченском.

Горнорудный район охватывает 6 рудных узлов, включающих 11 месторождений и 4 перспективных рудопроявления.

Кроме того, в пределах характеризуемой территории расположен ряд более мелких месторождений и рудопроявлений рудного и россыпного золота, олова, вольфрама, меди, редких металлов, вермикулита и камнецветного сырья.

Имеющиеся здесь ресурсы и запасы минерального сырья позволяют в обозримой перспективе планировать создание в этой части Приморья нового территориально-промышленного комплекса (кластера), стержневой основой которого будет добыча и углубленная переработка минерального сырья.

В настоящее время уже переданы недропользователям месторождение вольфрама «Скрытое», Малиновское золоторудное месторождение, Конторское золото-медное рудопроявление, золотые россыпи Благодатненского узла. Сейчас на этих месторождениях выполняется разведка, после завершения которой будут составлены проекты на эксплуатацию. В перспективе здесь возможно строительство гидromеталлургического комплекса.

На 2012 г. намечена передача в освоение Дальнетаежного олово-полиметаллического месторождения. Кроме того, в программу геологического изучения и воспроизводства минерально-сырьевой базы по Приморскому краю за счет средств федерального бюджета на 2012 г. включены работы по оценке промышленной значимости Ариадненского месторождения титана.

Проект обсуждался с ОАО «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона» и предварительно включен в перечень приоритетных проектов, реализуемых на принципах государственно-частного партнерства.

Реконструкция автомобильной дороги от месторождения «Скрытое» до п. Восток включено в проект ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года».

В Южной зоне индустриального развития центральными проектами будут:

1) Создание нового портового комплекса в бухте Троица как портовой особой экономической зоны (ПОЭЗ «Троица»).

2) Создание промышленно-производственной особой экономической зоны в районе ПОЭЗ «Троица» для выпуска электроники, бытовой техники, автомобилей, автокомпонент и другой техники.

3) Организация в этой ОЭЗ крупного кластера переработки рыбы и выпуска рыбной продукции. Этот проект включен в федеральную целевую программу развития рыбохозяйственного комплекса на 2014–2018 годы.

4) Развитие автомобильного международного транспортного коридора «Приморье-2».

5) Возможно объединение проектов 1)–4) в единый проект создания международной бестамуженной ОЭЗ «Троица» с возможным привлечением

дешевой рабочей силы из Северной Кореи. Проект прилагается к реализации на базе создания консорциума российских и иностранных инвесторов с участием Внешэкономбанка.

6) Организация перевозок из Сибири крупных партий зерна до 10 млн т ежегодно и строительство для его дальнейшей транспортировки специального зернового терминала в бухте Троица.

Проект реализуется «Группой Сумма» и «Объединенной зерновой компанией» при участии ОАО «РЖД». Для реализации проекта ФСТ¹ подготовила специальный тариф на перевозку зерна, который сейчас во исполнение упомянутого поручения Председателя Правительства России внесен в Правительство.

7) Строительство нефтехимического комплекса в Находкинском городском округе.

8) Строительство газохимического комплекса.

9) Строительство завода по сжижению газа.

10) Создание судостроительного кластера в г. Большой Камень.

Проекты 7)–10) включены в предварительный перечень приоритетных проектов развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Проект 10) также включен в государственную программу (федеральную) развития судостроения.

11) Комплексные проекты, реализуемые ОАО «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона» (Фонд).

- «Продовольственная безопасность Дальнего Востока». Планируется совместно с Фондом отобрать и включить в этот комплексный проект несколько проектов развития сельского хозяйства Приморского края.

- Комплексный проект «Экологическая безопасность Дальнего Востока». Планируется отобрать совместно с Фондом несколько экологических проектов на территории Приморского края.

- Комплексный проект «Создание центра адаптации мигрантов». Планируется на территории Приморского края создать центр для адаптации в первую очередь для рабочих из КНДР к условиям жизни и работы в России. Возможно использование для финансирования этого центра средств погашения долга КНДР перед Россией (годовой объем примерно 50 млн долл. США в год). Возможно обучение студентов из КНДР в высших учебных заведениях Дальнего Востока.

12) Строительство второй очереди Дальневосточного федерального университета.

13) Создание Интегрированной развлекательной зоны в бухте Муравьиная.

14) Создание туристско-рекреационной особой экономической зоны на острове Русский.

15) Строительство новых микрорайонов г. Владивосток, Находка, Артем и других (п-ов Песчаный, о-в Русский, Жемчужная долина).

Новые реалии

Вопросам социально-экономического развития Забайкалья и Дальнего Востока Российской Федерации придается важнейшее значение. Этому вопросу было посвящено специальное заседание президиума Госсовета России, которое состоялось 29 ноября 2012 г. в Москве.

¹ Федеральная служба по тарифам.

На заседании был предложен комплекс мер по развитию Дальнего Востока и Забайкалья (макрорегион), развивающий основные положения стратегии развития Дальнего Востока, к которым, в частности, относятся следующие мероприятия [4]:

1. Для развития макрорегиона необходимо создание особых условий для бизнеса и правительство готово их предоставить, в частности:

а) установить нулевую ставку федеральной части налога на прибыль в первые 10 лет работы вновь создаваемых производств (для проектов с объёмом инвестиций не менее 500 млн руб.);

б) освободить бизнес от налога на добычу полезных ископаемых по твёрдым полезным ископаемым при условии соблюдения того же требования на объём инвестиций.

2. Внесение изменений в действующее законодательство с тем, чтобы региональные власти могли бы также предоставлять льготу по налогам, аналогичную федеральной.

3. Внесение механизма учёта региональных налоговых льгот при распределении федеральных дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Федерации макрорегиона.

4. Усиление роли Фонда развития Дальнего Востока и Байкальского региона и его докапитализации с целью, в частности, поддержки инвестиционных проектов, выполняемых на условиях государственно-частного партнёрства.

5. Введение новых мер в вопросах использования природно-ресурсного потенциала восточных территорий:

а) проведение ревизии лицензионных соглашений по вводу месторождений и отзыву лицензии у тех, кто нарушает договорные обязательства;

б) принятие программы лицензирования крупных месторождений нераспределённого фонда, учет в ней условий строительства перерабатывающих мощностей, а также создание кластеров по добыче и переработке полезных ископаемых как точек ускоренного роста.

6. Увеличение пропускной способности Транссибирской железнодорожной магистрали, БАМа, а также основных автодорог Дальнего Востока и Забайкалья.

7. Модернизация энергетической инфраструктуры: строительство новых линий электропередач, в том числе вдоль БАМа и Транссиба; создание электросетевых объектов для ускоренной реализации Восточной газовой программы и др.

Таким образом, мы наблюдаем формирование новой восточной (тихоокеанской) политики России, ориентированной на опережающий экономический рост и «запуск» саморазвития экономики макрорегиона. У этой политики три важнейшие составляющие:

- Создание условий для структурных изменений экономики на Дальнем Востоке, сопровождающих экономический рост. На это нацелена Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г., которая была принята Правительством РФ в конце 2009 г., и формирующиеся в данный момент законы и программы социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона. В них, в частности, идет речь о проведении мер селективной политики, которые должны обеспечить опережающий рост экономики макрорегиона.

- Но в этих документах не достаточно учтены пространственные преобразования, необходимые для этих структурных сдвигов. Нельзя ответить на

вопросы «что производить и как», не ответив на вопрос «где производить». Экономика Дальнего Востока недостаточно пространственно эффективна. Таким образом, второй составляющей, формирующей восточную (тихоокеанскую) политику, должны стать пространственные преобразования.

• Третья составляющая – это использование возможностей интеграции экономики России в АТР, и в частности – новые торгово-экономические российско-корейские программы и проекты. Это естественным образом дополняет внутрироссийские планы социально-экономического развития, направленные на решение проблем Дальнего Востока¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перспективы сотрудничества России со странами АТР : монография. 2-е изд., перераб. и доп. / [В.И. Курилов, И.И. Меламед, А.А. Дягилев, А.Л. Абрамов, Ю.А. Авдеев]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2010. – 208 с. (Сер. «Стратегия развития Дальнего Востока и Прибайкалья» / под общ. ред. В.И. Курилова).
2. Россия а Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы интеграции: в 2 кн. Кн. 2 / [И.И. Меламед, А.Л. Абрамов, А.Г. Коржубаев и др.] ; под ред. И.И. Меламеда. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. – 740 с. (Сер. «Россия в АТР» / под общ. ред. В.И. Курилова).
3. Курилов В.И., Абрамов А.Л. Подходы к формированию стратегии развития юга Дальнего Востока России на основе пространственной эффективности экономики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2012. – № 1. – С. 62–75.
4. <http://kremlin.ru/transcripts/16990>

ФИНАНСОВЫЕ РЕСУРСЫ В ЭКОНОМИКЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

*Е.П. Жариков, Ж.И. Лялина**

На всех уровнях государственного управления постоянно подчеркивается геополитическая важность регионов российского Дальнего Востока, и в частности Приморского края, с его незамерзающими портами и еще относительно сохранившейся инфраструктурой судоремонтной промышленности и рыбодобывающего комплекса. Однако реальные дела осуществляются чрезвычайно медленно и особых экономических успехов не дают. Наконец, утверждение Владивостока местом проведения Саммита АТЭС предполагало оживление экономики края, в том числе через привлечение его к строительству объек-

¹ Из выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Президиума Государственного Совета России по вопросам социально-экономического развития Забайкалья и Дальнего Востока 29 ноября 2012 г. <http://kremlin.ru/transcripts/16990>

* *Жариков Евгений Прокофьевич* – доктор экономических наук, профессор Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: zharikov@mail.dvfu.ru.

Лялина Жанна Ивановна – кандидат экономических наук, зав. кафедрой "Финансы и кредит" Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток.

тов саммита со сметной стоимостью около 680 млрд рублей. В этой связи и рассмотрим, что же реально изменилось в экономике Приморья, особенно в сфере формирования финансовых ресурсов.

Анализ валового регионального продукта (ВРП) Приморского края на основе статистических данных [1] показывает (табл. 1, 2), что удельный вес конечного потребления в 2000 г. составлял 72,9% в структуре ВРП. Затем он неуклонно рос вплоть до 2006 г. (96,3%), в 2009 г. его рост замедлился до 91,2% и, наконец, в 2010 г. тенденция изменилась, и удельный вес потребления составил 77,7%.

Начиная с 2008 г., указанные тенденции происходят при большом статистическом расхождении, фактически 30,0% от ВРП. Согласно методическим указаниям, такое расхождение должно находиться в пределах 5%. Такие расчеты важнейших показателей дают возможность широкого манипулирования, что затушевывает реальную ситуацию в регионе. Из сравнения полученных

Таблица 1

**Распределение валового регионального продукта Приморского края,
млрд рублей (в ценах 2000 года)**

Показатели	2000	2002	2004	2006	2008	2009	2010
Валовой региональный продукт	62,09	96,63	114,86	129,07	143,84	147,83	165,18
Конечное потребление	45,25	78,68	94,10	124,27	138,90	134,89	128,41
Валовое накопление, в том числе:	8,75	17,60	20,18	22,96	45,66	64,04	85,26
валовое накопление основно- го капитала*	7,54	14,17	15,21	21,31	36,05	61,69	75,27
изменение запасов матери- альных оборотных средств	1,21	3,44	4,97	1,65	9,61	2,35	10,00
статистическое расхождение	8,09	0,34	0,58	-18,16	-40,72	-51,09	-48,49

* – включая чистое приобретение ценностей.

Таблица 2

**Структура распределения валового регионального продукта
Приморского края, %**

Показатели	2000	2002	2004	2006	2008	2009	2010
Валовой региональный продукт	100	100	100	100	100	100	100
Конечное потребление	72,88	81,42	81,93	96,28	96,57	91,25	77,74
Валовое накопление в том числе:	14,09	18,22	17,57	17,79	31,74	43,32	51,62
валовое накопление основного капитала*	12,14	14,66	13,24	16,51	25,06	41,73	45,57
изменение запасов матери- альных оборотных средств	1,95	3,56	4,33	1,28	6,78	1,59	6,05
статистическое расхождение	13,03	0,36	0,50	-14,07	-28,31	-34,56	-29,36

* – включая чистое приобретение ценностей.

расчетных показателей с аналогичными показателями по России [2] следует, что, начиная с 2009 г., валовое накопление, в том числе основного капитала, в Приморском крае более чем в два раза выше, чем в среднем по России и в 1,5–2,0 раза выше успешно развивающихся стран. Складывающаяся динамика более чем «благоприятна». Особенно с учетом того, что валовое накопление основного капитала формируется за счёт инвестиций в основной капитал с учетом выбытия и затрат, связанных с улучшением произведенных материальных активов и передачей на них права собственности. Фактически данный показатель отражает чистый прирост основного капитала, особенно учитывая то, что инвестиции в нематериальные активы в рассматриваемый период времени составляли около 0,1%.

Учитывая открытый характер региональной экономики, рассмотрим финансовые вложения в основной капитал с позиции суммарных инвестиций в нефинансовые активы, табл. 3.

Расчетные данные табл. 1, 3 относительно валового накопления основного капитала и инвестиций в основной капитал совпадают с точностью до 1,5–2,0%, что вполне приемлемо, учитывая определенные расхождения в методах расчетов.

Таблица 3

Структура инвестиций в основной капитал

Показатели	2000	2002	2004	2006	2008	2009	2010	2011
Инвестиции в основной капитал, млрд рублей (в ценах 2000 г.)	7,33	12,87	14,04	20,71	34,97	60,02	74,07	92,48
Структура инвестиций								
Инвестиции в основной капитал	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:								
собственные средства	58,5	63,2	53,2	50,0	34,8	16,0	14,1	10,3
из них:								
прибыль	27,4	14,7	17,7	21,2	9,8	3,3	3,4	3,9
амортизация	29,4	45,9	32,0	20,1	19,6	9,9	9,4	5,1
привлеченные средства	41,5	36,8	46,8	50,0	65,2	84,0	85,9	89,7
в том числе:								
бюджетные средства	16,7	18,3	22,6	27,3	23,8	35,3	44,5	38,5
из них:								
из федерального бюджета	11,0	7,0	12,8	18,4	17,9	32,1	40,0	31,9
из бюджета субъекта РФ и местных бюджетов	5,7	11,3	9,8	8,9	5,9	3,2	4,5	6,6
средства внебюджетных фондов	8,9	1,7	1,5	1,7	0,4	0,1	0,2	0,1
кредиты банков	5,2	4,9	7,3	9,0	10,7	2,6	4,5	3,9
заемные средства др. организаций	4,8	1,3	1,3	2,9	2,8	5,4	2,5	1,2
прочие:	5,9	10,6	14,1	9,1	27,5	40,6	34,2	46,0
из них:								
вышестоящих организаций	---	5,6	7,4	6,2	24,9	39,1	31,7	44,0
от долевого участия	---	1,7	3,4	2,1	1,9	0,2	0,5	0,4

Рост валового накопления основного капитала в Приморском крае (инвестиций в основной капитал) начался с 2006 г., что связано с активизацией строительства объектов Саммита АТЭС-2012 во Владивостоке. В этот период на строительство зданий и сооружений, особенно в завершающей стадии, направляется до 80,0% всех инвестиций (при средней норме 60–65%), на приобретение основных фондов около 10,0% (при средней норме 22–24%).

С учетом данных табл. 3, можно дать версию происхождения большого статистического расхождения (табл. 2), которое, скорее всего, обусловлено объемами инвестиций, не наблюдаемых (как принято говорить в статистике) прямыми статистическими методами. Реально оно может быть обусловлено прочими инвестициями от «вышестоящих организаций» для объектов Саммита.

На развитие экономики Приморского края неблагоприятное воздействие оказывает недостаток финансов, сформированных в регионе. Эта проблема не нова, и уже давно край «выживает» за счет более успешных регионов. Так в составе располагаемого, консолидированного бюджета края в 2009–2011 гг. в среднем 45% составляли внешние поступления, табл. 4.

Таблица 4

Доходы консолидированного бюджета Приморского края

Показатели	2000	2004	2008	2009	2010	2011
Доходы, млрд рублей (в ценах 2000 г.)	9,63	21,69	31,75	39,85	35,59	36,29
Структура доходов						
Доходы – всего, в том числе:	100	100	100	100	100	100
налог на прибыль организаций	14,2	13,3	12,1	7,1	11,5	11,2
налог на доходы физических лиц	18,2	27,8	28,7	22,4	25,4	26,1
акцизы	2,0	5,5	3,1	2,8	3,8	4,2
налоги на имущество	7,0	4,9	6,6	5,0	5,5	6,2
платежи за пользование природными ресурсами	2,0	3,5	0,5	0,5	0,6	0,6
безвозмездные поступления от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности	27,8	22,5	35,3	53,0	42,0	39,0
	-	0,7	0,3	-	-	-

Недостаточность финансовой базы напрямую отражается и на возможности поддержки бюджетом края региональной экономики, особенно ее проблемных отраслей. Тем не менее, доля расходов на нее в 2009–2011 гг., по сравнению с предыдущими годами, увеличилась практически в два раза, составив около 22–24% от всех расходов, из них почти 82% – на транспорт, связь и информатику. Таким образом, основная цель власти региона – развитие производственной инфраструктуры. На формирование основных фондов расходы консолидированного бюджета края составили около 6–9%, и то, как уже было ранее отмечено, это вложения в строительство зданий и сооружений.

Если основная задача государства – обеспечение условий для развития конкурентной экономики, в том числе и за счет создания инфраструктуры,

доступной в равной степени для всех субъектов хозяйственной деятельности региона (резидентов), то задача развития производства является прерогативой предпринимателей. Таким образом, с переходом к новым условиям хозяйствования соотношение между централизованными и децентрализованными капитальными вложениями резко изменилось в пользу внебюджетных средств. Доля собственных средств финансирования капитальных вложений в среднем по России за 2005–2010 гг. составила в среднем 63,6%.

Анализ структуры инвестиций в основной капитал в Приморском крае (табл. 3) показывает, что регион за весь перестроечный период не выходил на среднероссийские показатели, в целом его показатели были на 10% ниже. Доля собственных средств (в основном прибыли и амортизации) в структуре инвестиций в основной капитал в 2009–2011 гг. на уровне около 13% не показательна из-за объемных вливаний федеральных средств из разных источников, в том числе от «вышестоящих организаций».

Общая среднероссийская тенденция – формирование собственных средств предприятий, увеличение доли амортизационных отчислений в финансировании капитальных вложений. Учитывая сложности интерпретации показателей табл. 3, рассмотрим динамику формирования прибыли и амортизации применительно к категории предприятий на территории Приморского края, табл. 5.

Таблица 5

**Собственные средства предприятий в основные фонды,
млрд рублей (в ценах 2000 года)**

	2000	2002	2004	2006	2008	2009	2010	2011
Всего,	4,3	8,1	7,5	10,4	12,2	9,6	10,4	9,5
в том числе:								
прибыль	2,0	1,9	2,5	4,4	3,4	2,0	2,5	3,6
амортизация	2,2	5,9	4,5	4,2	6,9	5,9	7,0	4,7

Из данных табл. 5 следует:

1) фактически отсутствует рост финансовых показателей в течение 10 лет;
2) в Приморском крае амортизационные отчисления начинают занимать всё более значимый вес в финансах предприятий, направляемых на формирование основных фондов.

3) удельный вес амортизационных отчислений в финансировании капитальных вложений предприятиями в среднем в 2009–2011 гг. составил около 59,5%. В развитых странах этот показатель находится на уровне 70–85%.

Таким образом, финансовые показатели хозяйственной деятельности в Приморском крае и их влияние на дальнейшее развитие уступают аналогичным среднестатистическим показателям, как России, так и зарубежья. При этом наблюдается явно застойная тенденция, переломить которую на старой существующей фундаментальной основе не представляется возможным, что обуславливает «тлеющее» развитие экономики.

На представленном фоне следует еще обратить внимание на денежно-кредитную систему края. В 2007/2011 гг. число филиалов действующих кредитных организаций, расположенных на территории Приморского края, составляло

45/28 ед., в том числе: расположенных в регионе вместе с головной организацией – 12/2; отделений Сбербанка России – 6/3; филиалов, головные банки которых находятся за пределами региона, – 27/23 ед. При этом число кредитных организаций, зарегистрированных на территории края, осталось в соотношении 9/9. Произошло резкое сокращение приморских головных кредитных организаций за счет их поглощения, в первую очередь, московскими кредитными организациями. Происходящие процессы отражаются, в частности, на кредитовании, см. табл. 6

Таблица 6

**Кредиты, предоставленные организациям, банкам и физическим лицам,
млрд рублей (в ценах 2000 г.)**

	2007	2008	2009	2010	2011
Всего,	40,2	43,4	32,5	34,4	25,8
в том числе:					
организациям	22,9	28,4	20,9	23,1	19,0
банкам	1,0	0,7	0,6	0,1	0,3
физическим лицам	16,3	14,3	11,0	11,2	6,5

Хотя резкого снижения объемов кредитования не произошло, тем не менее наблюдается устойчивая тенденция снижения кредитов, предоставляемых физическим лицам. В частности, их объем в 2011 г. снизился относительно 2007 г. в 2,5 раза.

Снижение потребности физических лиц в кредитах, возможно, компенсировано их доходами, которые отчасти можно проследить по их вкладам в учреждениях Сберегательного банка. В ценах 2000 г. объем вкладов физических лиц составил (млрд рублей):

2007 г. – 14,5; 2008 г. – 13,6; 2009 г. – 14,6; 2010 г. – 16,3; 2011 г. – 17,5. По сравнению с 2007 г. объем вкладов увеличился только в 1,2 раза (на 20%). Следовательно, здесь не наблюдается зависимость кредитов от роста собственных сбережений.

Аналогичные процессы наблюдаются и в деятельности страховых компаний. Так, страховые премии (взносы) в Приморском крае в 2011 г. менее 72% от взносов 2007 г.

Более того, покупки товаров и услуг населением края в 2011 г., по сравнению с 2007 г., увеличились только на 10%, а обязательные платежи – на 25,6%, сбережения уменьшились на 17% и т.д.

Как следствие – отток населения (по мере накопления личных сбережений), несмотря на объекты Саммита, строительство на новой площадке (довольно спорной) федерального университета и других принимаемых Москвою мер, которые, в частности, еще и потянут за собой огромные средства на их содержание.

Совершенно очевидно, что создания одной инфраструктуры в регионе не достаточно для оживления экономики, которая будет стимулировать закрепление населения. Необходимо создание современного производства на базе интенсификации, учитывающего природно-ресурсный потенциал региона,

исторический этап формирования производительных сил и т.д. Насажение новых производств (нефтехимический комплекс, завод по сжижению природного газа и т.д.) не станет фундаментальной основой развития экономики в регионе. С позиции диверсификации производства их позитив очевиден, несмотря на возможные проблемы в отдаленной перспективе в связи с научно-техническим прорывом в области получения газа и нефти из сланцевых газов и сланцевой нефти. Следует иметь в виду, что: во-первых, это высоко автоматизированные производства и, следовательно, они не дадут много новых рабочих мест; во-вторых, они «чужды» по духу традиционной экономике региона (ее трудовым ресурсам), которая связана была в основном с экономикой Океана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приморский край: социально-экономические показатели. Статистический сборник. – Владивосток : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю, 2005; 2007; 2011.
2. Булатов А.С. Воздействие экспорта и импорта капитала на валовое накопление в Российской Федерации // Деньги и кредит. 2011. № 9. – С. 3–8.

КРИМИНОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

РОЛЬ СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*О.С. Кучин, Д.А. Турчин**

Понятие криминалистической характеристики преступления впервые было сформулировано Л.А. Сергеевым, он определил ее как «особенности преступлений отдельных видов, имеющие значение для следственной практики и для разработки научных рекомендаций» [1]. Туда он включил обстоятельства, характеризующие преступление, и взаимосвязи между группами таких обстоятельств.

Несмотря на столь высокий научный интерес к проблеме криминалистической характеристики преступлений, единство мнений по данному вопросу все еще не достигнуто, равно как и по некоторым иным вопросам, касающимся сущности этой категории. Ряд авторов полагает, что криминалистическая характеристика преступлений представляет собой систему признаков преступления, способствующих его расследованию, где признаки носят объективный характер, поскольку присущи реальному материальному процессу – преступлению [2].

Вторая группа исследователей определяет криминалистическую характеристику как систему информации о криминалистически значимых признаках преступлений [3].

Вместе с тем авторы статьи согласны с мнениями Н.М. Букаева, И.Ф. Герасимова, В.А. Образцова и др. о том, что криминалистическая характеристика является важной самостоятельной понятийной категорией науки криминалистики, равно значимой как для ее теоретической части, так и для практической деятельности в области расследования преступлений. Также следует присоединиться к мнению тех ученых [2], которые утверждают о нераздельности двух базовых понятий криминалистики – криминалистической характеристики преступления и методики его расследования.

Рассмотрение всего объема проблем, касающихся криминалистической характеристики преступлений, не входит в задачи данной статьи, однако для определения места сокрытия преступной деятельности в её пределах необходимо сосредоточиться на некоторых ее моментах.

Для начала рассмотрим, что в науке предлагается включать в криминалистическую характеристику преступления. Здесь согласимся с мнениями

* *Кучин Олег Стасьевич* – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: law_institute@dvgu.ru

Турчин Дмитрий Афанасьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток.

И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина, Р.С. Белкина и др., которые предлагают включать в структуру криминалистической характеристики следующие элементы:

- 1) уголовно-правовую характеристику преступления и сведения о его распространенности;
- 2) данные о личностях типичных преступника и потерпевшего по данным категориям преступлений;
- 3) данные о способах совершения преступления и способах сокрытия преступления;
- 4) данные о следовых картинах, характерных для такого вида преступлений, а также о любых иных данных, которые имеют значение для расследования конкретных видов преступлений [4].

Приведенные положения позволяют говорить о том, что способы сокрытия преступления являются, по мнению ряда ученых-криминалистов, неотъемлемым элементом криминалистической характеристики преступлений, если такая деятельность имеет место в структуре самого преступления – то есть в том, на основе чего строится и разрабатывается криминалистическая характеристика.

Это заключение подтверждает исследование В.Е. Корноуховым 10-ти мнений ведущих криминалистов страны по поводу качественного и количественного состава элементов, входящих в содержание характеристики. Из них пять авторов: А.Н. Колесниченко, И.Ф. Герасимов, В.Г. Танасевич, Р.С. Белкин, И.Ф. Пантелеев полагают, что способ сокрытия преступлений следует рассматривать в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики преступлений [5].

Особый интерес представляет позиция, занимаемая А.С. Князьковым, который к элементам криминалистической характеристики преступлений относит способ сокрытия преступления, а в число действий по приготовлению к совершению преступления включает оборудование тайников [6].

Однако представляется, что правильнее будет говорить о том, что самостоятельным элементом, играющим важную, иногда системообразующую роль в структуре криминалистической характеристики преступлений определенного вида является информация не о способе сокрытия преступления, а о сокрытии преступного деяния как деятельности. Обусловлено это следующими обстоятельствами.

1. Знание о формах и сущности сокрытия преступной деятельности при совершении преступлений определенных категорий позволяет спрогнозировать уровень активности и масштабы сокрытия, определить тактику и стратегию сокрытия, сконцентрировать внимание в соответствующих направлениях с целью противодействия воспрепятствованию и утаиванию.

2. Выделение лишь способа сокрытия преступной деятельности в отрыве от иных сопутствующих действий ведет к игнорированию закономерных взаимосвязей между данным элементом и другими элементами криминалистической характеристики преступлений – способом совершения преступления, обстановкой его совершения, предметом, мотивом и целью и т.д. Информация о такой взаимосвязи позволяет реализовать основную функцию криминалистической характеристики преступлений – определить оптимальные направления раскрытия и расследования преступления, выдвинуть типовые версии и на этой основе разработать план расследования.

3. Если действия по сокрытию преступлений находятся за пределами способа совершения преступления, сокрытие преступной деятельности представляет собой определенную систему с признаками автономности. Тем не менее, такое сокрытие в любом случае будет подлежать установлению в ходе следствия совместно с установлением обстоятельств совершения основного преступления, потому что в отрыве это невозможно, т.к. информация о совершении преступления и сокрытии преступления всегда находятся в ярко выраженной материальной взаимосвязи, т.е. следы преступления будут содержать в себе следы последующего сокрытия.

В самом общем виде значение и роль сокрытия как элемента криминалистической характеристики можно сформулировать как: *знание обстоятельств сокрытия преступлений определенного вида, а также взаимосвязей между сокрытием и иными криминалистически значимыми обстоятельствами позволяет прогнозировать оптимальные направления следственного поиска, направленные на раскрытие преступления и привлечение виновного лица к уголовной ответственности.*

В литературе высказаны различные суждения по поводу качественных особенностей такой взаимосвязи. В частности, А.Н. Басалаев и В.А. Гуняев, конструируя понятие криминалистической характеристики, подчеркивают, что лежащие в основе данной категории устойчивые признаки проявляются вовне в качестве определенной, жестко связанной системы материальных и интеллектуальных следов [7]. В то же время Н.П. Яблоков отмечает: «...система материальных и интеллектуальных следов, образующих фактическую основу криминалистической характеристики, вследствие своеобразия процесса отражения и действия принципа индивидуальности, не может не быть подвижной, гибкой, изменяющейся в зависимости от вида, разновидности и других особенностей преступления» [2]. Представляется, что последняя точка зрения является более правильной, ведь ранее отмечалось, что содержание криминалистических характеристик обладает свойством динамичности.

В науке криминалистике первостепенный интерес представляют классификация и последующий криминалистический анализ содержания взаимосвязей, существующих между сокрытием преступной деятельности и иными криминалистически значимыми следами. В зависимости от содержания этих следов рассматриваемые взаимосвязи можно разделить на три группы:

- 1) взаимосвязи между категориями преступлений, их количественными и качественными показателями, характеризующими их сокрытие;
- 2) взаимосвязи между сокрытием преступной деятельности (его составляющими) и иными элементами, входящими в структуру криминалистической характеристики преступлений определенного вида;
- 3) взаимосвязи, существующие между структурными элементами сокрытия преступной деятельности.

Согласно ч. 1 ст. 15 УК РФ преступления, в зависимости от характера и степени общественной опасности, делятся на четыре категории: преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления, особо тяжкие преступления. В криминалистической литературе [8] высказана точка зрения, согласно которой существует определенная зависимость степени распространенности сокрытия от степени тяжести преступления. В подтверждение этого В.П. Лавров и А.Г. Гельманов приводят результаты обобщения

судебной практики по делам об убийствах: ложные показания о месте пребывания в момент убийства использовались преступниками в два раза чаще, чем по делам о кражах; число случаев использования этого способа сокрытия по делам о причинении телесных повреждений на 15% ниже, чем при убийствах.

Противниками этой точки зрения выступают В.И. Шиканов и Н.В. Кручинина [9], которые пришли к общему выводу о том, что не тяжесть совершенного преступления определяет общую направленность действий преступника, а тот или иной конкретный прием сокрытия. По их мнению, в качестве главного фактора, детерминирующего общую направленность действий субъекта преступления, выступает объективная оценка этим субъектом ситуации совершения преступления, дающая ему основание прогнозировать действия правоохранительных органов. Решающим в такой ситуации для субъекта является вопрос: окажется ли он после того, как начнется расследование, в числе подозреваемых, или же нет.

Авторы статьи, опираясь на личный практический опыт, а также на материалы изученных ими уголовных дел, согласны с последней точкой зрения. Она полностью соответствует положениям о том, что целью сокрытия выступает, прежде всего, желание избежать уголовной ответственности, а противодействие расследованию определяется исходя из тактики и стратегии деятельности правоохранительных органов по конкретному уголовному делу. Однако необходимо уточнить высказанное положение. Наряду с субъективной оценкой преступником ситуации совершения преступления, следует, на наш взгляд, исходить из того, что сам обобщенный механизм совершения преступления того или иного вида диктует субъекту преступления определенную модель сокрытия. К примеру, преступления, механизм и время совершения которых могут быть неочевидны для потерпевшего, не требуют от преступника давать ложные показания о месте своего нахождения в момент совершения преступления, либо уничтожать отпечатки пальцев на месте преступления и пр.

Но изложенное не свидетельствует о том, что формы сокрытия вовсе не связаны с принадлежностью преступления к определенному виду, подвиду. Мнение В.П. Лаврова и А.Г. Гельманова верно, однако не в том, что категории преступлений определяют формы сокрытия, а в том, что определенным категориям преступлений характерны определенные формы сокрытия. Однако согласимся с тем, что при рассмотрении этого вопроса явно недостаточно уголовно-правовой классификации преступных деяний. Ведь с точки зрения криминалистики они могут быть неоднородны по своему содержанию, иметь различную криминалистическую сущность. Соответственно, необходимо группировать их по иным основаниям, отражающим криминалистическую значимость особенностей механизма следообразования, мотива и цели совершения преступлений, личностных особенностей преступника и прочих элементов, образующих в своей совокупности содержание криминалистической характеристики данного вида преступлений.

То есть, если преступные деяния, предусмотренные уголовно-правовыми нормами, имеют однородную криминалистическую структуру, возможно прогнозировать уровень и масштабы сокрытия таких преступлений, которые будут носить равный характер. Для целей предлагаемого исследования представляют интерес криминалистически значимые признаки, выступающие основаниями для вычленения преступлений, в структуре которых сокрытие преступной

деятельности является важнейшим элементом, отличается высоким уровнем активности и эффективностью. Как показывает изучение материалов уголовных дел и криминалистической литературы, к числу данных признаков относятся: наличие либо отсутствие подготовительной стадии, особенности личности преступника, особенности мотивов и целей совершения преступлений, особенности способов совершения преступлений.

Представляется, что количественные показатели, связанные с наличием либо отсутствием подготовительной стадии в преступлениях определенного вида, являются наиболее ярким критерием, по которому можно спрогнозировать уровень, активность и масштабы сокрытия преступной деятельности. Преступники, совершившие преступления с заранее определенным умыслом, тщательно планируют и реализуют мероприятия, направленные не только на совершение преступного деяния, но и на его сокрытие.

Интерес в криминалистическом плане представляет вопрос о наличии корреляционных зависимостей между формой вины и уровнем эффективности сокрытия преступлений. Результаты сравнительного изучения авторами следственной практики послужили основанием для формулирования следующего вывода: на первоначальном этапе эффективность сокрытия преступлений с неосторожной формой вины значительно ниже эффективности сокрытия умышленных преступлений.

Обусловлено это рядом факторов, из которых к числу основных относятся:

1. Механизм слеодообразования при совершении неосторожных преступлений находится вне контроля субъектов преступлений. Иными словами, количество, локализация, форма следов субъективно не детерминированы волей и сознанием субъекта преступления. При совершении умышленных преступлений такой контроль и такое воздействие на механизм слеодообразования имеют место в большей или меньшей степени.

2. Даже при наличии общей сильной установки на активное уклонение от ответственности субъект преступления при сокрытии неосторожных преступлений на первоначальном этапе сокрытия, как правило, действует в условиях острого дефицита времени. Поэтому он не успевает тщательно скрыть следы преступления, допускает ошибки и просчеты. Однако по истечении указанного периода фактор дефицита времени утрачивает свое значение, и у лица появляется возможность скрыть следы преступления и с учетом этого надлежащим образом продумать линию защиты. Как показали результаты изучения следственной практики, в целом эффективность сокрытия преступлений с неосторожной формой вины в ситуации «реального противодействия» расследованию превышает эффективность сокрытия умышленных преступлений, совершаемых без подготовительной стадии, и приближается к уровню сокрытия умышленных преступлений, в которых данная стадия присутствует.

Определенный криминалистический интерес представляют также сведения о корреляции между категорией преступления и такими способами сокрытия преступной деятельности, которые, в свою очередь, являются преступлениями. Иными словами, преступление совершается для сокрытия другого преступления. Здесь достаточно отчетливо различаются две группы преступлений. Первую образуют преступления против правосудия, которые в зависимости от целевой направленности можно подразделить на следующие виды:

1. Преступления, совершаемые исключительно с целью сокрытия другого преступления. Например, заранее не обещанное укрывательство особо тяжких

преступлений (ст. 316 УК РФ). В УК РСФСР был закреплен достаточно широкий перечень преступлений, укрывательство которых было уголовно наказуемым. Не вдаваясь в дискуссию о целесообразности сужения данного перечня, отметим, что наиболее часто субъекты сокрытия преступной деятельности осуждались за укрывательство: хищений государственного или общественного имущества, совершенного путем кражи (32,2%); краж личного имущества (32,9%); умышленных убийств (24,4%); грабежей (5,7%); разбоев (1,4%); изнасилований (1,4%) [10]. В настоящее время, в связи с установлением уголовной ответственности за укрывательство лишь особо тяжких преступлений, большинство укрывателей осуждается за сокрытие убийств (ст. 105 УК РФ), грабежей, разбойных нападений, вымогательства при отягчающих обстоятельствах.

2. Преступления, совершаемые, как правило, в целях сокрытия преступной деятельности. Наиболее распространенными преступлениями данной группы являются заведомо ложные показания (ст. 307 УК РФ), подкуп или принуждение к даче показаний или к уклонению от дачи показаний либо к их неправильному переводу (ст. 309 УК РФ), отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ), фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ).

Вторую группу образуют преступления, не входящие в главу преступлений против правосудия. УК РФ не включает в состав субъективной стороны таких преступлений цель в виде сокрытия другого преступления – то есть с уголовно-правовой точки зрения можно говорить о самостоятельных видах преступлений. Однако они же могут выступать и как способы сокрытия первоначальных преступлений не процессуального характера. В данном случае в связке «первоначальное преступление – преступление как способ сокрытия первоначального преступления» выделяются несколько видов преступлений.

Исследование показало наличие взаимосвязей между сокрытием преступной деятельности и иными элементами, входящими в структуру криминалистической характеристики преступлений определенного вида. Были выявлены устойчивые корреляционные зависимости между способом сокрытия преступления, местом совершения преступления и личностью преступника. Указанные корреляционные зависимости, имеющие высокую частоту встречаемости, присущи различным видам преступлений.

В работах Е.П. Ищенко, М.М. Яковлева, В.А. Образцова, С.В. Сухова [11] приведены способы осуществления таких хищений, где отчетливо прослеживается зависимость выбора способов сокрытия похищенных средств от профессии и места работы субъекта преступления.

Отметим, что для группы преступлений, в которых способ сокрытия выступает в качестве элемента способа совершения преступления, характерно наличие устойчивых связей между действиями, направленными на маскировку содеянного, и действиями, предпринимаемыми для достижения преступного результата. В большинстве случаев эти связи отражают весьма высокую частоту встречаемости.

В тех случаях, когда способ сокрытия преступления не является инфраструктурным элементом способа совершения преступления, корреляционные зависимости между сокрытием преступления и иными элементами криминалистической характеристики выражены не столь явно, хотя их криминалистическая значимость сомнений не вызывает. В частности, определенные вероятностно-статистические связи, сведения о которых имеют криминали-

стическую значимость, выявлены между особенностями сокрытия преступной деятельности и признаками субъекта сокрытия. Учёными-криминалистами установлены определенные зависимости, существующие между способом сокрытия и полом субъекта, скрывающего криминалистически значимую информацию, в частности, подобная зависимость прослеживается в ходе анализа обысков, проводимых по делам о корыстных и корыстно-насильственных преступлениях.

Не вызывает никаких сомнений правильность доводов Р.С. Белкина и А.И. Винберга [12] о том, что доказывание есть частный случай познания объективной действительности, особый вид процессуальной деятельности, основанной на точном перечне, представленном в УПК РФ и соотношенном с конкретным составом преступления, предусмотренным Особенной частью УК РФ. В отличие же от доказывания, установление обстоятельств, имеющих значение для дела, не осуществляется только процессуальными действиями – то есть действиями, при которых обстоятельства приобретают статус доказательств – но и иными криминалистическими приемами и способами, при которых информация не всегда будет положена в основу доказывания, но станет основой расследования.

В отличие от обстоятельств, подлежащих доказыванию, обстоятельства, подлежащие установлению, применяются для решения множества следственно-оперативных задач:

- 1) как ориентирующая информация для проведения оперативно-розыскных мероприятий [13];
- 2) как промежуточные факты, позволяющие перейти к предмету доказывания;
- 3) как факты, позволяющие отработать версии по делу;
- 4) как факты, имеющие значение для правильной квалификации содеянного и для справедливого назначения наказания;
- 5) как факты, позволяющие вовремя распознать противодействие со стороны подозреваемого/обвиняемого и воспрепятствовать ему.

Согласимся с теми авторами [14], которые включают обстоятельства, подлежащие доказыванию, в число обстоятельств, подлежащих установлению, но проходящих специальные процессуальные процедуры. Кроме того, из сказанного следует, что информация о сокрытии преступного деяния, формах сокрытия, противодействии входит в состав обстоятельств, подлежащих установлению, а следовательно и подлежащих доказыванию. Рассмотрим последний тезис подробнее.

Сокрытие может рассматриваться как часть состава преступления и как отдельное преступление, и как деяния, являющиеся элементами криминалистической характеристики, но не состава преступления. Следовательно, если сокрытие отнесено к уголовно наказуемому деянию или к объективной стороне преступного деяния, то речь идет об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. А если сокрытие является элементом криминалистической характеристики преступления – то к обстоятельствам, подлежащим установлению, необходимым для дальнейшего расследования, для эффективного проведения следственно-процессуальных действий.

Таким образом, можно говорить о том, что сокрытие преступной деятельности является элементом криминалистической характеристики преступления. В зависимости от того, каким видом взаимосвязи обладает сокрытие, оно, как

элемент, может входить в состав характеристики в нескольких формах. Проведенное авторами статьи исследование показало, что:

1) сокрытие является основой криминалистической характеристики преступлений, поскольку существует в виде преступления, предусмотренного конкретной статьей УК РФ. В этой форме сокрытие непосредственно влияет на остальные элементы криминалистической характеристики, входит в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, тесно коррелирует с иными элементами характеристики (являясь определяющим для некоторых из них);

2) сокрытие является частью состава преступления, как правило, объективной стороны, соответственно, включается в механизм преступления и на этой основе учитывается в криминалистической характеристике преступлений. Такое сокрытие также входит в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, напрямую зависит от предмета преступления, механизма его совершения и личности преступника;

3) сокрытие является элементом только криминалистической характеристики преступления, входит в круг обстоятельств, подлежащих установлению, непосредственно влияет на эффективность расследования преступлений. В этом случае сокрытие может быть или текущее — то есть соотноситься с противодействием расследованию, или являться частью механизма совершения преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 4.
2. Быков В.М. Проблемы расследования групповых преступлений : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1992. С. 12; Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. С. 116; Винокуров В.И. Криминалистическая характеристика преступления, ее содержание и роль в построении методики расследования конкретного вида преступления // Методика расследования преступлений (общие начала). М., 1976. С. 101 и др.
3. Колесниченко А.Н., Коновалова В.Е. Криминалистическая характеристика преступлений. Харьков, 1985. С. 61.
4. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 221–224.
5. Корноухов В.Е. Криминалистическая характеристика преступлений как учение о деятельности преступника. Сущность и понятийный аппарат // Доказывание по уголовным делам. Красноярск, 1986. — С. 82–83.
6. Князьков А.С. Криминалистика / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск, 2008. С. 961–962.
7. Басалаев А.Н., Гуняев В.А. Криминалистическая характеристика преступлений (общее понятие и практическое значение) // Методика расследования преступлений. М., 1976. С. 100.
8. Лавров В.П. Криминалистические проблемы установления способа сокрытия тяжких преступлений против личности // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы по делам о тяжких преступлениях. Караганда, 1985. С. 52; Гельманов А.Г. Сущность, криминалистическое значение

- и методы установления способа сокрытия преступлений против жизни и здоровья граждан : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 211.
9. Кручинина Н.В., Шиканов В.И. Алиби. Теоретические проблемы и их прикладное значение в уголовном судопроизводстве. Иркутск, 1992. С. 99.
 10. Хабибуллин М.Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. Казань, 1984. С. 93.
 11. Образцов В.А., Сухов С.В. Расследование хищений наркотических средств, совершаемых работниками медицинских учреждений. М., 1983. С. 109–110; Ищенко Е.П., Яковлев М.М. Расследование преступлений, связанных с профессиональной деятельностью. М., 2009. С. 220–222.
 12. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. С. 7–8.
 13. Организация и методика расследования взяточничества. Методическое пособие / коллектив авторов. М., 2001. С. 36.
 14. Драпкин Л.Я. Предмет доказывания и криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Свердловск, 1978. С. 11–18; Хмыров А.А. Криминалистическая характеристика преступления и предмет доказывания // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 48–50 и др.

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ АТР: ЯПОНИИ, РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ, КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

*Ю.И. Кулешов**

В уголовном законодательстве (УЗ) рассматриваемых государств нормы об ответственности за преступления против правосудия по своему объему не в полной мере сопоставимы. Если в УК КНР, как и в УК России, они достаточно многочисленны, дифференцированы и, как правило, систематизированы, то в УЗ Японии и Республики Корея (РК) уровень их систематизации в самостоятельные разделы или главы УЗ существенно отличается.

Следует отметить, что в УК Японии и РК отдельного раздела, концентрирующего правовые нормы об уголовной ответственности за посягательства на интересы правосудия, не существует. УК Японии преступления против правосудия сконцентрировал в гл. «Преступления, состоящие в побеге», «Преступления, состоящие в сокрытии преступника и уничтожении доказательств», «Преступления, состоящие в лжесвидетельстве», «Преступления, состоящие в оговоре».

* *Кулешов Юрий Иванович* – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Хабаровской государственной академии экономики и права. E-mail: crimlaw@rambler.ru

Близкие по названию главы существуют и в УК РК: «Преступления, связанные с побегом и укрывательством преступников», «Преступления, связанные с лжесвидетельством и уничтожением доказательств», «Преступления, связанные с ложным обвинением». «Преступления, связанные с ложным арестом и незаконным заключением под стражу» [1, 2].

Кроме традиционных глав, объединяющих правовые нормы об ответственности за конкретные виды посягательств на интересы правосудия, ряд правовых норм расположены в других главах закона. В УК РК это гл. «Преступления, связанные с обязанностями должностных лиц», а в УК Японии – «Преступления, состоящие во взяточничестве».

Подобная классификация рассматриваемых составов является нормой для большинства стран Азии, УЗ которых не предусматривают обобщающей главы (раздела) преступлений против правосудия. Многие составы преступлений, фактически предусматривающие объектом посягательства интересы правосудия, расположены в других разделах УК.

Иная картина вырисовывается при анализе УЗ КНР. В структуре Особенной части УК КНР в гл. 6 «Преступления против порядка общественного управления» выделяется § 2 «Преступления против судебного порядка», в котором объединяются 13 статей, предусматривающих правовые нормы об ответственности за посягательства на интересы правосудия [3]. Уже название отражает более узкий аспект охраняемых интересов. Правовые нормы, сконцентрированные в параграфе, в основном защищают интересы судебной деятельности. Следует обратить внимание на то, что и в УК КНР полной консолидации правовых норм об ответственности за преступления против правосудия не произошло. Часть из них, в той или иной мере охраняющих интересы правосудия, расположены в гл. 4 «Преступления против права гражданина на жизнь и демократических прав гражданина». Это норма об ответственности за незаконное заключение под арест (ст. 238 УК). Аналог ложного доноса – фальсификация фактов, оговор и клевета в отношении третьих лиц с целью подвергнуть их уголовному преследованию (ст. 243 УК). Незаконный личный досмотр, обыск жилища или человека (ст. 245 УК), а также нормы об ответственности за принуждение к даче показаний (ст. 247 УК) и насилие в отношении лиц, арестованных или находящихся в предварительном заключении, со стороны надзирателей (ст. 248 УК). Нельзя не отметить, что предложения о перемещении некоторых из аналогичных норм, имеющихся в УК РФ, в раздел «Преступления против личности» (гл. «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» и «Преступления против конституционных прав человека и гражданина») высказывались и в науке уголовного права России [4, 5, 6].

В гл. 9 УК КНР «Должностные преступления» сосредоточены правовые нормы, которые предусматривают ответственность должностных лиц органов юстиции за незаконное привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 399 УК), незаконное освобождение из-под стражи подозреваемых, обвиняемых или преступников (ст. 400 УК), смягчение им наказания из корыстных побуждений (ст. 401 УК).

Проведенное исследование подтверждает тезис о том, что в законодательных актах, принятых в относительно недавнее время, прослеживается общая тенденция выделения правосудия в самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. В этой связи в уголовном законе присутствуют самостоятельные раз-

дела (главы), объединяющие уголовно-правовые нормы по данному объекту посягательства. Следует признать это результатом эволюционного совершенствования системы уголовного закона вне зависимости от исторического пути развития того или иного государства. Не является исключением из данного общего правила систематизация Особенной части УК Российской Федерации и УК КНР. Набор уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против правосудия в уголовных кодексах России и КНР наиболее исчерпывающий и взаимообусловленный. В уголовном законодательстве Японии и РК количество несовпадений по криминализации и систематизации тех или иных деяний против правосудия более разительно.

По объему правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против правосудия, уголовные кодексы вышеназванных государств отличаются друг от друга, что связано с особенностями исторического развития законодательства того или иного государства, национальными традициями и, в конечном итоге, с самодостаточностью уголовно-правовой охраны интересов правосудия. Вместе с тем анализ уголовного закона рассматриваемых государств позволяет все правовые нормы о преступлениях против правосудия, независимо от их местонахождения, подразделить по объекту посягательства на три самостоятельные и вместе с тем взаимосвязанные между собой группы.

Первая, самая многочисленная, включает в себя нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на судопроизводство, т.е. на те отношения, содержанием которых являются предусмотренные национальным законодательством процессуальные правила осуществления собственно правосудия, а также деятельности должностных и иных лиц, содействующих в этом суду.

Вторая группа норм охраняет порядок исполнения судебного акта.

Третья — консолидирует нормы, направленные на защиту неприкосновенности (физической, имущественной, нравственной и иной) участников процессуальных и постпроцессуальных отношений от посягательств со стороны лиц в связи с их профессиональной деятельностью в сфере осуществления правосудия.

Анализ показывает, что «истинно» к преступлениям против правосудия по систематизации и объемам криминализации в рассматриваемых зарубежных странах относят преступления, посягающие на процессуальные правила осуществления этой деятельности, которые предусмотрены национальным законодательством.

Уголовные законы Китая, Республики Корея и Японии предусматривают ответственность за нарушение процессуальных правил осуществления собственно правосудия, а также деятельности должностных и иных лиц, содействующих в этом суду. Это нормы об ответственности:

- за заведомо ложные показания, заключение эксперта, перевод (ст.305 УК КНР; ст. 169, 171 УК Японии; ст.ст.152,154 УК РК);

- фальсификацию доказательств либо их уничтожение (ст.306 КНР; ст. 104 УК Японии; ст. 155 УК РК);

- принуждение свидетеля к даче ложных показаний или воспрепятствование даче таких показаний (ст. 307 УК КНР, ст. 105-II УК Японии);

- ложный донос (обвинение) (ст. 243 УК КНР; ст. 172 УК Японии; ст. 156 УК РК);

- незаконный арест или заключение под стражу (ст. 238 УК КНР; ст. 194 УК Японии; ст.ст. 276–282 УК РК).

Ядром в этой группе преступлений следует признать правовые нормы, устанавливающие ответственность за ложь при осуществлении правосудия (ложный донос, лжесвидетельство). Законодательство РК и Японии знает более детализированные виды этих преступлений, которые зачастую связаны с лжеприсягой, ложным обвинением, оговором или самооговором. При этом упрек в излишней казуистичности подобных правовых норм, по нашему мнению, не всегда будет справедлив. Так, в РК (ст. 153 УК) и Японии (ст. 170 УК) за счет этой детализации сформулирована правовая норма, согласно которой свидетель, давший ложные показания, освобождается от наказания либо оно подлежит смягчению, если до завершения уголовного или административного дела (до вступления решения в законную силу) добровольно признается о ложности показаний либо откажется от них. Данные правовые нормы являются аналогом примечания к ст. 307 УК РФ, но заслуживают внимания с учетом критических замечаний, прозвучавших в юридической литературе по поводу безоговорочного освобождения лжесвидетеля по УК РФ от уголовной ответственности в случае заявления об этом до удаления суда в совещательную комнату [7].

Анализ зарубежного законодательства позволяет сделать вывод о том, что в странах АТР если и формулируются специальные нормы, предусматривающие ответственность должностных лиц правоохранительных органов и суда за посягательство на интересы правосудия, то, как правило, они располагаются не в одноименной главе УК. Речь идет о правовых нормах, сопоставимых со ст. 299–302 и 305 УК РФ. Например, в УК Китая нормы об ответственности за преследование невиновного (ст. 399 УК); незаконное освобождение подозреваемых, обвиняемых, преступников или необоснованное смягчение им наказания (ст. 400, 401 УК) сконцентрированы в гл. 9 «Должностные преступления». В аналогичной главе «Преступления, связанные с обязанностями должностных лиц» сконцентрированы схожие правовые нормы в УК РК (ст. 124 – незаконный арест и незаконное тюремное заключение; ст. 125 – насилие и жестокий поступок). В УК Японии – в гл. 25 «Преступления взяточничества» находятся ст. 194 (задержание или заключение под стражу в результате злоупотребления присвоенной по должности властью со стороны особо публичного должностного лица); ст. 195 (насилие либо дурное обращение со стороны особо публичного должностного лица).

Интересен опыт установления специальной правовой нормы, предусматривающей ответственность за разглашение данных досудебного следствия или дознания, совершенное лицом, осуществляющим функции, связанные с уголовным преследованием, полицейской охраной порядка либо иных функций, связанных с расследованием преступления (ст. 126 УК РК). В России подобное деяние рассматривается лишь как разновидность должностного злоупотребления, требующего установления корыстной или иной личной заинтересованности виновного (ст. 285 УК РФ), что не всегда отражает момент направленности деяния против правильной деятельности органов, осуществляющих правосудие.

Следует признать «универсальным» в своем роде посягательством на интересы правосудия укрывательство преступления или лица, его совершившего. Ответственность за подобное деяние существует во всех без исключения УЗ

государств, рассматриваемых нами. При характеристике ответственности за заранее не обещанное укрывательство законодатель многих государств, в т.ч. Японии и РК, пошел по пути освобождения за данное деяние не только близких родственников, как это имеет место в УК РФ (ст. 316), но и других лиц, для которых судьба укрываемого преступника не безразлична в силу сложившихся личных отношений. Речь идет в первую очередь о сводных братьях и сестрах, лицах, состоящих в так называемом «гражданском браке», и т.д. Например, в УК РК исключена ответственность за укрывательство для главы семьи либо членов совместно проживающей семьи (ст. 151 УК). Подобные предложения сформулированы и в доктрине российского уголовного права [8].

Группа правовых норм, защищающих порядок исполнения судебных актов, также представлена в законах исследуемых государств с учетом национальных традиций, исторического опыта правового регулирования рассматриваемых общественных отношений. В УК КНР – это: отказ от исполнения решения, вынесенного народным судом (ст. 313); сокрытие, перемещение, перепродажа и т.д. опечатанного, арестованного или замороженного имущества (ст. 314); бегство, а также освобождение преступников, обвиняемых, подозреваемых (ст. 316 УК). В УК Японии и УК РК судебному акту – побегу лица, совершившего преступление, посвящены самостоятельные главы: гл. 6 УК Японии «Преступления, состоящие в побеге» и гл. IX УК РК «Преступления, связанные с побегом или укрывательством преступников».

Проведенный анализ выявил следующие тенденции в уголовно-правовом регулировании ответственности за посягательства на физическую, имущественную и нравственную неприкосновенность участников процессуальных и постпроцессуальных отношений в связи с их профессиональной деятельностью в сфере правосудия.

Во-первых, в современном уголовном праве подобные уголовно-правовые нормы в той или иной мере имеют место быть. Законодательство очень немногих государств вообще не знает специальных уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за подобного рода посягательства (Япония). По-видимому, в данном государстве сложился правовой механизм, который позволяет привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в таких деяниях, по общим нормам уголовного закона.

Во-вторых, в УК Китая и Республики Корея присутствует минимальное количество этих правовых норм. Это ст. 308 УК КНР – избиение свидетеля ради сведения с ним счетов, ст. 309 УК КНР – массовые беспорядки, нападения на суд, избиение сотрудников органов юстиции, серьезно нарушающих судебный порядок, а также ст. 138 УК РК – неуважение к суду или Национальной Ассамблее) и ст. 139 УК РК – воспрепятствование исполнению должностных обязанностей, осуществляемых в целях защиты гражданских прав.

В-третьих, данные нормы права не всегда концентрируются в специальной главе (разделе) УК Республики Корея (ст. 138).

В уголовно-правовой доктрине России высказана точка зрения о том, что с позиций приоритетности в вопросе местонахождения ст. 295 УК РФ, защищающей жизнь судьи, присяжного заседателя и иных лиц – участников процессуальных и постпроцессуальных отношений, в первую очередь учета требуют особенности объекта преступления и уже во вторую очередь – учета мотива преступления. Жизнь человека как объект преступления не должна быть дополнительным объектом по отношению даже к правосудию.

Познавательный интерес представляют те виды преступлений против правосудия, которые фигурируют в законодательных системах стран мира, но не вошли в УК РФ. Связано это, как отмечалось, с особенностями исторического, культурного, правового развития государств. Особый интерес вызывают правовые нормы, предусматривающие ответственность стороны защиты, в частности адвоката, за посягательства на интересы правосудия. Уголовный закон России знает лишь один состав преступления, где защитник прямо назван субъектом преступного посягательства, – это фальсификация доказательств (ст. 303 УК). Как справедливо отмечают исследователи, имеется практическая необходимость в дальнейшем совершенствовании правовых средств нейтрализации незаконной деятельности адвокатов [9]. Опыт зарубежных государств в этом может оказать неоценимую услугу. Сказанное не означает немедленного слепого подражания и принятия в российском законодательстве подобных правовых норм, но заставляет задуматься об установлении адекватной реакции государства за совершение указанного деяния.

Так, в ст. 306 УК КНР адвокаты подлежат ответственности не только за фальсификацию доказательств, но и в том случае, если они вынуждают угрозами либо посулами свидетелей, отступив от реальных фактов, изменить свои показания или дать ложные показания. Ст. 134 УК Японии предусматривает ответственность адвокатов, защитников за беспричинную выдачу чужой тайны, ставшей им известной в связи с осуществлением ими своей профессиональной деятельности. В последнем случае в УК РФ данный пробел компенсируется существованием общей уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК).

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы:

во-первых, российский законодатель в сфере криминализации преступлений против правосудия, а также их систематизации движется в русле общемировых тенденций;

во-вторых, анализ уголовного законодательства зарубежных стран о преступлениях против правосудия может быть использован не только как инструмент понимания права и методика исследования, но и как метод конвергенции различных законодательных актов. Никакая правовая реформа не будет иметь шансов на успех без анализа опыта правового регулирования данных общественных отношений, накопленного в других государствах мира. Прав Ж.-Л. Бержель в том, что разумное подражание чужим законам и институтам при формировании собственных законов предполагает учет особенностей той новой среды, в которой им предстоит найти применение. Мировое законодательство знает немало интересных положений, не имеющих аналогов в УК РФ;

в-третьих, дальнейшее совершенствование системы норм о преступлениях против правосудия, технико-юридических приемов конструирования конкретных составов данных преступлений в отечественном законодательстве невозможно без учета опыта нормотворческой деятельности в этой сфере других стран мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Японии / пер. с яп. под ред. и с предисл. проф. А.И. Коробеева. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000.

2. Уголовный кодекс Республики Корея / науч. пер с кор. под ред. и предисл. проф. А.И. Коробеева. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004.
3. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. проф. А.И. Коробеева. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.
4. Фасхутдинова Н.Р. Уголовно-правовая охрана личной неприкосновенности от заведомо незаконных задержания, заключения под стражу и содержания под стражей : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. С. 59.
5. Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний : дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2000. С. 8, 158.
6. Федоров С.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации) / отв. ред. А.И. Чучаев. – Калуга : Изд-во АКФ «Политоп», 2004. – С. 122–126.
7. Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике. – Майкоп, 2001. С. 265.
8. Уголовная ответственность за преступления против правосудия. – М., 2003. С. 245.
9. Гармаев Ю.П. Пределы прав и полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве и типичные правонарушения. – Иркутск : ИПКПР ГП РФ, 2004.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ

*А.Ф. Реховский, Д.А. Турчин**

Каждый раз, когда уголовное правосудие охватывал тот или иной кризис, а для уголовного процесса это по существу кризис познания, как ранние, так и поздние криминалисты обращались к гносеологии, т.е. теории познания. Так, например, в конце XVIII и XIX вв. (веков просвещения), когда стали возникать конкретные естественные науки, в связи с чем религиозное влияние на уголовный процесс заметно ослабело, просветители во главе с известными философами и, в частности, некоторыми французскими профессорами под лозунгом «Бог умер» объявили, что бога нет и утверждали его отсутствие вообще, что, естественно, отрицательно сказалось на сознании и духовности людей. Раз бога нет, то всё позволено! Подобно нашей современной криминогенной ситуации стали распространяться тяжкие преступления, за которые никто (ни преступники, ни свидетели) не собирался отвечать перед несуществующим богом и тем более перед судом [2, с. 212–218].

Эта социально-идеологическая обстановка послужила поводом к поиску новых методов установления доказательств по уголовным делам без помощи

* *Реховский Александр Федорович* – кандидат юридических наук, профессор кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Юридической школы ДВФУ. E-mail: rafdvgu@mail.ru

Турчин Дмитрий Афанасьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Юридической школы ДВФУ.

религиозных установлений, на основу которых веками опиралось и строилось уголовное правосудие. Выдающиеся ученые-правоведы невольно обратили взгляды на возможности зародившейся в ту пору науки о материальной природе и человеческой духовной жизни. Этот рубеж поворота древнего классического правосудия описал известный французский криминалист Эдмонд Локар. В 1931 г. он писал: «Расследование преступлений столь же старо, как человеческое общество, и исторически представляет собой долгую погоню за трудноуловимой истиной. Ни в какой другой области, однако, необходимость доказательств не была столь очевидна, как здесь, потому что здесь дело идет не о каких-либо умозаключительных построениях. Ошибка трагична, когда она затрагивает честь, свободу, жизнь, а ни в одной области человеческое мышление не было так склонно к ошибкам. То обращаясь к мистическим силам, то пытаясь найти твердое и верное решение в разуме, то добываясь жесточайшими средствами сознания обвиняемого, правосудие убедилось, наконец, что собранные им ордалии, свидетельские показания и вырванные признания – слабые доказательства. Теперь оно ищет новых гарантий истинности в научных методах» [3, с. 8].

В силу этого правоведы стали искать возможность установления доказательств с помощью конкретных наук, данные которых могли бы указывать на те или иные признаки конкретного преступления и преступника, запечатлевшиеся на отдельных материальных предметах – вещественных доказательствах, уликах. К ним следует отнести У. Уильза, И. Бентама и нашего соотечественника А. Жиряева и многих других. В частности У. Уильз указал на общие возможности распознавания преступления и преступников по отображениям многих признаков действий преступника на отдельных материальных предметах среды, в которой совершено преступление. В разделе «О внешних и вещественных признаках виновности» У. Уильз писал: «Внешними вещественными признаками виновности называются те, которые ... принадлежат к нашей физической природе и, по-видимому, не имеют отношения к нравственной жизни... Они представляют звенья, которые соединяют преступное действие с его невидимым нравственным источником. Факты этого рода нет никакой возможности не только исчислить, но даже и разделить на разряды, но, несмотря на это, мы считаем полезным обратить внимание на некоторые главные роды подобных улик...» [4, с. 88].

Для подтверждения своих выводов У. Уильз привел убедительные примеры отпечатков поверхности отдельных объектов на месте преступления, по которым можно судить о лице, совершившем преступление. «Точно так же тождественность лица, – заключает он, – нередко доказывается отпечатками сапог, одежды, гвоздей и других предметов на земле или на снеге, когда подобные следы открываются на месте преступления вскоре после его совершения» [4, с. 98]. По существу У. Уильз предсказал появление не только криминалистической трасологии, но и вообще интуитивно указал на возможность создания на основе теории отражения учения о следах в криминалистике. Здесь же автор говорит о тождестве следов с вещественными доказательствами задолго до того, когда появилась криминалистическая теория идентификации.

И. Бентам пошел дальше своего предшественника и попытался классифицировать вещественные доказательства, положив в основу вывод о том, что они могут быть заимствованы или от человека, или от веществ – дока-

зательство личное или вещественное. Эта презумпция, хотя и не охватывает полностью всех случаев возникновения доказательственных фактов, однако до сего времени она утверждается многими криминалистами. Система материальных доказательств И. Бентама состоит из девяти видов: 1. Поличное; 2. Плоды преступления; 3. Орудия совершения преступления; 4. Материалы, предназначенные для совершения преступления; 5. Притон для хранения похищенного; 6. Окружающие предметы, изменившиеся по наружному виду вследствие преступления; 7. Вещи, могущие служить указателем для признания преступления; 8. Уличающее владение вещественными доказательствами; 9. Уличающее владение письменными документами [5, с. 160].

Рассматривая доказательственное значение вещественных доказательств на уровне показаний свидетелей, И. Бентам назвал их «немыми свидетелями». Он замечает: «Открытие вещи, служащей доказательством, обыкновенно есть то же открытие лица, у которого на сохранении или во владении находится вещь; так что разыскание лица и вещи, в сущности, составляет одну и ту же процедуру» [5, с. 334]. Он осознал преимущество материально-естественных наук перед гуманитарными методами установления доказательств при расследовании преступлений, но не смог до конца всесторонне охарактеризовать процесс использования подлинно научных методов при осуществлении правосудия, так как, рассматривая следственную деятельность в связи с источниками доказательств, заключил: «Допрос свидетелей есть искусство, он требует принципиальности, смелости, быстроты и других навыков ума..., но чтобы найти доказательство, не требуется, так сказать, никакого искусства... Самые обыкновенные способности для этого достаточны» [5, с. 361].

Скорее всего, вывод, что находить вещественные доказательства легко и просто, спорен. История проникновения права в глубины естественных наук с целью разыскания и получения фактических данных в интересах правосудия показала, что, с одной стороны, это сложный процесс, связанный с решением субъектами правоприменения задач зачастую в несвойственных для их профессиональных знаний сферах конкретных неправовых наук. С другой стороны, переложение указанных функций на представителей конкретных наук зачастую не приводит к необходимому результату, поскольку специалисты, не всегда понимая сущность права, склонны к вероятностным выводам, допускаемым в области их наук.

Поворот познания в уголовном процессе в сторону предпочтения материализованного содержания доказательств и методики их установления, естественно, не мог проходить плавно и согласованно в правовом поле. Несмотря на то, что авторы с передовыми взглядами на развитие методов распознавания преступлений обосновывали свои взгляды и предложения на возникновение практической необходимости научно-технического познания, многовековые канонические основы права, строящиеся на основе только религиозных и мистических представлений, упорно противостояли материалистической гносеологии в праве. При этом большое значение придавалось врожденным возможностям лиц, расследующих преступления: в нашем понимании – следователям. Зачастую следственная деятельность считалась искусством. Такое положение хорошо прослеживается в дискуссии выдающегося русского криминалиста А. Жиряева с немецкими авторами по проблемам доказывания преступлений. Он писал, что «причины усилившегося ныне влияния на уголовный процесс философии

и логики, в частности, надлежит искать в особых условиях...» [6, с. 9]. Свое мировоззрение он формулирует, критикуя одного из авторов, выступавшего против естественного хода развития научных приемов познания в уголовном процессе: «Влияние теории познания на теорию улик так велико и очевидно, что некоторые криминалисты, например Росгирт, даже не находят в учении о последних ничего юридического и внесение главы об уликах в уголовный кодекс или систему уголовного судопроизводства считают неправильным присвоением со стороны уголовной юриспруденции того, что собственно и исключительно должно принадлежать логике» [6, с. 27].

А. Жиряев считал необходимым признать в теории доказательств материальные источники знаний о действиях преступника. Он не видел иных путей выхода из доказательственного кризиса по уголовным делам, сложившегося к тому времени. Характерна в этом отношении его критика другого зарубежного криминалиста – Загена, который вместо развития теории доказательств на основе достигнутых к тому времени научных знаний предпочитал иметь хороших следователей, умеющих раскрывать преступления при помощи своих личных качеств и существующих средств доказывания. А. Жиряев выступал против подобного одностороннего решения проблемы распознавания преступлений. «В хорошем следователе, – писал он по этому поводу, – Заген предполагает хорошее сочетание разнообразных качеств: 1) основательные знания в юриспруденции, философии и медицине; 2) остроумие; 3) наблюдательность и искусство следовать за подробностями....

Но где найдет (он) достаточное число лиц, обладающих всеми этими свойствами? Мы думаем, что Заген уже слишком много ожидает от следопроизводителей, забывая, что интеллектуальные средства, которые по запрещению пыток остаются для них единственно дозволенными, мало могут действовать на людей грубых, бесчувственных и нередко весьма хитрых...» [6, с. 27].

Такие социально-правовые обстоятельства привели к необходимости искать надежные методы укрепления пошатнувшихся принципов уголовного судопроизводства, что впоследствии привело к рождению специальной самостоятельной науки криминалистики, находящейся в настоящее время на достаточно высоком уровне научного знания. Однако вековое успешное развитие криминалистики не означает, что она до конца исчерпала все возможности дальнейшего совершенствования познания уголовного правосудия современными научными методами. Успешное решение подобной задачи особенно необходимо в настоящее время, когда преступность, бюрократизм и коррупция покрыли все стороны жизни общества толстым слоем плесени. Но необходимых достижений можно добиться только тогда, когда, «раскрыв гносеологическую природу основных теоретических положений криминалистики, проследив, как используются эти положения криминалистической науки в процессе установления истины по уголовным делам, выяснив познавательный характер методов этой практической деятельности, можно правильно решить вопрос о соотношении науки и практики, о путях совершенствования последней и о тех задачах, которые практика ставит перед наукой, а наука перед практикой» [7, с. 4].

Представляется, что из сказанного выше об основных событиях возникновения криминалистики надлежит сделать выводы.

Во-первых, криминалистика, как и другие науки, возникла в связи с наступлением определенного исторического периода в развитии общественно-государственного созревания.

Во-вторых, при этом выразителями потребности определенной науки, в нашем случае криминалистики, как ни странно, являются не всегда приверженцы будущей науки. История показывает, что такими выразителями оказываются передовые представители общества: изобретатели, писатели и многие другие представители культуры и государственной системы управления.

В-третьих, с появлением конкретной науки появляются ее представители — профессионалы (Ганс Гросс, Вайнгард и др.). При этом криминалистам-профессионалам не стоит ожидать даров от гениев науки. Следует самим думать о дальнейшем обогащении науки, возможности которой более всего заложены в практической деятельности.

Имеется немало работ, в которых обстоятельно раскрывается процесс познания следственными работниками события преступления [8]. Успешному решению этого важного вопроса способствует подлинно научная методология диалектического познания материального мира, на основе достижений которой стала возможной разработка криминалистами единого взгляда на природу познавательной деятельности органов расследования, на методы, возможности и пределы познания.

Из этого, однако, не следует вывод о том, что методология криминалистического познания как система создана, закончена или даже близка к разрешению основных задач и что в настоящее время все методы практического познания преступления достаточно глубоко разработаны. В области познания преступления или, говоря профессиональным языком, раскрытия, расследования и рассмотрения дела судом, по нашему мнению, еще немало актуальных проблем, ожидающих своего разрешения. В связи с этим следует отметить, что многие исследования по названной тематике носят общефилософский характер. Расследование преступлений рассматривается в них в общепознавательном плане и недостаточно отражает специфику процессуального и криминалистического познания. Обычно подчеркивается значение отражения информационных процессов, раскрывается объект познания и формы его отражения в материальной действительности. Вместе с тем недостаточно уделяется внимания субъекту познания, познавательной деятельности следователя. Не случайно поэтому, рассматривая проблемы раскрытия и расследования преступлений текущего периода, руководители страны и правоохранительных органов (Президент, Генеральный прокурор, министр МВД и пр.) все время подчеркивают недостаточную профессиональную подготовку следственного аппарата страны.

Одна из задач криминалистического познания заключается в двух ипостасях: 1) в активном познании, в общей познавательной деятельности, присущей современному познанию вообще, относительно каждого познающего субъекта; 2) в специальном познании в области познаваемого предмета и объекта познания, включающего специальные методы, обуславливающие достижение специфических задач познания и целей познания, необходимых для успешного практического применения.

К сожалению, в процессуальных документах уголовных дел о производстве осмотров, обысков и допросов зачастую можно увидеть не активное и глубокое исследование механизма преступления, отображенного и отражающегося в материальной обстановке преступления, ее отдельных предметах, а лишь бледное и далеко не ясное описание статической обстановки совершенного

преступления. Нет сомнений, что такое положение есть результат не только субъективных недостатков дознавателя, следователя и пр. субъектов – основных участников уголовного судопроизводства, но и серьезных пробелов в общей методологии познания, относящейся также и к криминалистике.

Под активностью познания в криминалистике понимается не просто получение, собирание доказательств, как обычно обозначается в УПК РФ, что зримо лежит на поверхности материальной обстановки. Активная познавательная деятельность направлена также на физическое воздействие на материальные объекты познания с целью раскрытия их информационной сущности и получения истинных, более глубоких знаний о функциональном участии их в механизме совершенного преступления [9, с. 9]. «Спору нет, активность отражения может выражаться только через какие-то действия отображающей системы. Поэтому активность отражения – явление сложное, представляющее собою связь, взаимодействия отражения и отражающей системы, находящее внешнее проявление в действиях последней под влиянием отражения» [10, с. 201]. Скажем, к примеру, если какой-либо материальный объект был охвачен механизмом конкретного преступления путем того, что преступник брал его в руки, но видимых следов пальцев рук на нем не наблюдается, он должен быть обработан (на него должно быть оказано воздействие) соответствующим дактилоскопическим порошком, чтобы следы пальцев рук проявились (заявили о себе). Подобные воздействия специалистов и следственных работников на различные предметы можно считать обычным явлением. Такие исследовательские процедуры могут быть усложнены, например, путем применения ультрафиолетового освещения, когда настойчивые (активные) работники органов расследования добиваются цели путем извлечения необходимой информации для раскрытия преступления, изобличения преступников.

Однако для достижения результата познания в уголовном судопроизводстве всего этого оказывается не достаточно. Необходим еще один из существенных специфических элементов процессуального познания, заключающийся в фиксации познавательной деятельности и ее результатов.

Дело в том, что в уголовном процессе познавательная деятельность, ее результат, как и все прочее, предназначается для суда, который является конечным адресатом получения доказательственной информации по уголовному делу. Суду предстоит решить в конечном итоге судьбу уголовного дела, оценить достоверность представленных доказательств, признать или исключить виновность подсудимого в совершенном преступлении. Если собранные доказательства дойдут до суда в полном объеме, вся доказательственная информация будет доходчивой, правильно процессуально оформленной, тогда легче для суда принять решение, соответствующее требованиям закона. Такое познание заключается в формуле: все делается до суда и для суда. Однако редко когда существует прямая инстанция познания, например, дознаватель – суд. Чаще всего между начальным субъектом познания в уголовном процессе и судом находятся промежуточные познавательные подсистемы в лице следователя, прокурора и других должностных и процессуальных лиц. Поэтому в судопроизводстве существует так называемое ступенчатое познание, когда механизм преступления познается путем передачи результатов познания от нижестоящего процессуального субъекта познания к вышестоящему: от оперативного работника – к дознавателю или

следователю; от следователя – к прокурору; от прокурора – к суду; от суда первой инстанции – к вышестоящему суду.

Рассматриваемая схема показывает, что познание в главном процессе осуществляется в двух формах: первичном (непосредственном) и вторичном (опосредованном), базовым основанием которого являются процессуальные документы первичного познания. Должностное лицо повторного познания проверяет на соответствие процессуальным требованиям поступившие материалы, оценивает их объективность и достоверность. При этом оно имеет право самостоятельно дополнить поступившую совокупность доказательств при помощи своей познавательной деятельности или возратить материалы лицу, производившему непосредственное познание с указанием произвести дополнительные познавательные действия. Одновременно с этим при повторном (опосредованном) познании проверяются правила применения и соблюдения тактических криминалистических приемов.

Таким образом, фиксация полученных знаний, особенно в период первичного непосредственного познания, приобретает в уголовном производстве не меньшее значение, чем само непосредственное познание, поскольку без достаточной фиксации результатов такого познания оно не может быть включено в познавательную базу данных о совершенном преступлении. Это обязывает участников познавательного процессуального процесса с исключительной ответственностью относиться к обязанности зафиксировать результаты своей познавательной деятельности, дабы последующая инстанция с наибольшей убедительностью могла воспринять и надлежащим образом оценить значение их для дела.

С изложенных позиций совершенно правильно М.С. Мамонов определяет те высокие требования, которые необходимо предъявлять к фиксации осмотра места происшествия и, в частности, к его протоколу. Он пишет: «Фиксация результатов осмотра – это документальное отражение в установленной законной форме всего обнаруженного следователем на месте происшествия. Это описание произведенных им на месте происшествия действий, запечатление как общей картины обстановки происшествия, так и свойств, состояния и признаков отдельных элементов места происшествия». Автор соглашается с высказанным в прошлом В.И. Поповым замечанием о том, что протокол места происшествия – зеркало места происшествия [11, с. 3–5]. К высказыванию М.С. Мамонова можно еще добавить, что в протоколе осмотра должно получиться отражение не только то, что было обнаружено, как пишет автор, но и то, что не обнаружено, но должно на нем находиться или находилось (например, орудие убийства, похищенные предметы и т.д.).

К сожалению, в литературе не всегда заостряется внимание на значении деятельности следователей и других лиц по фиксации криминалистической информации, полученной при производстве следственных действий. Так, Е.П. Ищенко и В.А. Образцова приводят обстоятельную схему – «Структура средств процессуального познания», однако в ней не нашлось места фиксации результатов познания как существенного специфического познания в судопроизводстве, без которого, как говорилось выше, познавательная деятельность не имеет смысла [12, с. 47–51].

Существует много форм и разновидностей фиксации результатов познания в уголовном процессе, которые в основном перечислены в ст. 74 УПК РФ. Как

правило, они наполняются (дополнительно удостоверяются) криминалистическими научно-техническими методами и приемами, которые как дополняют, так и иллюстрируют доказательственное значение результатов познания, заключающихся в отдельных обстоятельствах и фактах.

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что фиксация результатов познания преступления является одним из методов криминалистики, обеспечивающим создание правовой фактической базы по уголовным делам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.
2. Страницы истории философской мысли: Антология. Ч. 2 / сост. А.А. Биневский, А.Г. Третьякова. – Владивосток. Изд-во Дальневост. ун-та, 1998.
3. Локар Эдмонд. Руководство по криминалистике. М. : Юрид. изд. НКЮ СССР, 1941.
4. Уильз Уильям. Опыт теории косвенных улик, объясненной примерами. – М., 1864.
5. Бентам И. О судебных доказательствах. – Киев, 1876.
6. Жиряев А. Теория улик. – Дерт, 1855.
7. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. – М. : Юрид. лит., 1969.
8. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. – М., 1970; Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. – М., 1969; Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. – М., 1985 и др.
9. Славская К.А. Мысль в действии. – М., 1968.
10. Урманцов В.С., Платонов Ч.В. Проблемы отражения в свете современной науки // Ленинская теория отражения и современная наука. – М., 1966.
11. Мамонов М.С. О фиксации результатов осмотра места происшествия // Российский следователь. – М. : Юрист, № 11. 2005.
12. Ищенко Е.П., Образцов В.А. Криминалистика : учебник. – М. : Эксмо. 2005.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ ГЕРМАНСКОГО УЧЕНИЯ О СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Чанхай Лун**

Анализ западноевропейского философского наследия позволяет сделать вывод: 1) кантианская философия оказала доминирующее влияние на теорию состава преступления А. Фейербаха; 2) теория состава преступления Э. Белинга основывалась на трудах предшествующих правоведов, прежде всего представ-

* *Лун Чанхай* – кандидат юридических наук, постдоктор Юридического института Народного университета Китая, доцент Юридического института Университета Внутренней Монголии, директор центра по изучению России Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии.

лявших германскую нормативную школу; 3) кантианская философия оказала большое влияние на основные разновидности теории состава преступления, появившиеся в Германии и в некоторых странах западной (континентальной) системы права на протяжении последних 150 лет.

Понятие «состав преступления» происходит от латинского термина «*Corpus delicti*». В 1581 г. на основе термина «*Constare de delicto*» итальянский юрист Фаринациус вывел термин «*Corpus delicti*», чтобы более точно подчеркнуть совокупность доказанных преступных фактов. Только в конце XVIII в. в правовой германской литературе понятие *corpus delicti* стало переноситься в уголовное материальное право, причем в определении этого понятия долгое время проявлялось его процессуальное происхождение, вследствие чего из учения о составе преступления обыкновенно исключали учение о субъективных условиях виновности [1]. В германоязычной правовой литературе вышеупомянутый латинский термин *corpus delicti* был переведен как *Tatbestand*. Приблизительно в середине XIX в. и российские криминалисты взяли на вооружение и ввели в научный оборот именно немецкий термин *Tatbestand*, в переводе на русский язык означавший «состав преступления».

Чтобы выяснить значение состава преступления в различных теориях уголовного права (особенно в уголовно-правовой доктрине Германии и России), способствовать развитию учения о четырехэлементном составе преступления России, необходимо изучить их философское основание. Философские идеи оказали и оказывают сильное влияние на уголовное законодательство, особенно на уголовно-правовую доктрину. Подчеркивая важность философского осмысления правовых проблем, китайский ученый Фу Лицин указывает, что у каждой теоретической систем учений есть свои философские основы [2], российский профессор Ю.В. Голик справедливо предостерегал, что в случае отказа от них возникает угроза ухода в бесполезные дискуссии [3]. В данной статье мы попытаемся анализировать философские основы учения о составе преступления Германии.

Какую же именно роль в формировании теории состава преступления Германии сыграла кантианская философия? По мнению А.А. Пионтковского, криминалисты, воспитанные на приемах присущего учению И. Канта мышления критической философии, в своих исследованиях рассматривали в отрыве друг от друга объективное и субъективное, внутреннее и внешнее. В результате состав преступления позиционировался как совокупность только объективных признаков преступления, а формы виновности, которые определяли внутреннюю сторону совершенного действия, не включались в учение о преступлении [5]. В этой же связи Н.Д. Сергеевский отмечал, что крупнейший представитель юриспруденции – баварский криминалист А. Фейербах был последователем кантианской философии с ее бескомпромиссным противопоставлением объективного субъективному. Он относил к *Tatbestand* только объективные признаки преступного деяния, а субъективные свойства (вину) выводил за пределы состава преступления, рассматривая их в качестве второго (наряду с *Tatbestand*) самостоятельного условия наступления уголовной ответственности и наказуемости лица, совершившего преступление. Подобно А. Фейербаху, специалист по вопросам уголовного права Г. Штюбель определял состав преступления как совокупность всех тех обстоятельств, которые влекли за собой установление в законе наказания, поскольку эти факты не

относились к вменяемости [6, 7]. А.Н. Трайнин подчеркивал, что А. Фейербах и Г. Штюбель не допускали возможность уголовной ответственности без вины. Они оставляли вину вне пределов состава преступления. В их понимании преступление, с одной стороны, есть осуществление состава, а с другой – виновно учиненное деяние [7].

Данное учение о составе преступления благодаря яркому представителю германской нормативной школы Э. Белингу получило еще более крайнее выражение. Пионтковский справедливо отмечал, что на почве идеалистической неокантианской философии Э. Белингом было развито рассматриваемое нами «учение». По его мнению, наличие состава преступления еще не позволяет решать вопрос о том, что конкретное лицо совершило преступление. Состав преступления является лишь совокупностью фактических признаков деяния, а противоправность деяний лежит за пределами состава преступления [8]. Сам Э. Белинг однозначно указывал, что состав преступления – это понятие, не имеющее самостоятельного значения. Только трансформировавшись в него, противоправное виновное действие становится преступлением. Сам по себе состав преступления находится вне времени, пространства и бытия. Состав принадлежит только закону, а не реальной действительности [7].

Безусловно, теория состава преступления Э. Белинга основывалась на трудах предшествующих правоведов, прежде всего представлявших германскую нормативную школу. В этой связи М.И. Ковалев признает, что данная теория не была оригинальной, а ее истоки можно усмотреть еще в исследованиях Фейербаха, Штюбеля, Гейба и других ученых XIX в. [9]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что хотя неокантианская философия оказала достаточно сильное влияние на теорию состава Э. Белинга, но, в конечном счете, его теория состава преступления базировалась на той же кантианской философии.

Тем не менее нельзя не согласиться с мнением того же М.И. Ковалева, что, «характеризуя неоклассическое направление в уголовном праве, дескриптивное и свободно оцениваемое понимание признаков состава преступления было по-прежнему посредством открытия нормативных признаков, которые находили свое применение только благодаря оценочному содержанию». Несмотря на то, что в системе учения о преступлении неоклассического направления состав преступления уже включает в себя субъективные признаки, однако обнаружение этих признаков в действиях субъекта отнюдь не означало, что он подлежит ответственности. Необходимо было еще дать оценку этим действиям с точки зрения виновности и противоправности, т. е. установить, был ли причинен в результате их совершения кому-либо ущерб или нет [9].

Таким образом, в системе учения о преступлении неоклассического направления состав также не представляет собой единство субъективных и объективных признаков. В этой связи даже наличие в деяниях (или действиях) определенного состава еще не позволяло устанавливать уголовную ответственность.

Нормативная теория уголовного права в силу своей противоречивости представляет теоретическую основу как для объективных, так и для субъективных направлений в современном континентальном уголовном праве.

Вслед за системой учения о преступлении неоклассического направления в теории уголовного права Германии появилась так называемая «финальная» теория преступного поведения Вельцеля. Большую известность она приобрела под названием финальная концепция «двойной» функции уголовного пра-

ва, нашедшей достойных продолжателей в лице Р. Маураха, В. Зауэра и др. По мнению Вельцеля, общественно опасное действие не является обычным причинным процессом, сопровождаемым осознанием происходящего. Оно представляет из себя явление, каждый компонент которого определяется и формируется волей, ставящей перед собой цели, сознающей побочные последствия [10].

Хотя в соответствии с финальной теорией преступного поведения умысел включен в состав преступления, для судебных органов состав преступления является лишь поводом для привлечения к ответственности, которая может наступить только в случае, если действие, обладающее данным составом преступления, будет квалифицировано судом как противоправное [9]. Особенно стоит обратить внимание на то, что эта теория представляет собой разновидность субъективно-волюнтаристского направления в уголовном праве [10, 11].

В уголовно-правовой доктрине разных стран теория Вельцеля получила большую известность. Однако советские криминалисты подвергли обоснованной критике воззрения представителей этой школы (Вельцель, Маурах и др.), ставя им в вину то, что они судят о сущности деяния не по реальному результату, а лишь по направленности воли человека. Для советских юристов оказалась неприемлемой и приверженность сторонников данной теории к оценочной теории вины. По их мнению, это открывало простор для судебного усмотрения, особенно в сфере политических преступлений [12]. На взгляд А.В. Наумова, неприятие подобной теории советской юридической наукой в значительной степени объясняется причинами идеологического характера. Однако нельзя не обратить внимание на некоторые недостатки данной теории, не имеющие никакого отношения к сфере идеологической борьбы. Тот же А.В. Наумов справедливо отмечает, что с точки зрения этой теории совершенно невозможно обосновать уголовную ответственность за неосторожные преступления, поскольку в процессе их совершения воля преступника не была направлена на причинение вреда [12].

В настоящее время в уголовном праве Германии появились разнообразные модификации теории состава преступления. К числу наиболее интересных из них следует отнести неоклассическо-телеологическую и целево-рассудочную (Ц. Роксин), материальную сословную систему учения о преступлении (Ю. Волтер) и телеологическую систему учения о преступлении (А. Шмидхаузер) [13].

Другое направление развития нормативной теории — объективная теория. Её представители Т. Риттлер (Австрия), К. Энгш, Е. Мецгер (ФРГ), Г. Пфеннингер (Швейцария) и др. относят себя к сторонникам классической уголовно-правовой догматики, к последователям нормативной теории Белинга. Сторонники объективного направления поддерживают следующие основные положения: преступление представляет единство объективной и субъективной его сторон. Основу преступления составляет его внешняя, объективная сторона, к которой относится волевое поведение лица в форме действия или бездействия. Внутренние, субъективные моменты деяния — содержание и направленность воли лица — относятся не к действию, а к субъективной стороне преступления, к вине. Вопрос о вине может быть поставлен и анализ субъективной стороны осуществлен только после того, как установлен факт совершения лицом определенного, предусмотренного законом волевого действия или бездействия. Однако, по мнению сторонников объективного направления, «состав носит

чисто нормативный характер, с ним связаны только нормативные положения, то есть объективные признаки деяния, указанные законодателем» [10, с. 55, 59].

Здесь возникает необходимость вспомнить, что, поскольку состав преступления является только внешним, объективным описанием деяния, то наличие в действиях лица состава преступления не свидетельствует еще о субъективной направленности деяния и его противоправности. Иными словами, наличие состава преступления еще не означает наличия преступления и не является основанием для привлечения человека к уголовной ответственности.

У сторонников объективного направления нормативной теории состав преступления также не может стать основанием уголовной ответственности. Это объясняется тем, что философскую основу этой теории, как и всей нормативной школы в целом, составляет разновидность неокантианства – позитивизм [10].

На наш взгляд, несмотря на то, что в теории уголовного права Германии появилось так много систематизированных учений о преступлении, тем не менее все они в классических кантианских традициях разделяют состав преступления на субъективные и объективные признаки, что делает их отчасти похожими друг на друга. В подтверждение этого Н.В. Лясс правильно заметила, что философскую основу различных направлений развития нормативной теории составляет субъективный идеализм в различных формах его выражения (позитивизм, прагматизм, волюнтаризм и т. д.) [10]. Но, вне всякого сомнения, кантианская философия оказала большое влияние на основные разновидности теории состава преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. – М. : Наука, 1994. – С. 141.
2. Фу Лицин. Теория о составе преступления: сравнительно-правовое исследование и выборы путей. – Пекин : Изд-во «Юридическая литература», 2010. С. 237 (на кит. яз.).
3. Голик Ю.В. Философия уголовного права. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 11.
4. Козлихин И.Ю. История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта. Курс лекций. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – С. 337.
5. Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. – М. : Госюриздат, 1963. С. 226.
6. Сравнительное исследование учения о составе преступления в Китае и России. – Пекин, 2008. С. 4 (на кит. яз.).
7. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М. : Госюриздат, 1957. С. 20.
8. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. – М. : Госюриздат, 1961. С. 129.
9. Ковалев М.И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации. – Свердловск: Изд-во Свердловского юридического института, 1977. С. 63.
10. Лясс Н.В. Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – С. 36.

11. Чэнь Синлянь. Принцип единства субъективных и объективных признаков: анализ с точки зрения аксиологии и методологии // Изучение права. 2007. № 5. С. 114 (на кит. яз.).
12. Наумов А.В. О гегелевской идее права применительно к уголовному праву // Государство и право. 1993. № 4. С. 27.
13. Ли Личжун. Изучение учения об образовании преступления: с точки зрения уголовно-правовой доктрины зарубежных стран. — Пекин, 2006. — С. 124–125 (на кит. яз.).

ОТЛИЧИЕ ПРОДОЛЖАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОТ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Н.Н. Коротких**

Как отграничить единое продолжаемое преступление от совокупности преступлений? Этот, на первый взгляд, простой вопрос в практике расследования уголовных дел приводит к многочисленным ошибкам.

Здесь возникает своеобразная конкуренция части и целого, которая вообще характерна для проблемы множественности преступлений. Не вдаваясь в теоретические аспекты определения множественности преступлений, будем считать, что множественностью преступлений признается совершение одним лицом двух и более преступных деяний, каждое из которых является самостоятельным преступлением и сохраняет свое юридическое значение. Таким образом, множественность образуют единичные преступления, которые в силу законодательной регламентации могут быть простыми и сложными. Единое (единичное) сложное преступление характеризуется усложнением одного или нескольких элементов состава преступления, тесной юридической общностью объективных и субъективных признаков, обусловивших их объединение в один состав, предусмотренный статьей или частью статьи УК. Исходя из толкования уголовного закона, можно выделить: продолжаемое преступление, длящееся преступление, составное преступление, преступление с альтернативными деяниями, преступление с дополнительными тяжкими последствиями. Таким образом, продолжаемое преступление относится к разновидности единичных сложных преступлений.

Понятия продолжаемого и длящегося преступления были сформулированы еще в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» [1, с. 6]. С тех пор чего-либо нового в эти определения фактически не добавлялось. Продолжаемое преступление складывается из ряда тождественных преступных действий, охватываемых единым умыслом и направленных к достижению единой цели. Началом такого преступления считается совершение первого действия из числа нескольких тождественных действий, а окончанием — момент совершения последнего преступного акта.

* *Коротких Наталья Николаевна* — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: crimlaw@rambler.ru

Суммируя существующие в науке уголовного права точки зрения по понятию продолжаемого преступления, можно выделить следующие его основные признаки: совершение юридически тождественных деяний (один и тот же объект, сходство способов их совершения, единство наступивших последствий), совершение их в рамках единой формы вины (умысла или неосторожности), единый источник, дающий возможность совершать преступление (один и тот же потерпевший, одно и то же место хранения имущества, одно и то же место работы преступника и др.), минимальный разрыв во времени между деяниями. Однако наличие названных признаков в совершенных деяниях не всегда свидетельствует о продолжаемом преступлении, а может квалифицироваться как их совокупность. Анализ практики по данному вопросу показал, что такие ситуации встречаются довольно часто.

Так, Фрунзенским районным судом г. Владивостока был осужден Е. за совершение 25 краж, квалифицируемых по ч. 2 ст. 158 УК РФ. Суд признал каждое деяние самостоятельным составом преступления, хотя посягательство совершалось на один и тот же объект (отношения собственности), в рамках единой формы вины (умысел), с наступлением одинаковых последствий (причинением ущерба собственнику). Из материалов уголовного дела видно, что в период с июля 2005 г. по февраль 2007 г. Е. совершал кражи из офисов, расположенных на первых этажах зданий. Умысел на совершение очередного преступления у Е. возникал каждый раз заново, с привлечением различных соучастников. Разрыв во времени между кражами в среднем составлял около месяца [2]. Отсутствие таких признаков, как единый источник для совершения преступления (в данном примере 25 потерпевших) и единство умысла, не дает возможности характеризовать содеянное как единое продолжаемое преступление.

Иную ситуацию можно наблюдать в следующем уголовном деле. Железнодорожным судом г. Хабаровска осужден Ел-в за совершение 49 преступлений, предусмотренных ст. 160 УК. Все 49 деяний Ел-в совершил за 2 дня: в первый день – 26 эпизодов и во второй день – 23 эпизода. Осужденный развозил чистую воду населению и всю вырученную сумму за реализацию бутылей с водой присваивал себе [3].

Исходя из материалов дела, осужденный утверждал, что каждый раз, присваивая деньги (стоимость одной канистры с водой примерно 80–100 рублей), он думал, что больше они ему не понадобятся. Думается, суд должен был критически оценить это высказывание. Может, умысел на присвоение денег у него и возникал каждый раз заново, но реализован он был только в конце рабочего дня, когда он решал не сдавать всю вырученную сумму за доставленную воду. Казалось бы, все признаки единого продолжаемого преступления очевидны: абсолютно юридически тождественные деяния (единый объект, способ совершения, последствия, форма вины), один и тот же потерпевший, единый источник, дающий возможность совершать хищение. Но совершенное в данном случае нельзя признать продолжаемым преступлением. Отсутствие единого умысла и заранее поставленной цели на совершение хищения суд посчитал решающим для квалификации каждого эпизода содеянного как самостоятельного преступления.

В данном случае возникает и другой вопрос, если каждое из деяний формально содержит признаки какого-либо состава преступления, предусмо-

тренного Уголовным кодексом, то в силу малозначительности оно может не являться таковым, поскольку ущерб составлял по 80-100 рублей. Получается, что каждое из деяний, вмененных виновному, можно признать малозначительным и освободить лицо от уголовной ответственности.

Именно так и поступил судья Ханкайского районного суда Приморского края, оправдав Ф., обвиняемую в 131 эпизоде совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 165 УК РФ, так как ущерб не превышал в каждом конкретном случае один минимальный размер оплаты труда, установленный законом на момент причинения имущественного ущерба. Государственный обвинитель предлагал всё содеянное подсудимой считать одним продолжаемым преступлением, так как ее действия складывались из ряда тождественных деяний, охватываемых единым умыслом и неоднократным причинением имущественного ущерба собственнику. Ф. в течение года, работая ветеринарным врачом на станции по проведению ветеринарно-санитарных экспертиз туш животных, приготовленных для продажи, часть средств, поступающих от граждан за оказание услуги, присваивала себе. Она в судебном заседании пояснила, что во всех 131 случаях действовала с единым умыслом. Однако суд посчитал, что «содеянное ею нельзя считать единым продолжаемым преступлением, и каждый случай причинения имущественного ущерба должен квалифицироваться отдельно, поскольку подсудимая не смогла пояснить, на причинение ущерба в какой конкретно сумме были направлены ее действия» [4]. Видно, что в данном случае отсутствие единой цели не дало возможности суду признать все содеянное продолжаемым преступлением. Думается, и здесь суд поступил правильно.

Проблем с квалификацией в данном случае не возникло бы вовсе, если бы в Уголовном кодексе был предусмотрен такой квалифицирующий признак, как «совершение преступления в виде промысла». Это понятие в достаточной мере было разработано теорией уголовного права и судебной практикой. Совершение преступления в виде промысла в УК РСФСР рассматривалось как разновидность повторности преступлений.

Преступный промысел как разновидность повторности может иметь место лишь при систематическом занятии преступной деятельностью, т.е. преступный промысел предполагает деятельность виновного в течение более или менее продолжительного периода. Деятельность лица может быть отнесена к преступному промыслу, если она направлена на извлечение нетрудового дохода и если она является основным или дополнительным, но весьма существенным источником средств существования виновного. Именно этот обязательный признак совершения преступления в виде промысла — получение выгоды, которая становится источником средств существования, является специфическим лишь для данной разновидности повторности. Фигурируя такой признак в действующем уголовном законодательстве, в вышеприведенном примере обвиняемую Ф. не пришлось бы освобождать от уголовной ответственности за малозначительностью деяния, а квалифицировать все содеянное ею по ст. 165 УК РФ с вменением квалифицированного состава — «совершение преступления в виде промысла», что адекватно отражало бы реальную тенденцию в ее антиобщественном поведении.

В уголовно-правовой литературе предлагается продолжаемым преступлением признавать совершение нескольких тождественных деяний, объединенных

единым умыслом и конкретизированной общей целью. При этом конкретизированная общая цель заключается в том, что виновный заранее ставит для себя конечную цель, сознавая, что достигнуть ее можно только через сеть промежуточных целей, последовательно к ней приближаясь, и что конечная цель является синтезом промежуточных целей. Поэтому совершение деяния (например, хищения) до тех пор, пока это возможно, то есть с неконкретизированным умыслом, не позволяет отграничить продолжаемое преступление от совокупности (неоднократности) преступлений. Так, если субъективная сторона нескольких совершенных преступлений характеризуется единым конкретизированным умыслом и общей целью (например, собрать автомобиль из похищенных деталей и т.п.), а объективная сторона состоит из неоднородных и нетождественных действий (различны, например, способы хищения: кража, присвоение, грабеж, разбой, мошенничество и т.п.), то о продолжаемом хищении говорить нельзя. Но и в противном случае, когда деяния являются тождественными, но у виновного не имеется определенного (конкретизированного) единого умысла и общей цели до начала совершения преступления, также будет неправильным называть эти деяния продолжаемыми. Таким образом, с субъективной стороны только содержание умысла и его определенность могут стать критерием разграничения продолжаемого преступления от совокупности, а именно – наличие конкретизированного умысла и четко определенной цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Судебная практика по уголовным делам / сост. Г.А. Есаков. – М., 2005.
2. Архив Фрунзенского районного суда г. Владивостока. Уголовное дело № 1-480/07.
3. Архив Железнодорожного суда г. Хабаровска за 2007 г.
4. Архив Ханкайского районного суда Приморского края за 2004 г.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ СУДЕБНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

*Л.А. Ванеева, М.Н. Склизков**

Предлагаемая статья посвящена исследованию некоторых вопросов гражданско-правового судебного регулирования, в основу которого положено понимание акта правосудия как регулятивного нормативно-правового акта судебной власти.

В Конституции Российской Федерации провозглашен принцип разделения властей, и согласно ей правосудие в РФ осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Под правосудием, согласно п. 2 ст. 1070 ГК РФ, понимается не всё судопроизводство, а лишь та его часть, которая заключается в принятии акта судебной власти по разрешению подведомственных суду дел, то есть судебных актов, разрешающих дело по существу.

В соответствии с ГПК РФ и АПК РФ в гражданском и арбитражном процессе такими актами являются решения судов первой инстанции и «новые» акты апелляционной, кассационной и надзорной инстанции. С учётом единой сущности таких актов и традиции науки права в дальнейшем речь пойдет о судебном решении.

Юридическая природа актов правосудия. Категория судебного решения была и остается предметом острой дискуссии в науке права [2,3], в процессе которой определились три доминирующих воззрения, влияющие на определение роли судебных решений в механизме правового регулирования: 1) судебное решение – разновидность акта государственной власти; 2) судебное решение является юридическим фактом, с которым закон связывает возникновение, изменение и прекращение правовых отношений; 3) судебное решение – акт правоприменения, акт индивидуального регулирования поведения участников общественных отношений. В то же время место актов судебной власти среди актов иных ветвей государственной власти, юридико-фактическая сущность судебного решения, а также специфика судебного правоприменения остаются не проясненными.

1. Определить юридическую природу, выявить юридическую сущность судебного решения означает определить, к какому роду юридических явлений оно относится и какое место среди других явлений данного рода оно занимает.

Отправление правосудия – вид осуществления государственной власти. Следовательно, акты правосудия – это нормативно-правовые акты. Однако

* *Ванеева Людмила Антоновна* – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: pravpr@chair.dvfu.ru

Склизков М.Н. – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток.

с советского времени, когда понятия судебной власти в научном обороте не существовало и утверждалось, что судебное решение не может содержать норм права, решение суда по конкретному делу по-прежнему именуется юридическим, но не нормативным актом, считается, что суды «осуществляют правосудие как одну из форм применения закона, не связанную с правотворческими полномочиями суда при разрешении конкретных дел» [4].

Находясь под влиянием указанного посыла и учитывая, что судебная власть для эффективной реализации своих властных полномочий должна обладать средствами правового воздействия той же правовой природы, что и акты других ветвей власти, некоторые авторы в своих исследованиях сделали вывод: «...властное воздействие на общественные отношения со стороны судебной власти имеет нормативное и ненормативное выражение. В первом случае – это судебный прецедент (постановления высших судебных инстанций), во втором – судебное решение в отношении субъективных прав конкретного лица. В судебном решении получает урегулирование конкретная ситуация. В судебном прецеденте формулируется правило, общее для решения множества подобных ситуаций. Решения районных судов источником права не являются, так как не носят общеобязательного характера» [5]. «Именно наделение судебных актов качеством судебного прецедента уравнивает позицию судебной власти по отношению к другим ветвям» [1]. Под прецедентом в таких случаях понимается решение суда, обладающее качеством общеобязательности.

Обоснованность изложенных выводов вызывает сомнение, прежде всего, тем, что разделение властей и признание самостоятельности судебной власти не означает необходимости наделения ее полномочиями, аналогичными полномочиям законодательной власти – создавать нормы общего характера. Разделение властей – не самоцель, а способ совершенствования государственного управления путем правового регулирования общественных отношений. У каждой ветви власти своя сфера правового регулирования.

В силу ст. 18, 118 Конституции РФ функция судебной власти – обеспечивать права и свободы человека и гражданина путем разрешения различных конфликтных ситуаций конкретных субъектов права. Суд в решении властно, на основе норм права, определяет и закрепляет содержание субъективных прав и обязанностей, меру юридической ответственности и другие обязательные условия (правила, нормы) поведения участников спорных отношений, то есть принимает акт индивидуального правового регулирования.

Поэтому судебное решение относится к роду юридических явлений, именуемых нормативными правовыми актами. «Нормативным является акт, в котором выражена воля компетентного органа об установлении правила поведения, о его изменении или отмене» [20].

Будет ли это правило общим или индивидуальным, не имеет значения, поскольку суть правовой нормы – в обязательности содержащегося в ней правила, а не в том, скольких людей она касается.

М.Ф. Казанцев обращает внимание на не тождественность свойства индивидуальности и ненормативности. «Преобладающая в настоящее время позиция, согласно которой общеобязательность является существенным признаком правовой нормы, рано или поздно будет пересмотрена. Иначе, оставаясь на логической почве, невозможно объяснить нормативный характер положений, содержащихся в уставах юридических лиц, локальных правовых актах, иных

подобных нормативных правовых актах, которые трудно рассматривать в качестве общеобязательных» [7].

«Общеобязательность» – это характеристика не нормы права, а нормативного акта, когда речь идет о его действии «по кругу лиц». Общеобязательность вступивших в законную силу решений суда первой инстанции и постановлений вышестоящих судов установлена законом (ст. 13 ГПК РФ, ст. 16 АПК РФ).

Таким образом, акты правосудия – решения суда первой инстанции и «новые» постановления высших судебных инстанций – не могут не иметь единой правовой природы. Всем им как актам судебной (государственной) власти имманентно присуща нормативность.

Подразделение актов правосудия на два вида – нормативные и ненормативные – в зависимости от расположения принимающих их судов в структуре судебной системы принижает роль судов первой инстанции в обеспечении прав и свобод человека и гражданина и не способствует формированию уважительного отношения к суду.

2. Суждения о том, что судебные решения не содержат правовых норм, теоретически подпитываются учением о судебном решении – юридическом факте, по которому значение судебного решения проявляется в основном в самом факте его принятия, в акте – юридическом *действии*, которое никаких норм содержать не может: закон с ним связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений.

Как известно, способность судебного решения воздействовать на динамику гражданско-правовых отношений в качестве юридического факта материального права до принятия Гражданского кодекса РФ была предметом долгого научного спора. Его содержание неоднократно освещалось в литературе, поэтому нет необходимости в повторении. Но нельзя не отметить, что и сторонники, и противники юридико-фактической сущности судебного решения основывались на идеологических установках о неприемлемости советским государством принципа разделения властей и самостоятельности судебной власти. М.Г. Авдюков, например, категорично утверждал, что «судебное решение... не включает в себе нормативного характера права» [8]. Поскольку суд не может творить право, судебное решение нельзя рассматривать как юридический факт, с которым закон связывает преобразование правоотношения.

О.А. Красавчиков, поддерживая М.А. Гурвича в самой идее о том, что решения суда должны рассматриваться как юридические факты, действующие в сфере гражданско-правовых отношений [9], тем не менее усматривал недостаток его концепции в переоценке роли судебного решения, выражающейся «в утверждении, что суд *сам своим решением* изменяет, прекращает гражданские правоотношения». «Судебное решение, – писал он, – обычно выступает в качестве правоустанавливающего факта, то есть замыкающего элемента юридического состава. Юридические последствия наступают лишь при завершённом составе. В силу этого и создается обычно впечатление, якобы судебное решение само, независимо от правоподготавливающих юридических фактов, порождает правовые последствия» [10].

Сущность судебного решения как юридического факта в гражданском праве О.А. Красавчиков раскрывал с позиции двойственной, материально-процессуальной, природы решения, а значение юридического факта в гражданском

праве признавал за любыми решениями суда независимо от того, удовлетворен ли иск или в иске отказано.

Отмечая противоречивость выводов О.А. Красавчикова, М.Г. Авдюков писал, что суд может отказать в удовлетворении иска и тогда решение есть, а правовых последствий в виде изменения или прекращения правоотношения нет, значит, опровергается понимание судебного решения как юридического факта [8].

Законодательное установление в ст. 8 ГК РФ за судебным решением значения юридического факта в гражданском праве отражало результаты проведенных теоретических исследований и по существу было воспринято как подведение черты под многолетней дискуссией.

Однако дальнейшее развитие гражданского законодательства и практика его применения вновь привлекли внимание к вопросу о месте судебного решения в регулировании гражданских правоотношений, и оказалось, что распространенного общепринятого правового понятия юридических фактов как конкретных жизненных обстоятельств, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение и прекращение правоотношений, по меньшей мере недостаточно для обсуждения проблемы: вновь появляющиеся высказывания о невозможности считать решение суда юридическим фактом гражданского права так же основываются на этом понятии [26].

Р.С. Бевзенко, М.А. Рожкова отмечают, что, хотя теория юридических фактов – одна из основополагающих для цивилистики, она по сути дела стала теорией аксиоматической, «застывшей». С момента выхода в 1958 г. книги О.А. Красавчикова «Юридические факты в советском гражданском праве» она практически не получила своего развития [11].

В последние годы в теории права предпринимаются попытки углубленного переосмысления общепринятого понятия юридических фактов, «ревизии» теории юридических фактов, обусловленные накоплением новых знаний о сущности права, системе права, об объективном и субъективном праве как формах движения одного и того же права, о механизме правового регулирования.

С.А. Зинченко с позиций инструментального подхода, т.е. с позиций регулятивной ценности права, с учетом места и роли юридических фактов в механизме правового регулирования предложил новое понимание юридического факта. Он отмечает, что при детальном рассмотрении утвердившегося понятия юридических фактов обнаруживается парадокс. Юридическими фактами признаются жизненные обстоятельства, явления реальной действительности, которые, хотя и закреплены в праве в силу их функциональной оценки теорией «рычажками», «проводниками энергии», «условиями обеспечения» и т.п., остаются не относящимися к праву. В статусе всего лишь фактов реальной действительности им не под силу порождать, изменять и прекращать права и обязанности. Такой регулирующей силой, считает он, *«может обладать только существенный компонент системы права, механизма правового регулирования»* (курсив авт.). «Юридические факты – всецело правовые формы, выполняющие только им присущую регулирующую роль» [12].

По С.А. Зинченко, юридические факты характеризуются следующими признаками:

- юридические факты – волевые акты субъектов права;

- волевые юридические акты закрепляются в нормах объективного права с той или иной степенью конкретности;

- юридическими фактами порождается и закрепляется сущность того объективного или субъективного права, которое возникает как содержательное явление этой сущности (система норм, субъективное общее право, правовой статус, правосубъектность, компетенция или конкретное право); посредством юридических фактов обеспечивается возникновение, изменение и прекращение прав (объективных и субъективных);

- юридический факт – самый существенный элемент правового регулирования. Однако в силу своей глубины и абстрактности он менее всего очевиден при выяснении роли того или иного компонента в механизме правового регулирования;

- вся регулирующая роль норм объективного права, предшествующая нормативному или индивидуальному юридическому факту, протекает и трансформируется в новые нормативные или субъективные права только посредством юридических фактов. Степень трансформации норм объективного права посредством юридических фактов не имеет значения. Даже в тех случаях, когда без каких-либо изменений модели объективного права посредством юридического факта распространены на конкретных участников правоотношения, имеют место новая форма, новое право.

В результате применения к исследованию юридических фактов системного подхода, теории системного развития прав категория «механизм правового регулирования» предстает как системная, охватывающая целостный механизм, каждая часть которого, взаимодействуя с другими, выполняет свои специфические функции. В юридической литературе это представлено научными положениями о стадиях правового регулирования [13].

Хотя во взглядах на стадии правового регулирования отсутствуют четкие критерии, все стадии характеризуются авторами как *самостоятельные* блоки единой системы, а это означает, что юридические факты должны входить во все стадии правового регулирования. Правоприменение – такая стадия.

Взяв это положение за исходное методологическое начало, оценивая юридические факты в качестве центрального звена в механизме правового регулирования, С.А. Зинченко пришел к выводу, что таким центральным звеном, *началом* правового регулирования *во всех его стадиях*, кроме стадии реализации, должен быть *волевой нормативный акт*.

Таким образом, нормативный акт и юридический факт *имеют единую правовую природу*, и нет основания для их противопоставления, что ранее было традиционным.

Юридические факты как нормативные акты создают модели поведения, базируясь на вполне определенных нормах объективного права. *Нормы права (модели поведения) предстают здесь содержанием юридического факта как волевого нормативного акта*.

Этот вывод представляется чрезвычайно важным, несущим в себе потенциальные методологические ресурсы при обсуждении юридической сущности судебного решения – акта правосудия, поскольку обычно, как отмечалось, значение судебного решения как юридического факта связывают только с его принятием и вступлением в законную силу (наличием).

В настоящее время в теории права юридические факты стали рассматривать как социальную основу действия механизма правового регулирования. Юридический факт, считает А.Я. Рябов, «это такое жизненное обстоятельство, которое имеет не только социальную, но и юридическую сторону... Именно этот признак позволяет понять способность юридического факта к порождению правовых последствий в виде установления правового отношения, юридическое содержание которого складывается из субъективных прав и правовых обязанностей участвующих в нем субъектов» [14]. По А.Я. Рябову, в нормах права в качестве юридических фактов закрепляются такие социальные явления, которые обладают способностью к порождению правовых отношений и обуславливают их динамику, явления, уже имеющие юридические характеристики. Юридические факты имеют двойственный характер и конструктивно включают в себя и юридические, и социальные элементы.

М.Ф. Казанцев полагает, что юридическими фактами могут быть факты действительности, в том числе такие явления, которые по своей изначальной природе являются юридическими (например, сделки, судебные решения). Изначально юридическое явление, становясь юридическим фактом, обретает вторичное юридическое свойство — свойство юридического факта. «В результате юридическое явление, *сохраняя свою первоначальную юридическую сущность*, дополняется новым вторичным юридическим свойством» [15] (курсив авт.).

Значит, определение судебного решения как юридического факта не заслоняет собой первичную регулятивную юридическую сущность решения как публично-правового акта *судебной (государственной) власти*, который принимается в целях урегулирования конфликтных отношений и которому (как акту власти) присуща нормативность.

Статья 8 ГК РФ наглядно подтверждает данный вывод. В ней основанием возникновения гражданских прав и обязанностей (юридическим фактом) признается судебное решение, *установившее гражданские права и обязанности*, то есть создавшее и содержащее модели поведения участников правового конфликта на будущее.

В то же время судебное решение, будучи нормативно-правовым актом и выполняя регулятивную функцию, не всегда содержит только управомочивающие и обязывающие нормы. Не любое решение суда является юридическим фактом гражданского права, но каждое регулирует конфликтную ситуацию путем установления правовой нормы. В случае отказа в удовлетворении иска решение суда также содержит правовую норму — запрет недопустимого поведения истца — предъявление неосновательных притязаний к ответчику в будущем в отношении того же предмета, по тем же основаниям. Таким решением вносится определенность в положение ответчика в сфере гражданско-правовых отношений, обеспечивается его право пользоваться определенными благами.

Судебное решение по конкретному гражданскому делу всегда содержит модель поведения — право, обязанность или запрет — и характеризуется особой документальной формой выражения изложенного в нем государственного волеизъявления. Решение суда — это нормативно-правовой акт-документ, носитель юридических норм и полностью отвечает признакам источника права.

Однако признаки источника права у судебного решения оспаривают в связи с тем, что решение суда — акт применения права.

3. Широко распространено мнение о том, что судебное решение по конкретному делу по своей правовой природе «является правоприменительным, а не правотворческим актом. Это означает, что оно не создает новых правил поведения, а лишь дополняет, усиливает властность юридических норм, конкретизируя и персонифицируя их предписания применительно к данным конкретным субъектам» [16].

Под применением норм права обычно понимают властно-организующую деятельность компетентных органов государства и должностных лиц или общественных организаций, имеющую своей целью содействие адресатам правовых норм в реализации принадлежащих им прав (издание приказа ректора о зачислении абитуриента в университет, регистрация брака и т.д.). Такая реализация права, наряду с непосредственной реализацией участниками общественных отношений в форме соблюдения, исполнения, использования, представляет особый случай реализации – правоприменительную реализацию.

Исходя из этих представлений, гражданский процесс рассматривался в качестве формы принудительного осуществления субъективного права, а судебное решение, соответственно, как акт принудительного правоприменения.

В настоящее время правовая реальность обязывает такой взгляд на судебное решение принципиально пересмотреть. Согласно закону «Об исполнительном производстве» принудительную реализацию субъективного гражданского права осуществляют не суды, а органы исполнительной власти – федеральная служба судебных приставов и ее территориальные органы. Это обстоятельство не позволяет непосредственно связывать судебное правоприменение с *реализацией материального субъективного права истца*.

В науке права высказывается весьма обоснованная мысль, что различие правотворчества и правоприменения весьма условно, поскольку на любом уровне государственной и политической систем субъекты права органически их сочетают. Правоприменение рассматривается как стадия правового регулирования, а правоприменительная деятельность – как связанная с правотворческой деятельностью, вытекающая из нее, *являющаяся ее продолжением*: правоприменительная деятельность призвана с помощью нормы права главным образом продолжить заданное правотворчеством общее нормативное регулирование [17].

С.С. Алексеев, исследуя «включение» правоприменения в процесс правового регулирования, отмечает, что применение права выполняет не только правообеспечительную, но и регулятивную функции. Компетентный орган конкретизированно, по отношению к данному случаю, властно подкрепляет действие юридических норм, обеспечивает достижение цели правового регулирования возможностью государственно-принудительных мер. «Однако самое главное состоит в том, что компетентный орган действительно *применяет* право; и это выражается в том, что он на основе своих государственно-властных полномочий осуществляет *индивидуальное регулирование* общественных отношений» [18]. «Но оно все же – *правовое* регулирование. Ведь применение осуществляется компетентным органом, наделенным государственно-властными полномочиями. Причем и в случае правотворчества, и в случае правоприменения – и только в этих двух случаях! – происходит государственно-властное воздействие на процесс правового регулирования».

Когда мы говорим о судебном решении как акте применения права, то имеем в виду способ его принятия, обеспечивающий соответствие решения суда закону, иным нормативно-правовым актам. Согласно ст. 13 АПК РФ и ст. 11 ГПК РФ суды обязаны разрешать гражданские дела на основании Конституции РФ, международных договоров РФ, федеральных конституционных законов, иных нормативных правовых актов государственной власти субъектов РФ, нормативных правовых актов органов местного самоуправления и т.п.

Понятие «применение права» по отношению к акту правосудия воплощает в себе идею законности, ограничения судьейского усмотрения.

Таким образом, применение права при вынесении решения судом – правоприменение – не заслоняет первичной *регулятивной* сущности судебного решения. В.В. Ершов подчеркивает, что классическое понимание процесса применения права, как формальной конструкции подведения конкретных общественных отношений под абстрактные нормы права по методу логического умозаключения, на практике показало свою нежизнеспособность, поскольку не отражает всей глубины и сложности правоприменительной деятельности суда [19].

«Правосудие выходит за рамки простого «применения права». Оно имеет правосозидающее значение: в согласии с Конституцией и законом правосудие само решает жизненные случаи «по праву». По самой своей сути судебные решения являются «живым правом».

Правоприменительное свойство судебного решения относит его к подзаконным нормативным актам, но не исключает из числа источников права.

Решение суда в системе гражданско-правового регулирования. Цель принятия судом решения по гражданскому делу – упорядочение взаимоотношений между людьми и их объединениями, придание им организованного и стабильного характера. Из содержания ст.ст. 3, 8 ГК РФ следует, что актами правового регулирования отношений в сфере гражданского оборота являются нормативные правовые акты органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Отношения между ветвями государственной власти характеризуются функциональной направленностью на достижение единой цели: согласно ст. 18 Конституции РФ – это права и свободы человека и гражданина. Создание определенной системы органов государственной власти предполагает, что они действуют не обособленно друг от друга, а обеспечивают эффективность отправления функций государства, и прежде всего защиту прав человека во взаимодействии.

В настоящее время «нормотворческое взаимодействие» ветвей власти выступает как методологическая категория.

Гражданско-правовое регулирование – многоуровневая система. В ней имеют место как общие правила поведения в сфере гражданского оборота, так и конкретные, индивидуальные, обусловленные характером этих отношений и механизмом их реализации.

При определении уровня, на котором следует регулировать данные отношения, должно действовать общее правило управления: решение следует принимать на том уровне, где имеется наиболее подробная информация и оптимальная возможность ее оценки и использования.

На уровне высшего федерального и даже регионального законодательного органа не может быть полной, непосредственной информации обо всех деталях

и подробностях конкретной жизненной ситуации. Такая информация может быть лишь на ближайшем к конкретным отношениям уровне управления. Именно поэтому законодатель часто ограничивается отсылкой к актам органов исполнительной власти или суда, которые могут и должны фактически устанавливать соответствующие правила. Например, обращение взыскания на земельный участок по обязательствам его собственника допускается только на основании решения суда (ст. 278 ГК РФ). Именно суд ближе и доступнее для рядового человека, чем иные органы власти.

В случаях возникновения конфликта или спора о праве между участниками конкретных отношений, то есть когда цель правового регулирования – достижение правопорядка – с помощью закона не достигается, законодатель поручает суду установить специальное правило для урегулирования взаимоотношений спорящих субъектов. Такое правило устанавливается путем вынесения судом решения на основе закона с учетом информации об обстоятельствах дела, полнота которой гарантируется порядком ее получения, установленным законом.

Согласно п. 6 ст. 79 ФЗ «Об акционерных обществах» суд отказывает в удовлетворении требования о признании крупной сделки недействительной при наличии одного из следующих обстоятельств:

- голосование акционера, обратившегося с иском о признании крупной сделки, решение об одобрении которой принимается общим собранием акционеров, недействительной, хотя бы он и принимал участие в голосовании по этому вопросу, не могло повлиять на результаты голосования;

- не доказано, что совершение данной сделки повлекло или может повлечь за собой причинение убытков обществу или акционеру, обратившемуся с иском, либо неблагоприятных последствий для них;

- к моменту рассмотрения дела в суде представлены доказательства последующего одобрения данной сделки по правилам, предусмотренным законом «Об акционерных обществах»;

- при рассмотрении дела в суде доказано, что другая сторона по данной сделке не знала и не должна была знать о ее совершении с нарушением предусмотренных указанным Федеральным законом требований к ней.

Какое из названных обстоятельств будет иметь место в конкретной ситуации, законодатель предугадать не может. Поэтому источником урегулирования отношений в данном случае выступает судебное решение. Гражданское право всегда ориентировалось на возможность дополнения нормативного регулирования индивидуальным. Судебное регулирование является разновидностью индивидуального регулирования наряду, например, с договорным. Необходимость в индивидуальном регулировании возникает тогда, когда необходимо учесть разнообразные обстоятельства конкретной жизненной ситуации (а такая необходимость присутствует при рассмотрении судом каждого конкретного дела).

Формой индивидуального регулирования является усмотрение суда, которое, однако, всегда находится в рамках закона: полная свобода в выборе варианта решения отсутствует. Общие принципы права, заложенные в национальном законодательстве, не позволяют суду формулировать правила, диссонирующие с основными установками правовой системы. Кроме того законодателем могут устанавливаться и конкретные ограничения судебного усмотрения. Так, ст. 333 ГК РФ предусматривает право суда уменьшить неустойку, если она явно

несоразмерна последствиям нарушения обязательства. Практика применения данной статьи выявила необходимость установления ограничения этого права суда. В связи с этим в проекте ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» уменьшение неустойки судом допускается только по заявлению должника. Снижение договорной неустойки, подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, допускается в исключительных случаях, когда будет доказано, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению кредитором необоснованной выгоды.

Необходимость судебных решений в правовом регулировании обусловлена наличием известных пробелов в праве, когда суд разрешает конкретное дело в порядке индивидуального правового регулирования при помощи аналогии. «Закон, даже самый обширный, даже представляющий весьма полную кодификацию, неизбежно имеет пробелы, так как, несмотря на все свое старание, он не может охватить бесконечного разнообразия житейских отношений. Закон, даже самый совершенный, неизбежно отстает от жизни: раз изданный, он остается неподвижен, меж тем как жизнь идет непрерывно вперед, творя новые потребности и новые отношения». «Закон и суд не две враждующие силы, а два одинаково необходимые фактора юрисдикции» [20].

В качестве правового основания правотворческой деятельности судов выступают некоторые типичные особенности содержания правовых норм, когда сам законодатель предписывает суду давать толкование таким понятиям, которые в науке получили наименование «каучуковых норм». Например, ст. 6 ГК РФ применяет понятия «добросовестность», «разумность», «справедливость», «общие начала и смысл гражданского законодательства». Статья 450 ГК РФ устанавливает правомочие суда на установление содержания оценочного понятия «существенных» нарушений условий договора, в других нормах закон применяет категории «уважительных причин», «надлежащих обстоятельств» и т.д. Оценочных понятий только в первой части ГК насчитывается порядка семидесяти.

Судебное нормотворчество — необходимый элемент системы правового регулирования, взаимосвязанный с другими ее элементами, включающийся в урегулирование общественных отношений. Достижение конечной цели правового регулирования не заканчивается принятием закона. Важен результат — достижение правопорядка, и на суд возложено поддержание правопорядка путем защиты субъективных прав отдельных лиц. Механизм правового регулирования должен функционировать в гармоничной системе источников (форм) права.

Фактором, объединяющим источники права в единую систему, служит их способность предоставлять субъектам права и обязанности. Отмечается, что наличие системообразующих связей разнообразных форм права, выраженных в способности предоставлять права и обязанности социальным субъектам как на общем, так и на индивидуальном уровнях, позволило существенно изменить традиционно сложившееся представление о разновидностях источников права.

В частности, в научной литературе рассматривается вопрос об источниках не только объективного, но и субъективного права. «...Для нас гораздо важнее признание ценности наряду с объективным субъективного права и вытекающее из этого признание выделение тех источников, которые порождают субъектив-

ное право и в которых оно находит свое выражение и закрепление», — отмечал Е.Б. Хохлов, — «С этих позиций в ряду источников права оправдано существование не только обычая, нормативного акта или нормативного договора, но и административного акта, а также ... судебной практики» [21].

Все источники права в зависимости от свойственной каждому из них юридической силы располагаются по отношению друг к другу в строго иерархическом, субординационном порядке, подчиняясь один другому и, соответственно, дополняя и детализируя друг друга. Вряд ли можно серьезно воспринимать утверждение о том, что наделение суда правом создавать норму права означало бы его вторжение в законодательную деятельность. В системе источников права судебное решение занимает свое определенное место.

В качестве аргумента против судебного правотворчества указывают на то, что наш суд первой инстанции не готов к тому, чтобы решать дело в виде установления правовой нормы: нет правовых традиций, недостаточная квалификация и пр.

Конечно, ошибочная судебная практика имеет место в судах первой инстанции. Однако допускают ошибки и суды высокого масштаба. Случаи принятия неправильного правового решения органами исполнительной власти или органами законодательной власти также имеют место, но, исходя из этого, никто не пытается утверждать, что эти акты — не источники норм права. Российское правосудие еще далеко от идеала, следовательно, нужно решать задачу по сокращению этой дистанции, а не отрицать правотворческий характер актов правосудия. Правовая наука должна содействовать формированию современного правового мышления судей, без которого невозможно качественное рассмотрение гражданских дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. — М. : Волтер Клувер, 2007; и др.
2. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. — М., 1966; Гражданский процесс / под ред. С.Н. Абрамова. — М., 1948.
3. Гурвич М.А. Решение советского суда в исковом производстве. — М., 1955.
4. Чечина Н.А. Норма права и судебное решение // Избранные труды по гражданскому процессу. — СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.
5. Нешатаева Т.Н. К вопросу об источниках права — судебном прецеденте и доктрине // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 5. С. 107, 109.
6. Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства: юридическая природа нормативных актов высших органов власти и управления. — М., 1967. С. 25.
7. Казанцев М.Ф. Гражданско-правовое договорное регулирование: исходные положения концепции // Правоведение. 2003. № 2. С. 97.
8. Авдюков М.Г. Судебное решение. — М., 1959.
9. Гурвич М.А. Виды исков по советскому гражданскому процессуальному праву // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1945. № 2. С. 1—12.

10. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды в двух томах, Том 2. – М., «Статут», 2005.
11. Бевзенко Р.С. Теория юридических фактов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. – М., 2007. С. 347.
12. Зинченко С.А. Юридические факты в механизме правового регулирования. – М., 2007. С. 12.
13. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Л., 1959. С. 5.
14. Рябов А.Е. Юридические факты в механизме правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005. С. 4.
15. Казанцев М.Ф. Гражданско-правовое договорное регулирование: исходные положения концепции // Правоведение. 2003. № 2. С. 93.
16. Ляшков С.В. Судебный прецедент в гражданском процессе России: формы проявления, их правовая природа и юридический характер // Право и политика. – 2011. № 10. – С. 1693.
17. Горшенев В.М., Дюрягин И.Я. Правоприменительная деятельность // Советское государство и право. – 1969. № 5. – С. 26.
18. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Т. 1. – Свердловск. 1972. – С. 165.
19. Ершов В.В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. – 2006. № 5. – С. 8.
20. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М. : Статут, 1998. С. 94–95. (Сер. «Классика российской цивилистики»).
21. Хохлов Е.Б. Судебные акты как источники российского трудового права. – СПб., 2003. С. 107.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА НАЁМНЫХ РАБОТНИКОВ

*В.И. Курилов**

В основе содержания гражданско-правовых средств формирования поведения личности в сфере несамостоятельного труда лежат неправовые факторы, которые нуждаются в исследовании, выявлении и прямом или косвенном закреплении в гражданском и трудовом праве в силу их глубокого, формирующего влияния на поведение личности.

Проблема побуждающих и направляющих факторов поведения и развития личности достаточно глубоко исследована в трудах психологов, теоретиков права, а также философов и социологов. Однако в науке гражданского и трудового права названная проблема не получила пока должного исследования, хотя правовое регулирование общественно-трудовых отношений с неизбежностью предполагает воздействие именно на указанные факторы. В силу изложенного, социально-правовой анализ побудительных моментов, определяющих поведение личности в сфере общественного труда, представляется необходимым и оправданным.

* *Курилов Владимир Иванович* – доктор юридических наук, профессор, проректор ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: law_institute@dvgu.ru

Побудительные факторы для работника – это факторы, порождающие желание или намерение трудиться вообще и по определенной специальности, квалификации или должности в частности. В соответствии с психолого-фило-софской теорией главным побудительным фактором деятельности личности, в т.ч. труда, являются потребности. Однако кроме них в процессе мотивации участвуют и многие другие субъективные и объективные факторы, связанные с удовлетворением и действием по удовлетворению потребностей. Анализ данных факторов формирует мотив как субъективную необходимость именно конкретного действия. Поведение личности всегда определяется потребностями и возникающими на их основе интересами, мотивами, установками и другими психологическими категориями. Но указанные категории формируются прежде всего социально-экономическими условиями функционирования личности; политико-воспитательным, идеологическим воздействием; социально-правовым регулированием и лишь в последнюю очередь – биогенетическими задатками.

Объективная сторона формирования и развития потребностей, интересов и т.д. в силу их определенной стабильности обуславливает отражение данных категорий в гражданском и трудовом законодательстве путем закрепления в нем института договорных отношений, норм труда и отдыха; правил защиты прав, законных интересов, трудовой чести и достоинства личности; правил привлечения к ответственности субъектов трудового правоотношения и т.д. Правовое регулирование труда должно быть основано на учете потребностей как государства, общества работодателей, так и личности работника.

Что же следует понимать под категорией «потребности»?

Оставляя за пределами настоящего исследования подробный анализ проблемы, отметим лишь следующее. К данному понятию обращались ученые разных отраслей науки. С точки зрения философии, потребности – это «нужда или недостаток в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма ... внутренний побудитель активности» [1]. В экономической науке они определяются как выражение условий материальной и духовной жизни на каждом конкретном историческом этапе развития общества и его членов.

Психологи считают, что потребность есть специфическая (сущностная) сила живых систем в окружающем мире. Потребность в самом общем смысле этого слова – это побуждение субъекта к сохранению и воспроизводству своей жизни предметами потребления. Человеческая потребность есть активное отношение к предмету или средству потребления и воспроизводства человеческой жизни [2]. С приведенными трактовками не расходится указание на то, что потребность – это состояние известной нехватки, которую организм старается восполнить [3].

Анализируя теорию потребностей, можно выделить следующие черты данной категории. Потребности носят объективный характер. Это не исключает наличия у потребностей личности элемента субъективности. Потребности носят общественный характер, так как они отражают сущность общественных отношений, действующих в конкретной стране. Потребностям свойствен закон их возвышения. С развитием производительных сил и производственных отношений, а также общественных отношений надстроечного характера происходит развитие и совершенствование потребностей общества и каждой отдельной личности. Потребность – внутренний источник активности и действия всякого живого организма. Ее специфика состоит в том, что она возникает не только

непосредственно под влиянием физически действующей среды, но также под воздействием социально существующей для человека среды и носит характер отношения.

В человеческих потребностях отражены как предмет потребности, так и обусловленный обществом способ овладения им, способ потребления. Человеческая потребность существует в виде социального по характеру отношения к предметам, и побуждаемое им действие также социально опосредованно. Человеческая потребность – явление естественно-историческое и выражает внутреннюю позицию человека, отношение к предметам и средствам, восстанавливающим физическую и духовную гармонию, характерный для субъекта ритм жизни. Человеческую потребность порождают не только непосредственно происходящие в организме биологические процессы или непосредственные воздействия физической среды (как это имеет место у животных), но и отраженные в сознании и представляемые в нем внешние обстоятельства, рассмотренные в пространстве и во времени. Процесс мотивации того или иного действия может быть порожден потребностью, которую человек в настоящее время непосредственно не удовлетворяет. Мотивацию такого действия возбуждает сама потребность, существующая в виде отношения.

Потребность есть осознанное отношение человека. Потребности опосредованы исторически и определяются общественной практикой. С точки зрения актуальности потребности различаются не тем, в какое время появится возможность их удовлетворения (в прошлом, настоящем, будущем), а той значимостью, которую они приобретают в системе отношений человека. Первой потребностью человека является не просто потребность в существовании, а потребность в человеческом существовании, в исполнении своих социальных функций, потребность в общении.

Классифицировать потребности можно по различным критериям. По субъекту они подразделяются на потребности общества, коллектива, личности [4]. По сфере возникновения – на естественно-биологические, социально-психологические. Или на биологические, социальные, идеальные [5]. По направленности личности на тот или иной объект можно выделить следующие виды потребностей: материальные, духовные, общественные. «Людам присущи также нравственные, эстетические, интеллектуальные, культурные и другие потребности, под влиянием которых преобразуются их естественные потребности, и они, как способ их удовлетворения, приобретают конкретный социальный характер» [6]. Имеются и другие классификации потребностей.

Внешним проявлением потребностей личности являются ее интересы. Интерес – это категория, содержание которой определяется социально-экономическими условиями функционирования общества. Впервые в истории философской мысли понятие «интерес» выведено из объективной деятельности Ф. Энгельсом: «...экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы» [7]. Интерес – это объективно обусловленное, намеренное стремление к освоению ценностей, овладению ими. Это форма отношения личности к окружающему ее миру, субъекта к объекту, форма субъективно-объективных отношений [8].

Действию личности как завершающему звену цепи потребность – интерес предшествует система мотивов. Мотив определяется как обоснование необходимости конкретного действия. Потребности, интересы, мотивы составляют

комплекс субъективных факторов мотивации деяния. Д.А. Кикнадзе считает, что мотив волевого действия – это убеждение субъекта в необходимости того, а не иного действия в данной ситуации. Думается, «убеждение в необходимости» далеко не всегда и не обязательно характеризует мотив. Личность нередко убеждена в одном, но поступает по-другому; знает, что поступить нужно так, но поступает иначе. Например, опросы нарушителей трудовой дисциплины показали, что подавляющее большинство их убеждены в необходимости укрепления трудовой дисциплины и ее соблюдения; большинство считают наложенное на них взыскание справедливым. Однако это не мешало им вопреки своему «убеждению в необходимости» совершать дисциплинарные проступки, поступать вопреки своим убеждениям.

В.Н. Кудрявцев выделяет следующий спектр различных общественных и личных мотивов правомерного поведения: «убежденность в общественной пользе поступка; долг перед обществом, правовая обязанность; профессиональное чувство ответственности; практическая полезность поступка для других; стереотип, привычное поведение; конформизм, подчинение большинству; боязнь юридической или моральной ответственности; личная польза от совершения поступка; эгоистические интересы; негативные моменты (месть, ревность и др.), реализуемые правомерными средствами» [9]. Слабые волевые качества личности, конформизм, личная польза и т.п. могут влечь поступки, противоположные убеждениям личности.

Потребности работника, с одной стороны, аналогичны потребностям личности вообще (биологические, социальные, духовные и т.д.), с другой – имеют специфику, обусловленную ее правовым положением и социальным статусом. Участие личности в несамостоятельном труде, которое является ее главной социальной функцией, определяет в значительной степени систему потребностей личности в целом. Анализируя потребности работника, можно выделить их черты. Они носят объективный характер, так как отражают объективную необходимость воспроизводства рабочей силы. Потребности можно подразделить на необходимые и дополнительные. И те, и другие возникают на объективной основе, но в дополнительных заметную роль играет и субъективный фактор. К числу необходимых потребностей работника относятся такие, которые не могут не сформироваться у личности, занятой общественным трудом. Названные потребности характерны для всех работников. Это потребности в получении материальных благ, необходимых для воспроизводства своей рабочей силы и воспитания детей; в отдыхе и свободном времени; в здоровых и безопасных условиях труда и т.д. Дополнительные потребности не являются необходимым компонентом личности работника. Они могут характеризовать повышенные по сравнению с необходимым уровнем материальные притязания; стремление работника к продвижению по службе, повышению социального статуса и т.д. Потребности работника носят общественный характер прежде всего потому, что отражают сущность способа производства, характер осознанных волевых отношений и реализуются только в рамках общественных отношений. Так, потребности в несамостоятельном труде, материальном обеспечении и т.п. реализуются и существуют в рамках общественно-трудового отношения, отношений по социальному обеспечению и т.д.

Потребности рабочих и служащих носят социальный характер, и те действия, которые ими побуждаются, тоже социальны. Потребности рабочих и

служащих порождаются не только биологическими процессами и физическими воздействиями, но и отражены в сознании представляемыми в нем внешними обстоятельствами. Состояние в трудовом коллективе, участие в трудовой деятельности и т.п. порождают потребности в публичном признании заслуг, награждении, поощрении, продвижении по работе, повышении социального статуса, участии в решении производственных и социальных вопросов функционирования трудового коллектива и др. К числу основных потребностей работника относится потребность в выполнении социальных функций, главной из которых является труд.

Потребность в труде относится к числу главных в системе отношений личности, так как она актуальна не только для работника, но и для работодателя, государства и общества, которые заинтересованы в том, чтобы наемные работники добросовестно трудились, соблюдая трудовую дисциплину, проявляя активность в труде и т.д. Названная потребность возникает, с одной стороны, как «потребность здорового организма», с другой – как потребность в средстве получения социально-экономических благ, необходимых личности. Потребность в труде аккумулирует в себе иные потребности, вытекающие из участия в трудовом правоотношении: в труде по определенной специальности, квалификации или должности; в оплате труда в соответствии с его количеством и качеством; в охране жизни и здоровья; в отдыхе, в свободном времени; в поощрении, продвижении по работе; получении различных социально-экономических благ; участии в управлении делами общества, государства; охране чести и достоинства личности и др.

Потребности личности в труде подразделяются, в зависимости от отношения к ним права, на имеющие правовой характер и неправовые. Правовые потребности работника существуют в рамках прежде всего трудового правоотношения и иных правоотношений, возникающих в сфере применения труда. Правовой характер потребностей личности работника обуславливает общественный способ их удовлетворения, причем также в юридической форме. Характер правовых потребностей личности в силу их социальной обусловленности является динамичным. Набор, содержание и способ их удовлетворения порождаются конкретно-историческими условиями функционирования общества. Правовые потребности личности можно разделить на установленные в праве прямо и косвенно. Прямо в действующем законодательстве закреплены потребности личности в труде, отдыхе и др. Косвенно отражаются в праве потребности в социально-культурном обеспечении, общественной деятельности, жилищно-бытовом обслуживании и т.д. Значительная часть потребностей личности, занятой в общественном труде, не регулируется и не закрепляется в праве. Это могут быть и биологические, и материальные, и социальные потребности. Для таких потребностей характерны: их реальность, которая не может игнорироваться; значительная побудительная роль в формировании поведения работника, нередко более действенная, чем роль правовых потребностей: неюридические потребности находятся рядом с юридическими, они возникают в сфере, которую называют «инфраправо». В силу значимости неюридических потребностей в регулировании и формировании поведения личности в сфере общественного труда, задачей науки трудового права является их исследование и определение соотношения с нормами права, а также учет в нормотворческой и правоприменительной деятельности. В случае противоречия рассматривае-

мых потребностей интересам общества задачей права является их локализация, блокирование. Если они не противоречат названным интересам, но и не стимулируют правовую активность личности, право может игнорировать их. Если они оказывают позитивное воздействие на поведение работников, можно ставить вопрос о восприятии данных потребностей правом, об их развитии и использовании. Воспринимая позитивные потребности, осуществляя борьбу с негативными, трудовое право развивается само и, оказывая обратное воздействие на личность и ее потребности, развивает их.

В сознании личности работника кроме чувств, привычек, традиций существуют две существенно разнородные сферы: знания и отношения. Первой соответствует содержание сознания, второй – внутреннее отношение человека к предметам и явлениям действительности, отраженным в сознании. Отношение также составляет содержание сознания, но в отличие от знания оно выражает внутреннюю позицию человека, активное отношение к предметам и явлениям объективной действительности, в том числе к труду. Потребность в знаниях является и правовой, и неправовой, в зависимости от объекта знания. В соответствии с нормами трудового права, регулируемыми должностные обязанности работника и уровень квалификационных требований к нему (тарифно-квалификационные справочники, должностные инструкции и т.п.), работник обязан иметь определенную сумму профессиональных знаний. Причем применительно к определенным категориям работников к числу указанных знаний могут относиться не только узко специальные, но и знания основ законодательства, научной организации труда, социальной психологии, политики и т.д. В названных пределах потребность конкретного работника в знаниях является правовой. В то же время всестороннее развитие личности предполагает в основе одного из его компонентов получение знаний о литературе, искусстве, политике и т.д. и т.п. В этом смысле потребность работника в получении знаний не является правовой, хотя она признается и поддерживается государством и обществом.

Знание своих прав и обязанностей является необходимым условием их реализации личностью в сфере общественного труда. Оно является серьезным побудительным фактором поведения работников. Однако знание работником своих прав и обязанностей далеко не всегда влечет их должную реализацию. Определяющим здесь является отношение личности к ценностям, закрепленным в них. Право устанавливает необходимый уровень такого отношения, определяя правомерное и противоправное поведение личности в общественном труде, стимулируя правовую активность. Однако в значительной степени потребность личности в трудовой активности регулируется также иными социальными нормами – морали, нравственности – и, следовательно, находится в сфере инфраправа.

Таким образом, воспитание отношения к труду осуществляется как нормами права, включая гражданские, так и иными социальными нормами, а это означает, что последние должны получить глубокое исследование в науке трудового права с точки зрения их регулятивного значения, соотношения с правом и формирующей роли применительно к поведению работника. Усиление взаимосвязи права с другими социальными нормами является одним из важных направлений повышения эффективности нормативного регулирования трудовых отношений. В связи с этим весьма плодотворной представляется мысль В.Н. Кудрявцева о том, что «право – только один из инструментов

регулирования общественных отношений, причем не главный. Оно может выполнить свои функции лишь при тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами – политикой, моралью, общественными традициями» [10].

В механизме правового регулирования нормы права представляют собой основу, исходную юридическую базу регулирования, которая программирует, нормативно направляет поведение работников. Однако право прежде всего устанавливает необходимый, минимальный уровень поведения личности в труде. В меньшей степени оно стимулирует поведение выше среднего уровня, активность, причем именно стимулирует, но не устанавливает, как правило. Поведение личности в труде, более активное, определяется все-таки потребностями, личности. Именно поэтому так велика роль социальных норм в опосредовании результатов труда и отношения к труду работников. В трудовом коллективе потребности, находящиеся вне сферы воздействия права, имеют правовое значение, так как именно они определяют социально-правовую активность – деятельность свыше минимальных требований правомерного поведения.

В современных условиях приватизации общественного производства может показаться, что государство теряет заинтересованность в повышении производительности и эффективности труда наемных работников и только работодатель, непосредственно получающий доход от использования труда наемных работников, заботится о стимулировании их труда. Это не совсем так, потому что государство и общество получают свою часть материального дохода от труда каждого наемного работника в виде налога, взимаемого с работодателя. Кроме того, процветание сообщества работодателей – это важный элемент социальной стабильности и благополучия всего общества и каждого его члена. Таким образом, создание системы стимулирования труда на «микроуровне» (в рамках отдельного предприятия) и на «макроуровне» (в масштабе страны) оправданно и важно.

Право в сфере общественного труда устанавливает минимум активности и стимулирует ее повышение. Максимально активное поведение определяется уровнем развития потребностей личности (желание получить более высокую заработную плату, занять более высокую должность, получить поощрение, повысить социальный статус и т.д.).

Повышение эффективности правового регулирования общественно-трудовых отношений связано с воспитанием, формированием потребностей личности, стимулированием позитивных для работодателей, общества и государства потребностей; борьбой с негативными потребностями, удовлетворение которых противоречит интересам общества и в конечном счете самой личности. В системе потребностей работников первостепенное значение имеет потребность в труде. «Потребность в труде – это трудовая деятельность человека, перешедшая в привычку» [11]. Однако вряд ли можно отрицать существование элементов названной потребности и до начала трудовой деятельности как установки на труд и потребности в труде как средстве удовлетворения материальных и социальных потребностей личности. С точки зрения психологии, воспитание – это овладение способами, средствами и нормами удовлетворения потребностей. Прямое или косвенное закрепление в законодательстве указанных средств в значительной степени определяет роль права в формировании поведения работников. Общеобязательность определенных правил поведения в труде и их юридическая гарантированность способствуют упрочению системы факторов поведения личности и возникновению привычки добросовестного труда.

Как правило, необходимой организационно-правовой формой привлечения рабочих и служащих к труду является трудовой договор, который представляет собой добровольное соглашение сторон. Вступая в трудовое правоотношение, личность делает этот шаг осознанно и, как правило, без принуждения (если не считать такие факторы, как безработица, нужда и т.п.). Какие же потребности определяют ее поведение в данном случае? Это комплекс потребностей: в выполнении определенной социальной роли, в удовлетворении своих материальных и духовных запросов в принятой в обществе форме; в соблюдении правил поведения в обществе, соответствующих морально-этическим идеалам и убеждениям личности; более или менее сформированная потребность в труде и т.д. Думается, что приведенное выше определение, сутью которого является параллель «потребность в труде – привычка», страдает однобокостью и неполнотой. В нем не находит отражения такой важный аспект рассматриваемой потребности, как осознанное желание личности заниматься любимым делом, совершенствоваться в нем, развивать свои профессиональные и личностные качества как способ самоутверждения личности. Изучение личности работников показывает, что для многих из них, особенно занятых творческим трудом, работа составляет основное содержание социальной жизни, служит основным источником удовлетворенности бытием. И потребность в труде для них – это осознанное (а не только привычное) и желаемое явление, нередко затмевающее в значительной степени даже соображения материального порядка.

Утверждение потребности в труде тесно связано с такими факторами, как: развитие личности людей, постоянное повышение уровня деловых и личных качеств работников, профессиональная подготовка к труду, обеспечивающая возможность успешной работы; изменение содержания труда, углубление его свободы, творческого характера, повышение уровня квалификации, ликвидация ручного, тяжелого физического труда; повышение качества профессионального подбора и расстановки кадров с тем, чтобы качества работника наиболее полно соответствовали выполняемой им работе или занимаемой должности; систематическое, целенаправленное трудовое воспитание личности в течение всей жизни, начиная с детского возраста; личная заинтересованность в труде и осознание общественной значимости труда, его роли и значения в обществе.

На основании изложенного выше потребности личности наемного работника можно определить как предусмотренное правом и иными социальными нормами и реализуемое в трудовом правоотношении стремление личности к сохранению и воспроизводству на качественно более высоком уровне своей физической и социальной жизни предметами потребления и другими социальными средствами.

Рассмотрение норм гражданского и трудового права через призму их взаимосвязи с потребностями и интересами наемного работника может быть весьма перспективным направлением исследования проблем повышения эффективности правового регулирования трудовых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 518.
2. Кикнадзе Д.А. Система факторов действия и развитие личности. – Тбилиси, 1982. С. 28.

3. Обуховский К. Психология влечений человека. — М., 1972. С. 68.
4. Сухарев Н.Н. Предпосылки превращения труда в первую жизненную потребность. — Минск, 1984. С. 6.
5. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. — М., 1984. С. 24.
6. Кикнадзе Д.А. Указ. соч. С. 26–27.
7. Энгельс Ф. К жилищному вопросу. — М., 1984. С. 90.
8. Дямакт Л.Н. Интересы коллектива и личности и их соотношение при социализме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1969. С. 8.
9. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. — М. : Наука, 1982. С. 108.
10. Кудрявцев В.Н. Правовая система: пути перестройки // Правда. 1986. 5 декабря.
11. Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории. — М., 1978. С. 89.

ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ В ДОКТРИНЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

*Т.А. Анпакова, Л.А. Ванеева**

Корпоративный контроль, как проблема защиты прав участников хозяйственных обществ, привлек внимание юристов тем, что акции, доли в уставном капитале хозяйственного общества, помимо известной имущественной ценности и имущественных прав за каждую единицу, предоставляют их обладателю дополнительные возможности — воздействовать на волю корпорации и других ее участников: чем больше акций, чем больше количество голосов, тем больше таких возможностей у лица, ими владеющего.

М.И. Кулагин, рассматривая отличительные особенности акционерной компании, отметил, что владение контрольным пакетом акций приводит к возможности безраздельного господства в обществе, к распоряжению капиталами, во много раз превосходящими собственный вклад в основной капитал компании. «Теоретически контрольный пакет акций равен 51%. На практике же бывает достаточно иметь 10-15% капитала, чтобы полностью определять политику корпорации, состав органов управления» [1].

Под корпоративным контролем понимается контроль акционеров, проявляющийся в экономической власти над корпорацией, то есть в возможности навязывать свою волю как самой корпорации, главным образом в лице ее органов, так и прочим акционерам корпорации, не обладающим достаточным влиянием [2].

В качестве примеров можно указать на блокирующие пакеты акций (25%, 50%, 75% голосующих акций от общего количества акций акционер-

* *Анпакова Татьяна Анатольевна* — кандидат юридических наук, судья Пятого апелляционного арбитражного суда Приморского края

Ванеева Людмила Антоновна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток.
E-mail: pravpr@chair.dvfu.ru

ного общества + 1 акция; более 50% голосующих акций от общего числа голосующих акций, принимающих участие в общем собрании акционеров, 100% всех размещенных акций и т.д.), а также голос любого участника в обществе, где определенные решения принимаются всеми участниками единогласно, и пр.

Это, в свою очередь, позволяет признать существование рынка корпоративного контроля, поскольку контроль над корпорацией в таком случае представляет собой самостоятельную имущественную ценность. Рынок корпоративного контроля предполагает возможность передачи контроля над корпорацией, а также существование спроса и предложения на подобный контроль. Можно также предположить существование наряду со стоимостью акций, исчисленной за единицу из всего выпуска, некой дополнительной наценки, отражающей в стоимостном выражении те возможности, которые причитаются на одну акцию (долю) из крупного пакета (крупной доли).

Однако даже если контрольный пакет акций или контрольная доля никому не передается, т.е. внутри корпорации расстановка сил сохраняется неизменной, акции (доли), входящие в контролирующий пакет, будут обладать большей реальной стоимостью, чем отдельная акция, доля, принадлежащая миноритарному акционеру. Это связано с тем, что даже простая принадлежность определенному лицу контрольного пакета акций (доли) позволяет извлекать из такого положения имущественные блага, обычно именуемые в экономической литературе как частные блага контроля (в противоположность общим для всех акционеров благам, заключенным в каждой акции и обрамляющим объем прав, приходящихся на одну акцию).

Отсюда сама по себе возможность экономической власти над хозяйственным обществом, а также множественные возможности предопределять его хозяйственную деятельность — все эти составляющие, если они находятся в руках одного лица или группы связанных между собой лиц, сами по себе обладают имущественной ценностью, поскольку предполагают получение прямо или косвенно того, что дает хозяйственное общество и чего лишены прочие участники общества, не обладающие контрольными полномочиями. В частности, это — возможности избирать директоров и формировать иные органы управления обществом, осуществлять реорганизацию с другим обществом, переключать в пользу иных лиц денежные потоки от деятельности общества, изменять учредительные документы, производить отчуждение всех или значительной части активов общества, совершать иные действия, которые могут привести к значительному изменению прежнего существа общества или прав его участников.

Соответственно, если законодательство гарантирует указанные возможности контролирующим участникам, но при этом не создает механизмов, направленных на обуздание произвола контролирующих участников, то рано или поздно подобные возможности начинают использоваться во вред миноритарным участникам. Таким образом, в самую суть хозяйственного общества заложена возможность конфликта интересов и вытекающая из него необходимость сглаживания этого конфликта посредством специальных приемов, способов [3].

Каким образом можно определить лицо, обладающее корпоративным контролем, в корпорации, выделить его из иных участников, таким контролем не обладающих?

Контроль участников хозяйственного общества всегда соотносится с голосованием: чем большим количеством голосов обладает конкретное лицо, тем большими возможностями, связанными с корпоративным контролем, оно наделяется законодательно. Подобное положение становится возможным, во-первых, за счет голосования, осуществляемого по общему правилу не по принципу «одно лицо – один голос», а исходя из доли голосов, которая отражает долю отдельного участника в уставном капитале общества, а во-вторых, за счет введения в законодательство о хозяйственных обществах принципа большинства при принятии управленческого решения и, соответственно, отказа от типичного для договорного права принципа единогласия.

Если отнести корпоративное право к сфере многосторонних сделок и соответствующих им специфических обязательно-правовых отношений, возникающих из подобных сделок, то что в таком случае представляет собой корпоративный контроль, если подходить к раскрытию его существа с позиций гражданского права?

Возможно, как указывает Д.И.Степанов, ответ на этот вопрос заложен в самой модели многосторонней сделки, лишенной принципа единогласия и совершаемой на основании принципа большинства [2]. Совершение такой сделки – это не просто возможность не учитывать волю меньшинства, когда для совершения сделки достаточно лишь воли большинства, а возможность совершать волевые акты, которые будут точно так же действительными и дозволенными законом сделками, как если бы в иной ситуации (в случае «включения» принципа единогласия) на совершение сделки была выражена воля всех лиц, от имени которых сделка совершается.

В сделках по принципу единогласия волеизъявление возможно не иначе, как путем достижения единогласного консенсуса между всеми лицами, участвующими в их совершении. При этом не важно, в какой момент времени и в какой форме подобный консенсус достигается: лица, совершающие сделку, могут о чем-то договориться предварительно и лишь затем, в момент изъяснения воли и придания ей надлежащей, требуемой законом формы, проявить ее вовне.

Напротив, для многосторонних сделок, совершение которых допускается исходя из принципа большинства, момент достижения, получения или консолидации подобного большинства, как правило, случается еще до самого акта волеизъявления. Подобное большинство может быть достигнуто посредством заключения специальных соглашений, направленных на будущее согласованное волеобразование и волеизъявление (соглашения об осуществлении прав участниками ООО, акционерные соглашения), путем использования специальных правовых механизмов, позволяющих на время исключить конкретное лицо или лиц из процесса волеизъявления (например, принятие судом обеспечительных мер в виде запрета голосовать определенным пакетом акций).

Наконец, такое большинство достигается через аккумуляцию в руках одного лица или группы связанных между собой лиц акций, долей. Как только отмеченное большинство получено, открываются юридически гарантированные возможности для совершения актов волеизъявления, признаваемых действительными сделками. Поэтому достижение определенного, гарантирующего в будущем совершение конкретной сделки большинства и собственно волеизъявление в таком случае, как правило, разнесены во времени.

Кроме того, в сделках, совершаемых в силу принципа единогласия, однажды достигнутое согласие может быть не достигнуто в другой раз, при совершении иного волевого акта, а ранее достигнутое предварительное согласие всех потенциальных участников сделки, не получившее надлежащее выражение вовне, может быть нарушено, т.е. акта волеизъявления возможно не случится.

Совершенно другая ситуация наблюдается применительно к многосторонним сделкам, совершаемым по принципу большинства: если подобное большинство обеспечено через аккумуляцию в одних руках акций, долей, то достижение данной цели открывает в принципе не ограниченные во времени и юридически подкрепленные возможности совершать в будущем акты волеизъявления, как если бы их совершали все потенциальные участники многосторонней сделки.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в отличие от обычного гражданско-правового договора или хозяйственного товарищества, корпорация, в основе которой заложен принцип большинства при принятии решений, ориентирована на максимальный учет интересов тех, кто дает такой корпорации больше средств или способствовал развитию корпорации иным образом. Одновременно с этим в конструкции корпорации заложено игнорирование интересов меньшинства, в связи с чем последующее исполнение правоотношений, а также возможное изменение в будущем ранее согласованных условий, определяющих судьбу корпорации, возможно по велению того самого большинства.

Меньшинство в таком случае не только не может заблокировать принятие конкретного решения, поскольку по общему правилу не наделено правом вето, которое у него есть в обычном договорном образовании, например, в хозяйственном товариществе, в основе которого лежит принцип единогласия, но еще и вынуждено подчиняться велению большинства, в редких случаях получая в виде компенсации право требовать выкупа самой корпорацией или мажоритарным участником принадлежащих несогласному меньшинству акций или долей в уставном капитале.

Как в таком случае следует рассматривать управленческое решение, принимаемое участниками корпорации в связи с ее деятельностью? Очевидно, что это юридический факт, то есть основание для возникновения (изменения, прекращения) того или иного правоотношения в рамках корпорации.

Вероятно, подобный юридический факт следует либо полностью отождествлять со сделками, либо отнести к собственно сделкам лишь единогласно принимаемые решения, а все прочие решения квалифицировать как сделкоподобные юридические факты, поскольку они в таком случае ничем не отличаются от сделок с точки зрения всех основных признаков сделки (акт или действие, правомерное, волевое, изначально нацеленное на достижение правового эффекта, наступление конкретных правовых последствий), однако различны со сделками тем, единогласно (п. 3 ст. 154 ГК РФ) или не единогласно они совершаются [4]. В связи с этим можно, пожалуй, согласиться с Д.И. Степановым, что независимо от того, все или только часть рассматриваемых юридических фактов относить к собственно сделкам, исследование всех без исключения управленческих решений, принимаемых внутри корпорации как единогласно, так и на основании принципа большинства, может быть осуществлено с позиций общего учения о сделке.

Соответственно корпоративный контроль с точки зрения общего учения о сделке — это возможность более или менее влиять на процесс волеобразования и волеизъявления, завершающийся совершением действительной сделки (принятием управленческого решения), по общему правилу построенной по принципу большинства.

При этом такая сделка (управленческое решение) будет признаваться юридически корректно совершенной и действительной, порождающей именно те правовые последствия, которые ожидаются правом, как если бы в ее совершении были задействованы все лица, которые имеют право на участие в процессе волеобразования и волеизъявления, т.е. в данном случае — все участники хозяйственного общества или все члены соответствующего органа хозяйственного общества.

Если бы не принцип большинства, положенный в основу деятельности современных хозяйственных обществ, принятие любого управленческого решения требовало бы осуществлять каждый раз сложный процесс переговоров и согласования воли значительной части, а возможно и всех участников общества.

Нарращивание корпоративного контроля применительно к конкретной корпорации, существующей в рамках определенного правопорядка, задающего те или иные значения для принципа большинства, может происходить поэтапно, соответственно прохождению тех или иных «порогов» корпоративного контроля (например, $S, 2/3, s$ от общего количества акций, долей).

Поэтому корпоративный контроль — это возможности, подкрепленные юридическими гарантиями, которыми начинают обладать отдельные участники корпорации, как только они проходят определенные пороговые значения, указывающие на получение подобного контроля.

Законодательство о хозяйственных обществах содержит пороговые значения лишь в общем виде (через требования, предъявляемые к кворуму общего собрания акционеров, простому или квалифицированному большинству голосов акционеров или участников общего собрания участников ООО). Те или иные конкретные пороговые значения применительно к отдельным обществам могут существенно различаться, учитывая, что неконтрольные пакеты акций или неконтрольные доли в одних ситуациях могут превращаться — хотя бы для целей принятия единичного решения или проведения одного собрания участников — в контрольные пакеты или доли, и наоборот. Так, в случае с принятием решений об одобрении сделок, в совершении которых заинтересован контрольный акционер или участник, корпоративный контроль локализуется в пакетах акций или долях миноритарных участников, не заинтересованных в совершении подобных сделок, а в случае принятия судом обеспечительных мер, устанавливающих запрет определенным акционерам или участникам голосовать по определенным вопросам повестки дня общего собрания акционеров или участников, корпоративный контроль соответственно оказывается в «руках» иных акционеров, участников, в отношении которых не приняты обеспечительные меры.

Аналогичная ситуация с перераспределением корпоративного контроля от одних акционеров в пользу других наблюдается в случае проведения общего собрания акционеров, где допускается пониженный в сравнении с обычным (более 50%) кворум для проведения общего собрания акционеров, который устанавливается на уровне не ниже 30% от общего числа голосующих акций:

в таком случае контрольным может оказаться пакет, незначительно превышающий 15% от общего количества ранее размещенных голосующих акций.

Д.И. Степановым на основе проведенных им же исследований сформулировано общее правило, отражающее зависимость между корпоративным контролем и кворумом (уровнем распыленности акционерного капитала): чем меньше кворум (чем выше уровень распыленности акционерного капитала между отдельными акционерами), тем меньший (в абсолютном выражении) пакет необходим для того, чтобы реально обладать значительным корпоративным контролем, и наоборот: чем выше кворум, чем более концентрирована корпоративная собственность, тем больший пакет необходим для реального контроля над корпорацией.

Обычно при полной (или близкой к таковой) явке акционеров на собрание или при высокой концентрации акционерного капитала числовые показатели, отражающие принадлежащие конкретным лицам пакеты акций, приближаются к нормативным значениям, т.е. к тем значениям, которые по закону необходимы для принятия управленческих решений при максимально возможном кворуме [2, с. 178–179].

Вместе с тем установить вполне определенные признаки лица, обладающего корпоративным контролем, применительно к конкретной корпорации в тот или иной период времени, на наш взгляд, затруднительно. Поскольку помимо нормативной составляющей, задающей пороги корпоративного контроля, последний применительно к конкретной корпорации имеет также и фактическую составляющую – каким образом до, в ходе нарушения прав и после него распределялись силы внутри корпорации между противостоящими группами участников этих отношений, возникает вопрос: возможно ли, а главное, целесообразно ли с точки зрения эффективности защиты прав участников хозяйственных обществ включать указанные обстоятельства в круг обстоятельств, подлежащих установлению при рассмотрении судом конкретного корпоративного спора?

Очевидно, что судам, рассматривающим подобные споры, надлежит с учетом затронутых выше вопросов выяснять, обладало то или иное лицо какими-либо контрольными полномочиями, в чем они проявились, как и когда были утрачены, к кому перешли, как вновь возникшие контролирующие акционеры (участники) их реализовали впоследствии, соответственно, какие способы защиты пострадавших лиц могут быть применены.

Отмеченное позволяет сделать вывод о том, что участник, обладающий незначительным количеством акций, долей в уставном капитале общества и в общем количестве голосов, формально обладая тем же объемом прав, что и участник, владеющий контрольным пакетом, в реальности имеет права, реализация которых не приводит к желаемому результату, и фактически не имеет возможности повлиять на принятие какого-либо управленческого решения. Принадлежность определенному участнику общества контрольного пакета акций (доли) позволяет извлекать из такого положения дополнительные имущественные блага. Соответственно, накопление определенного *количества* акций (долей) приводит к определенному *качеству*, выраженному в праве контроля над хозяйственным обществом.

Если отнести корпоративное право к сфере многосторонних сделок, корпоративный контроль можно рассматривать как подкрепленную юридическими

гарантиями возможность участников корпорации в большей или меньшей степени влиять на процесс волеобразования и волеизъявления, завершающийся совершением действительной сделки (принятием управленческого решения), по общему правилу построенной по принципу большинства, извлекая из подобного положения дополнительные имущественные блага.

Указанной возможностью влияния (правом контроля) начинают обладать отдельные участники корпорации, как только они проходят определенные пороговые значения, указывающие на получение подобного контроля. Конкретные пороговые значения применительно к отдельным обществам в разные периоды времени могут существенно различаться.

Таким образом, процесс концентрации корпоративного контроля приводит к изменению реального объема прав участников хозяйственных обществ и требует установления в законодательстве способов защиты этих прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. – М., 1987. С. 42.
2. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. – 2009. № 3. Том 9. – С. 156.
3. Филиппова С.Ю. Корпорация как способ организации предпринимательской деятельности // Российский судья. 2009. № 7. С. 7–12.
4. Степанов Д.И. Устав как форма сделки // Вестник ВАС РФ. 2009. Т. 9. № 1. С. 6–37.

МЕСТО И РОЛЬ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

*В.Н. Шмаков, Н.Н. Дерюга**

Одним из основных принципов гражданского права выступает принцип свободы договора (ст. 8 Конституции РФ, ст.ст. 1, 42 ГК РФ), провозгласивший свободу экономической деятельности. Содержание принципа свободы договора вбирает в себя следующие элементы:

- право субъекта принимать решение: следует ли ему заключать договор либо нет;
- право выбора контрагента по договору;
- право определять содержание договора (условия договора);
- право на заключение смешанного договора, вбирающего в себя элементы различных по правовой природе договоров;
- регулирование взаимоотношений участников на основе преимущественно диспозитивных норм, которые действуют в том случае, когда иное не предусмотрено законом или соглашением сторон.

* *Шмаков Виктор Николаевич* – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного института МВД России, г. Хабаровск. E-mail: dvui@mail.redcom.ru

Дерюга Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Хабаровской государственной академии экономики и права.

Однако следует отметить, что свобода договора не может носить абсолютный характер, ибо, пребывая в обществе, субъекты не должны нарушать свободу других членов общества. Как писал Руссо, человек отчуждает свою свободу за благо жить в обществе. Неукоснительная свобода договора может привести к злоупотреблениям правами, что, в конечном счете, способно негативно отразиться на реализации принципа справедливости в российском праве. С другой стороны, государственное вмешательство в частные отношения также не может носить дискриминационного характера. Ограниченность подобного вмешательства определяется необходимостью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 2 ст. 1 ГК РФ).

Одним из институтов, регламентирующих границы свободы договора в целях защиты прав и законных интересов других лиц, является институт преимущественного права на заключение договора. Одним из первых, кто высказался за выделение преимущественных прав в отдельную группу, был В.П. Грибанов. В его понимании, «под преимущественными правами в советском гражданском праве понимают такие случаи, когда при прочих равных условиях преимущество предоставлено законом определенной группе лиц, обладающих какими-то особыми признаками». Однако полного взаимопонимания по поводу соответствия «преимущественных прав» действующему гражданскому законодательству среди ученых нет.

Традиционно сложилось так, что среди преимущественных прав, существующих в настоящее время, ранее называлось преимущественное право покупки доли в праве общей собственности, а также залоговое право залогодержателя. Право преимущественной покупки доли в праве общей долевой собственности предусмотрено в ст. 250 ГК РФ. Анализ ее содержательной части показывает, что она по-новому трактует некоторые правила, связанные с реализацией института преимущественной покупки. Прежнее законодательство (ст. 120 ГК РСФСР 1964 г.) исходило из того, что реализация права преимущественной покупки допускалась во всех случаях, кроме продажи доли на публичных торгах. Это означало, что если участник общей долевой собственности не пожелает продать свою долю сосособственникам (что встречается на практике повсеместно), в его власти организовать публичные торги и тем самым лишить сосособственников права на преимущественную покупку.

Нововведением действующего законодательства является то, что публичные торги для продажи доли в праве общей собственности при отсутствии согласия сосособственников могут проводиться только в случаях, предусмотренных законом. Такие случаи будут иметь место, если проведение публичных торгов организуется в порядке исполнения решения суда (ст. 255 ГК РФ) или происходит реализация заложенного имущества. Следовательно, действующее законодательство существенно укрепило правовой статус сосособственников как потенциальных участников права преимущественной покупки. Тем не менее правоприменительный опыт знает несколько возможностей (континуум) продажи своей доли в обход действующего законодательства. Такая продажа может быть совершена при использовании притворной сделки, когда под видом дарения (где право преимущественной покупки не действует) фактически совершается акт купли-продажи. Установить такой факт чрезвычайно сложно, так как участники притворной сделки действуют умышленно и крайне заинтересованы

в том, чтобы истинная правовая природа сделки оставалась недоступной для третьих лиц.

Другой пример. При продаже своей доли участник общей долевой собственности предлагает сособственникам крайне невыгодные условия договора купли-продажи, чем неизменно отвергает их от покупки доли в силу ее явной экономической нецелесообразности. Освободившись от данного обременения, продавец вступает в договор купли-продажи своей доли с третьим лицом на условиях, предложенных ранее сособственникам. Однако при этом они оговаривают ее реальную цену, по которой она фактически и будет продана. Естественно, что обе стороны договора купли-продажи примут все необходимые меры по недопущению раскрытия информации, связанной с совершением оспоримой сделки. Потенциальная опасность раскрытия истинной информации по содержанию купли-продажи доли в праве общей собственности состоит в том, что любой из сособственников может потребовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя (п. 3 ст. 250 ГК РФ) и признания судом совершенной сделки недействительной.

Как быть, если на письменное предложение продавца купить его долю сособственники ответили молчанием? При этом следует отметить, что в гражданском праве молчанию контрагента может придаваться разное значение (да либо нет). По какой поведенческой модели следует признавать молчание акцептанта (сособственника). По мнению авторов, это означает отказ от покупки доли.

Еще одна проблема может вызвать трудности в правоприменительной практике при реализации института преимущественной покупки доли в праве общей собственности. Презюмируется, что письменное извещение сособственников о покупке доли должно быть одновременным. Однако зачастую это сделать невозможно. Например, сособственники могут находиться на почтительном отдалении друг от друга, что неизменно может сказаться на скорости доведения письменной информации о покупке доли. С учетом того, что право на преимущественную покупку закрепляется за сособственником, первым давшим согласие на покупку доли (приоритет первенства), остальные участники общей долевой собственности окажутся ущемленными в своих правах.

На взгляд авторов, установление преимущественного права покупки доли в праве общей долевой собственности является оправданной мерой. Известно, что управление единым объектом несколькими сособственниками сопряжено с немалыми трудностями, зачастую ведущими к конфликтным состояниям. С помощью последовательной реализации института права преимущественной покупки доли количество сособственников постепенно сокращается и может быть доведено до одного собственника, что напрочь устраняет проблемы, связанные с содержанием вещи.

Отдельные положения о преимущественном праве на заключение договора встречаются в Гражданском кодексе Российской Федерации. В соответствии со ст. 621 ГК РФ преимущественное право на заключение договора аренды (его пролонгацию) на новый срок принадлежит арендатору, при условии надлежащего исполнения им своих обязанностей перед арендодателем. При этом арендатор обязан письменно уведомить арендодателя о своем желании заключить договор в срок, указанный в договоре аренды, а если такой срок в договоре не определен, то в разумный срок до окончания действия договора.

Подобное преимущественное право на возобновление договора проката, как разновидности договора аренды, не применяется. Более того, предельный срок договора проката не может превышать один год. Подобное ограничение видится более чем странным.

Впервые подобные ограничения по бытовому прокату были закреплены в ГК РСФСР 1964 г. (гл. 27). В тот период это объяснялось тем, что вещи повседневного спроса (телевизоры, холодильники, стиральные машины, печатные машинки и пр.) были в сильном дефиците. Пользование такими вещами без ограничения времени для одного лица ущемляло бы интересы других потенциальных потребителей. В настоящее время проблемы дефицита вещей нет. Поэтому предлагается п. 1 и п. 2 ст. 627 ГК РФ упразднить и на данный договор распространить правила о преимущественном праве на заключение договора (по правилам обычного договора аренды).

В соответствии с п. 2 ст. 93 ГК РФ участники общества пользуются преимущественным правом покупки доли или части доли участника общества по цене предложения третьему лицу пропорционально размерам своих долей, если уставом общества или соглашением участников не предусмотрен иной порядок осуществления данного права (п. 4 ст. 21 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Уставом общества может быть предусмотрено преимущественное право общества на приобретение доли (части доли), продаваемой его участником, если другие участники общества не использовали свое преимущественное право покупки доли (части доли). Уставом общества определяется порядок продажи доли (части доли). Правом преимущественной покупки акций обладают акционеры закрытого акционерного общества (п. 2 ст. 97 ГК). Особенности реализации права преимущественной покупки акций (других ценных бумаг) устанавливаются императивными предписаниями. Преимущественное право на приобретение акций может быть возложено на само закрытое акционерное общество при наличии следующих условий: а) если акционеры не реализовали свое преимущественное право на приобретение акций; б) если это право предусмотрено уставом общества.

Возникает ли преимущественное право у акционеров на приобретение акций в случае отчуждения акционером акций по договору мены? Представляется, что эта проблема должна быть решена по аналогии с институтом преимущественной покупки доли в праве общей долевой собственности. Уставом открытого акционерного общества может быть предусмотрено право преимущественной покупки акционером акций и ценных бумаг в случае их конвертации в голосующие акции. В соответствии со ст. 684 ГК РФ по истечении срока договора найма жилого помещения (коммерческого найма) наниматель имеет преимущественное право на заключение договора найма жилого помещения на новый срок.

Не позднее, чем за три месяца до истечения срока договора найма жилого помещения, наймодатель должен предложить нанимателю заключить договор на тех же или иных условиях либо предупредить нанимателя об отказе от пролонгации договора в связи с решением не сдавать в течение не менее года жилое помещение внаем. Следовательно, если договор найма жилого помещения заключен на срок менее года, преимущественное право на заключение договора на новый срок упраздняется.

Какие последствия вызовет молчание наймодателя (когда он не отреагировал на требования действующего законодательства)? Представляется, что в этом случае наймодатель выразил желание (согласие) на заключение договора на новый срок и на тех же условиях.

В наследственном праве раздел наследства между наследниками может быть существенно осложнен, если в его составе имеется неделимая вещь. В ст. 1168 ГК РФ определен круг лиц, имеющих преимущественное право на неделимую вещь при разделе наследства.

ГК РФ выделяет три правовые ситуации, при наступлении которых один из наследников приобретает преимущественное право на неделимую вещь. Согласно п. 1 ст. 1168 ГК РФ наследник, обладавший совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, имеет при разделе наследства преимущественное право на данную вещь, преимущественно перед другими наследниками. Данное правило носит абсолютный характер. Положение не изменится, даже если его доля в праве общей собственности будет ничтожно мала. По мнению авторов, в этом случае интересы других наследников будут ущемлены.

Как быть, если несколько наследников обладали правом общей собственности с наследодателем и при этом их доли были неравными? Представляется, что в этом случае преимущественное право должно быть закреплено за наследником, имеющим наибольшую долю в общем имуществе.

Какова судьба неделимой вещи при ее разделе несколькими наследниками, имеющими на нее равные доли? Думается, что институт преимущественного права в этой ситуации не может быть реализован.

К другой группе относится наследник, который, не являясь сособственником неделимой вещи, постоянно пользовался ею при жизни наследодателя. Однако, если данная вещь находилась в общей собственности наследодателя и его наследников, приоритет на получение вещи при ее разделе имеют наследники, участники права общей собственности.

Специальное право установлено для раздела жилого помещения, которое не может быть разделено в натуре. Преимущественное право на получение жилого помещения в счет своей наследственной доли закрепляется за наследниками, которые проживали в этом жилом помещении ко дню открытия наследства и которые не имели другого жилого помещения. Анализ действующего законодательства показывает, что срок проживания наследника в данном жилом помещении не имеет юридического значения. Например, если наследник оформил свои жилищные права за день до смерти наследодателя, он сохраняет преимущественное право на получение жилья. Допустимо положение, при котором наследник вселился в жилище в судебном порядке против воли наследодателя. Такая ситуация вряд ли кажется оправданной. По мнению авторов, следует установить срок проживания наследника, по истечении которого он вправе претендовать на преимущественное право на жилище. Длительность такого срока должна составлять не менее одного года.

Особую часть наследства составляют предметы домашней обстановки и обихода. Согласно закону (ст. 1169 ГК РФ) наследники, проживающие на день открытия наследства совместно с наследодателем, имеют преимущественное право на получение этих предметов в счет своей наследственной доли при разделе наследства. Как и в отношении жилища, конкретный срок совмест-

ного проживания наследника и наследодателя не установлен. Полагаем, что возникновение преимущественного права на предметы домашней обстановки и обихода должно основываться на правилах преимущественного права на жилище, предложенных авторами.

Таким образом, институт преимущественного права в российском законодательстве в целом отвечает идеям справедливого права. Внесенные предложения по совершенствованию института преимущественного права, на наш взгляд, способны более качественно гармонизировать его отдельные положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. Осуществление и защита гражданских прав. – М. : Юрист, 2000. С. 294–295.
2. Халфина Р.О. Современный рынок: правила игры. – М., 1993. С. 65.

ИЗМЕНЕНИЯ В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РФ: ДЕНЬГИ И БАНКОВСКИЕ СДЕЛКИ

*К.Т. Трофимов, В.И. Курилов**

Предложенные поправки к нормам Гражданского Кодекса РФ, регулирующим правовой статус денег и банковские сделки, представляют собой определенный шаг вперед на пути сближения правового регулирования и экономической природы денег и банков. Изменения, в частности, коснулись договора банковского вклада, банковского счета, расчетов; появились специальные нормы о потребительском кредите, о договоре условного депонирования (эскроу), положения, конкретизирующие ответственность банка за неисполнение или ненадлежащее исполнение платежного поручения, и др.

Регулирование денег как объекта гражданских прав оставалось практически неизменным со времен свода Законов Российской Империи. Ст. 402 тома X свода Законов Российской Империи гласила: «Наличные капиталы, заемные письма, вексели, закладные и обязательства всякого рода принадлежат к имуществам движимым». Ст. 416 определяла, что «Наличное имущество владельца составляют: земли, дома, капиталы, вещи...» [1].

Ст. 54 ГК РСФСР 1922 г. к предметам частной собственности относил строения, предприятия, орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотую и серебряную монету и иностранную валюту, предметы домашнего обихода и другое имущество. ГК РСФСР 1964 г. относил банки, наряду с землей, недрами и т.п. к государственной собственности (ст. 95), а «трудовые сбережения», наряду с предметами обихода, личного потребления, удобства, к личной собственности граждан (ст. 105).

Часть I ГК РФ, принятого в 1994 г., продолжила материалистическую традицию понимания денег. Статья 128 действующего ГК РФ к объектам

* *Трофимов Кирилл Тимофеевич* – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток.

Курилов Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, директор Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: law_institute@dvfu.ru

гражданских прав относит «вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага».

За прошедший век была разрушена Российская Империя, был создан и разрушен Советский Союз, экономика новой России если не по существу, то по названию стала рыночной. Изменения в природе денег были не менее драматичными: был отменен золотой стандарт, появились безналичные (электронные) деньги и кредитные карты.

Понимание же природы денег большинством российских юристов осталось практически неизменным. Дореволюционные ученые (Д.И. Мейер, Г.Ф. Шершеневич и др.) разделяли звонкую монету (серебряную или золотую) и бумажные деньги (кредитные билеты), отмечая, что бумажные деньги приобретают ценность, которая им совершенно чужда, как вещам. При этом монета понималась как объект права собственности, а бумажные деньги как обязательство. Такая классификация была оправдана для того времени, когда золотые и серебряные монеты имели, хотя и дисконтированную, но все же определенную стоимость драгоценного металла, из которого они были изготовлены, а бумажные деньги содержали в себе обязательство банка обменять их на монету.

Согласно наиболее популярной современной российской теории правовой природы денег, когда и монета, и бумажные деньги утратили какую-либо самостоятельную ценность как вещи, «обязательственная» составляющая денег из области бумажных денег переместилась в область денег электронных. В соответствии с теорией «права требования» (В.В. Витрянский, Л.А. Новоселова и другие) [2], наличные деньги, попав в банковскую систему, перестают быть объектом права собственности и превращаются в «право требования»; при безналичных расчетах никакой передачи денег не происходит, а в качестве средства платежа используется имущество в форме права на деньги.

Попытки предложить понимание правовой природы денег, соответствующее их экономической природе, на протяжении ряда лет не встречали особого понимания [3]. Можно только приветствовать новую редакцию ст. 128 ГК РФ, которая гласит: «К объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе **безналичные денежные средства**, бездокументарные ценные бумаги, ... охраняемые результаты интеллектуальной деятельности...; нематериальные блага». Таким образом, безналичные деньги получили правовой режим, аналогичный правовому режиму наличных денег.

Использование законодателем наряду со словом «деньги» словосочетания «денежные средства» хотя и носит чисто филологический [4], а не юридический характер, может дать почву для появления новых теорий двух видов денег: наличных денег и безналичных денежных средств. Безналичные деньги, как и наличные деньги, являются равноправной **формой** существования денег; поэтому и с точки зрения природы денег, и законодательной техники, термины «деньги в безналичной форме» или просто «безналичные деньги» являются более корректными, чем «безналичные денежные средства».

Рассматривая правовую природу денег и банковских сделок, необходимо учитывать, во-первых, их реальную, экономическую природу и, во-вторых,

сложившееся понимание их правовой природы юристами других стран. Первое необходимо для того, чтобы правовое регулирование не вступало в противоречие с самой природой денег. Деньги появились задолго до того, как государство начало придавать им силу законного платежного средства. Поэтому, учитывая обусловленность права фактическими отношениями, а также целями и задачами, преследуемыми при осуществлении правового регулирования, при рассмотрении вопроса правовой природы денег необходимо исходить не из догм и традиций, а из самой природы денег и выполняемых ими функций. А. Лунц отмечал, что раскрытие общего юридического понятия денег возможно лишь путем анализа той функции, которую деньги исполняют в хозяйственной жизни. Экономическое понятие денег всегда остается источником восполнения пробелов юридического определения [5].

Современное понимание экономистами денег не только как банкнот и монет, но и как безналичных денег (средств на счетах в банках) появилось только в 40-е годы прошлого века, и сейчас единство функций наличных и безналичных денег, их существование в различных формах – физической (наличные) и кредитной (счета в банках) не вызывает сомнения. Если же говорить не только о науке, а о жизненных реалиях, то очевидно, что транзакционные банковские депозиты заменили наличные деньги в роли наиболее важных денег для совершения сделок, а доля «невидимых» (электронных) денег в гражданском обороте неуклонно растет.

Деньгами является все, что признается в качестве денег. Между налично-денежным и безналичным оборотом существует тесная взаимозависимость. Обращение безналичных и наличных денег в совокупности образует единый денежный оборот страны. С помощью безналичных денег в странах с развитой финансовой системой совершается около 95% сделок, в России – около 75%, что обусловлено общей экономической и политической ситуацией, недоверием к банковской системе, несовершенством банковских технологий и т.д.

С точки зрения экономической науки деньгами является всё, что используется в качестве денег; с точки зрения права – то, что в качестве денег прямо указано в законе. Деньги не имеют собственной потребительной стоимости, а являются лишь мерой стоимости других вещей. Использование денег происходит лишь в отношениях их обмена на что-либо.

С точки зрения права совершенно безразличны физические характеристики денег (бумажные, электронные или металлические, медные или золотые). Содержание права собственности (объем правомочий собственника) не зависит от физических характеристик вещи. Объектом гражданского правоотношения являются деньги как явления объективной действительности, вне зависимости от формы их существования (наличной или безналичной).

Когда мы говорим про деньги как объект права, необходимо учитывать условность категории «объект права»: правовой режим устанавливается не для вещей, а для связанного с ними поведения людей. Признание вещей объектами гражданских прав является фикцией, обусловленной необходимостью простоты и ясности правового регулирования хозяйственного оборота. Неразрывность связи поведения людей в отношении вещей с самими вещами обусловила возможность упрощения на уровне закона, выразившегося в признании объектом гражданского права вещи, а не права на вещь.

Использование сравнительно-правового метода особенно ценно в отношении анализа правовой природы денег, т.к. глобализация достигла наибольшего прогресса именно в финансовой сфере и термин «мировые деньги», утрачивая связь с определенной национальной валютой (долл. США), уже стал не только общеупотребительным термином, но и экономической реальностью. Деньги, финансы, коммерция интернациональны по своей природе.

В праве зарубежных стран (США, Великобритания и др.) безналичные деньги (счета в банках, банковские карты, электронные деньги) понимаются как одна из форм денег. Клиент банка является собственником средств, а перевод денег есть передача собственности от одного клиента банка другому.

Black's Law Dictionary определяет деньги как: 1) монеты и банкноты, 2) активы, которые могут быть легко конвертированы в наличные, «депозиты по требованию», 3) капитал, который инвестируется или торгуется как товар, 4) фонды, суммы денег [6].

В зарубежной юридической науке электронные деньги понимаются как одна из форм денег. M.R. Shuster на вопрос, кому принадлежат деньги, находящиеся на счете, банку или клиенту, дает однозначный и категоричный ответ – клиенту [7].

Закрепление в новой редакции ГК РФ безналичных денег в качестве объекта права собственности нашло свое логическое продолжение в ст. 807 ГК РФ, регуливающей договор займа: «по договору займа одна сторона (заимодавец) передает или обязуется **передать в собственность** другой стороне (заёмщику) наличные деньги или **безналичные денежные средства** либо определенные родовыми признаками вещи...». К сожалению, без изменений остался п. 2 ст. 845 ГК РФ «Договор банковского счета»: **«Банк может использовать имеющиеся на счете денежные средства, гарантируя право клиента беспрепятственно распоряжаться этими средствами».**

Подобная формулировка абсурдна как с точки зрения права, так и экономики.

Если безналичные деньги являются собственностью клиента банка (а они ею являются), то, согласно ст. 845 ГК РФ, с точки зрения и права собственности, и договорного права, возникает ситуация, когда в отношении одного объекта права существуют взаимоисключающие права с неопределенной иерархией. «Использование» денег клиента банком возможно только путем передачи этих денег третьим лицам (выдача кредита, расчеты и т.п.). «Беспрепятственное распоряжение» этими же деньгами со стороны клиента (использование их для расчетов или получение наличных со счета, например) полностью исключает использование **этих же самых денег** банком.

Размещение банком привлеченных средств «от своего имени и за свой счет» – кредитование – (п. 2 ст. 5 ФЗ No. 395-1 от 2 декабря 1990 г. О банках и банковской деятельности), как основная форма «использования» клиентских денег, не означает возникновения у банка права собственности или иных производных прав на безналичные деньги, находящиеся на счете клиента. Участие в хозяйственном обороте «чужими» средствами от своего имени вытекает из особенностей экономической природы банков как финансовых посредников и создателей денег. Конечно, для юристов термин «мультипликатор депозитов» может звучать непривычно; но вне зависимости от того, как к этому относятся

отдельные представители юридической науки, мультипликация депозитов и безналичные деньги существуют в реальной жизни.

Клиент банка имеет право собственности на наличные и безналичные деньги и может утратить это право только по основаниям, предусмотренным действующим законодательством (исполнение договора, решение суда и т.п.). Заключая договор банковского счета, клиент не имеет целью отказ от права собственности на деньги или предоставление банку права пользования этими деньгами. Возможность «использования» банком безналичных денег, находящихся на счетах, вытекает не из договора банковского счета, а из экономической природы банков и т.н. «мультипликатора депозитов» [8].

Реальность полномочий собственника в отношении денег на счете особенно наглядно проявляется при использовании банковских карт или компьютерного управления счетом. Клиент осуществляет распоряжение счетом, в т.ч. получение наличных, практически в любой точке земного шара, включая и время, когда банк, где открыт его счет, не работает.

С точки зрения как природы банков и денег, так и последовательности в признании права собственности на безналичные деньги, п. 2 ст. 845 ГК РФ может звучать так: «Клиент банка имеет право распоряжаться принадлежащими ему на праве собственности безналичными деньгами, учитываемыми на его счете в банке, без ограничений, за исключением случаев, предусмотренных законом».

«Право» банка «использовать» денежные средства клиентов лучше оставить за пределами ГК, т.к. это «право», во-первых, возникает не в силу гражданского или любого другого права, а в силу экономической природы денег и банков, и существует вне зависимости от того, нравится ли это отдельным представителям российской юридической науки или нет. Во-вторых, это «право» не вытекает непосредственно из договора банковского счета и, как вид банковской деятельности, должно регулироваться нормами банковского права (законом «О банках и банковской деятельности», например).

Гл. 45 ГК РФ будет дополнена § 8 «Карточный счет», что можно только приветствовать, т.к. на протяжении почти 20 лет эта форма счета и расчетов оставалась без регулирования на уровне закона.

Статья 860.37 содержит норму, согласно которой к договорам, заключаемым между банком и держателем платежной карты или иного платежного средства, позволяющего осуществлять банковские операции без использования банковского счета, правила гл. 45 настоящего Кодекса применяются, если иное не предусмотрено законом, банковскими правилами, договором или не вытекает из существа отношений. Наличие этой нормы позволяет предположить, что правовой режим денег на карточном счете с точки зрения ГК РФ не отличается от режима денег на обычном банковском счете, т.е. деньги принадлежат владельцу карты на праве собственности.

Однако ст. 860.34 предусматривает, что право клиента на распоряжение денежными средствами, находящимися на счете, **может быть ограничено банком в случаях и в пределах, предусмотренных законом или договором**; в то время как согласно п. 2 ст. 845 **банк гарантирует право клиента беспрепятственно распоряжаться этими средствами**.

Дифференциация объема права собственности в зависимости от вида банковского счета (т.е. бухгалтерской фикции) при неизменной природе без-

наличных денег представляется не слишком удачной идеей. Если авторы проекта имели в виду, что, например, выдача наличных или предоставление кредита по карте могут быть ограничены договором, то это не ограничение права распоряжаться деньгами на счете, а вопрос, сколько денег (не важно, собственных или заемных) на этом счете есть. Владелец банковского счета может «беспрепятственно распоряжаться» деньгами тоже только в пределах их наличия (остатка на счете).

Не слишком удачной и морально устаревшей представляется и формулировка ст. 860.32, согласно которой «платежная карта, позволяющая совершать операции в кредит, **может быть передана клиенту или его представителю только в банке**, за исключением случаев ее замены, в том числе в связи с истечением срока действия».

Особенности работы национальной почты и возможные технические проблемы не могут служить основанием для законодательного вмешательства в вопросы операционного менеджмента банков. Банки вполне способны оценивать операционные риски самостоятельно и конкурировать за клиента в том числе удобством сервиса. В развитых странах заполнение заявления на выдачу карты онлайн и получение ее по почте с последующей авторизацией по телефону является обычной практикой.

В качестве заключения хочется еще раз отметить, что принятие предложенных изменений в ГК РФ при поддержке адекватных юридических исследований позволит сблизить российское право как с современной экономической природой этих явлений, так и со сложившимся их пониманием в мировой юридической науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свод Законов Российской Империи. Классика российского права. <http://civil.consultant.ru/code/>
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая. В 2-х т. — М. : Статут, 2006; Витрянский В.В. Договор доверительного управления имуществом. — М. : Статут, 2001; Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам. — М., 2003.
3. Трофимов К.Т. Безналичные деньги. Есть ли они в природе? // Хозяйство и право. — 1997. — № 3; Трофимов К.Т. Деньги как объект гражданских прав и предмет банковских сделок // Правоведение. Известия высших учебных заведений. — 2004. — № 1.
4. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова определяет деньги как 1) металлические и бумажные знаки; 2) капитал, средства. См.: <http://www.ozhegov.org/words/6893.shtml>
5. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. — М. : Статут, 1999.
6. Black's Law Dictionary. — 17th Edition. — West Group, St. Paul, Minn, 2000.
7. Shuster M.R. The Public International Law of Money. — Oxford, 1973.
8. Долан Э.Дж. и др. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / пер. с англ. В. Лукашевича и др. — М., 1996; Миллер Р.Л., Дэвид Д. Ван-Хуз. Современные деньги и банковское дело. — М. : ИНФРА-М, 2000.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ МЕХАНИЗМА ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЭНЕРГОСОТРУДНИЧЕСТВА

*В.В. Гаврилов, Е.В. Волкова**

Анализ механизма частнопрового регулирования энергосотрудничества (МЧПРЭ) с правовой точки зрения невозможен без обращения к основам теории права и к особенностям современного состояния развития сотрудничества в энергетической сфере. К числу последних, в частности, может быть отнесено изменение субъектного состава отношений, возникающих в данной области. Если раньше международное энергосотрудничество осуществлялось преимущественно на уровне публичных субъектов, главным образом государств, то в настоящее время в его рамках преобладают отношения, опосредуемые частными субъектами. Как результат, отношения типа «государство – государство» постепенно уступают место отношениям международного немеждоударственного невластного характера [1, с.18].

Изменение субъектного состава повлекло за собой трансформацию самого механизма правового регулирования отношений в сфере энергосотрудничества, поскольку, как справедливо отмечает В.Р. Шарифуллин, отношения, которые подвержены правовому регулированию, объективно определяют тип и механизм такого правового регулирования [2]. Поэтому, хотя категория «механизм правового регулирования» не является самостоятельным предметом анализа в рамках настоящей статьи, мы не можем не остановиться в ее рамках на кратком освещении ее понятия, структуры и характерных признаков, что позволит создать более четкое представление о специфических чертах МЧПРЭ.

В зависимости от состава элементов и их функциональной взаимосвязи в теории права выделяется несколько концептуальных подходов к понятию механизма правового регулирования (МПР) и его структуре. Основной из них, который можно назвать «классическим», связан с именем С.С. Алексеева, который под МПР определял взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения [3]. При этом к элементам он относил юридические нормы, субъективные права и обязанности, акты реализации прав и обязанностей, акты применения, а также правосознание и правовую культуру. Последние два элемента механизма, по его мнению, примыкают к первым, поэтому не нуждаются в специальном рассмотрении.

Подобное представление о МПР с незначительными отличиями в понимании его предназначения демонстрируют и многие другие исследователи. В.Н. Хропанюк, например, представляет его как систему правовых средств, с помощью которых осуществляется упорядоченность общественных отношений в соответствии с целями и задачами правового государства [4]. По А.В. Малько, целью МПР является обеспечение беспрепятственного движения интересов субъектов к ценностям, в силу чего механизм являет собой систему правовых

* *Гаврилов Вячеслав Вячеславович* – доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: jurint@deans.dvfu.ru

Волкова Елена Викторовна – аспирантка Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток.

средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права [5].

Следующий подход к понятию МПР условно можно назвать «расширенным» по той причине, что к указанному выше «классическому» набору элементов механизма добавляют дополнительные составляющие. В.М. Сырых для получения более верного представления о содержании механизма, в частности, дополняет его «классическую» структуру такими элементами, как субъекты, осуществляющие правовое регулирование или правовую деятельность, и юридически значимые результаты их деятельности. На этом основании В.М. Сырых выделяет в составе МПР три базовых компонента: механизм правотворчества, механизм реализации норм права и механизм государственного принуждения [6]. Кроме того, некоторые исследователи включают в структуру МПР такие правовые явления, как законность, правопорядок и др. [7].

Другая группа исследователей относит к составляющим МПР юридические факты. В.Б. Исаков, в частности, обосновывает их самостоятельность как его элементов тем, что они связаны в рамках механизма не только с правоотношениями, но и с иными элементами механизма [8].

Третий подход – «коммуникативный» – позволяет взглянуть на МПР не только как на взаимосвязанную систему правовых средств, но и как на систему правовых коммуникаций. В его основе – концепция механизма действия правовой системы, предложенная А.В. Поляковым [9]. Концепция базируется на постулате о том, что право – это самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, содержанием которой являются правовые коммуникации. В таком контексте, по представлению А.В. Полякова, МПР состоит из двух блоков: социопсихического механизма, который включает в себя механизм легитимации нормативных фактов, придания им правового значения; и непосредственно МПР, который включает в себя систему правовых средств для реализации правовых целей (правовых фактов, правоотношений, актов толкования права и т.д.) [10].

Существует и «процессуальный» подход к определению МПР. В частности, Е.Г. Лукьянова выделяет процессуально-правовой механизм как элемент общего МПР, который вступает в действие на некоторых этапах общего правового регулирования, в случаях возникновения препятствий нормальной реализации правовых норм, и имеет охранительную направленность. Исходя из этого, процессуально-правовой механизм представляет собой динамическую систему правовых средств, при помощи которой упорядочивается охранительная деятельность уполномоченных органов в области юрисдикционного правоприменения [11].

В рамках «процессуального» подхода содержательную сторону МПР исследовал А.П. Баранов. Его понимание МПР заключается в том, что любой механизм сам по себе не является чем-то статичным, а представляет собой активный процесс. С этой точки зрения МПР рассматривается *в целом как процессуальная система* создания норм права с последующим их применением, реализацией и контролем эффективности [12].

Авторы настоящей статьи придерживаются «классического» подхода к пониманию МПР с некоторыми отступлениями, требуемыми для описания особенностей механизма частнопроводного регулирования энергосотрудниче-

ства. При этом для более полного исследования МЧПРЭ отдельно следует остановиться на его анализе и отметить ряд характерных черт по сравнению с общим МПР.

Главенствующим признаком частноправового регулирования выступает частный интерес, который опосредуется через автономность субъектов частноправовых отношений. Такая автономность выражается в юридической возможности самостоятельного волеизъявления субъектов. Эту возможность обеспечивают диспозитивные нормы, образующие значительную долю нормативной составляющей частноправового регулирования и выступающие, таким образом, исходным элементом механизма частноправового регулирования.

Автономность субъектов позволяет говорить также и о специфике отношений, являющихся предметом частноправового регулирования. В значительной степени они порождаются самими субъектами отношений, не подчиненных друг другу и не наделенных властными полномочиями по отношению друг к другу [13]. Исходя из этого, в качестве следующего элемента МЧР могут быть определены правоотношения, носящие «горизонтальный» (невластный) характер, т.е. частноправовые отношения.

Следующим элементом МЧР являются акты реализации прав и обязанностей, в рамках которых, однако, не могут произвольно устанавливаться пределы реализации законных прав и интересов участников частноправовых отношений. Пользуясь правами, которые предоставляют им диспозитивные нормы, участники сами определяют способ и границы разграничения и ограничения своих интересов.

На основании приведенных характеристик элементов МЧР в самом общем виде он может быть определен в качестве системы частноправовых средств, оказывающих воздействие на общественные отношения в целях удовлетворения частных интересов субъектов права.

Если говорить об особенностях МЧПРЭ как разновидности МЧР в целом, то важнейшей из них является двойственный характер МЧПРЭ, который объединяет внутреннюю (национально-правовую) и внешнюю (международно-правовую) части МЧР энергосотрудничества. На основании этого элементы МЧПРЭ могут быть определены следующим образом:

1) *Частноправовые нормы национального и международного права, регулирующие отношения в сфере энергосотрудничества.* Наибольший удельный вес в данном случае составляют частноправовые нормы национального законодательства, так как на международном уровне в этой сфере разработано пока еще небольшое количество международных договоров (пример – Договор к Энергетической хартии 1994 г.). Кроме того, значительная часть положений таких договоров адресована государствам, а не частным субъектам энергосотрудничества и носит публично-правовой характер.

С определенной степенью условности источниками «международных частноправовых норм» могут быть названы двусторонние и многосторонние международные частноправовые договоры (соглашения), имеющие признаки нормативности. Таковыми, например, могут выступать договоры о создании и деятельности международных нефтегазовых консорциумов, которые напрямую не связаны с волей государств и заключаются частными субъектами различной национальной принадлежности.

Исходя из особой роли частного договора, которая в последнее время усиливается в МПР, некоторые исследователи предлагают пересмотреть его концепцию на основании того, что в составе элементов МПР «не нашлось места для такого элемента, как договор». Основываясь на этом, Е.М. Михайленко делает вывод, что подобное отсутствие свидетельствует о наличии пробела в учении о МПР. На это указывает то обстоятельство, что договор проникает во все сферы жизнедеятельности общества и тенденции к его использованию неизменно увеличиваются. МПР, по ее мнению, представляет собой цельную, автономную саморегулирующую систему, способную упорядочивать общественные отношения в соответствии с нормами права «напрямую», минуя аппарат государства [14].

Несмотря на наличие рационального зерна в суждениях Е.М. Михайленко, в полной мере согласиться с ними вряд ли возможно. Включение договора в качестве самостоятельного элемента в структуру МПР приведет, на наш взгляд, к его чрезмерному и необоснованному расширению, будет способствовать размытию его сущностного содержания.

2) *Правоотношения международного немеждоударственного невластного характера* являются следующим базовым элементом МЧР энергосотрудничества. Своеобразной чертой данных правоотношений является то, что многие из них складываются не путем реализации общих норм, заложенных в нормах права, а путем установления конкретных правил поведения самими участниками энергосотрудничества, в которых находят отражения их некоторые субъективные права и обязанности.

Несмотря на то, что в качестве стороны правоотношения в сфере энергосотрудничества может выступать государство, речь здесь идет об особой разновидности международных отношений, в которых частный интерес превалирует над публичным и опосредуется в «неполитической» сфере [1, с. 3]. Хотя в нашем случае это достаточно условно, так как сфера энергетического сотрудничества в силу многочисленных экономических, географических, социальных и иных аспектов имеет высокую степень политизации.

3) *Акты реализации прав и обязанностей* являются следующим структурным элементом механизма частноправового регулирования в сфере энергосотрудничества. При этом стоит оговориться, что непременным опосредующим инструментом реализации прав и обязанностей является национальное право той стороны, на территории которой осуществляется совместное освоение энергетических (нефтегазовых) ресурсов.

Рассматривая структуру МПР в сфере энергосотрудничества, нельзя не заметить наличия в ней элементов, присущих механизму международно-правового регулирования, тщательно проанализированному И.И. Лукашуком [15]. В качестве таковых, по его мнению, выступают: международно-правовые нормы, международно-правовые отношения, а также совместная деятельность по осуществлению норм международного права [15, с. 6]. Вместе с тем важным признаком, отличающим МЧПРЭ от механизма международно-правового регулирования, является значительное снижение роли «государственно-властного момента», который был выделен И.И. Лукашуком в качестве главенствующего.

В то же время нельзя не согласиться с утверждением И.И. Лукашука о том, что международные организации как институциональный компонент представ-

ляют собой важную составную часть как системы международно-правового регулирования [15, с. 171], так и МЧПРЭ. Более того, тенденция такова, что в настоящее время в рамках последнего все более весомую роль играют не межгосударственные организации, обеспечивающие создание международно-правовых норм в нефтегазовой сфере, а неправительственные международные организации и различные тематические форумы в области энергосотрудничества, которые служат неким плацдармом для развития сотрудничества нефтегазовых компаний и «принимающих государств».

Это свидетельствует о том, что институциональный компонент в МЧР в сфере энергосотрудничества нельзя безоговорочно отнести лишь к правовым явлениям, как это было предложено И.И. Лукашуком. С учетом специфики рассматриваемых отношений он представляет собой относительно самостоятельную категорию, которая, тем не менее, тесно связана с МЧПРЭ и без которой невозможно показать его динамику. Иными словами, анализ существенных аспектов МЧР в сфере энергосотрудничества вне связи с обозначенными международными институциями не представляется возможным.

Подводя итог рассуждениям о МЧР в сфере энергосотрудничества, мы приходим к выводу о том, что его структура представляет собой синтез элементов МЧР и механизма международно-правового регулирования, осложненный спецификой сферы энергосотрудничества. В результате МЧР в сфере энергосотрудничества может быть определен как система частноправовых и организационных (институциональных) средств, обеспечивающих упорядочивание отношений, складывающихся в процессе энергосотрудничества с целью реализации субъектами своих возможностей и потребностей по отношению к энергоресурсам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов В.В. Международное частное право. — 4-е изд. — М. : Норма, 2011.
2. Шарифуллин В.Р. Частно-правовое регулирование : дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2006. — С. 56.
3. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. — М., 1966. — С. 30.
4. Хропанюк В.Н. Теория государства и права : учебное пособие для высших учебных заведений. — М., 1997. С. 294.
5. Малько А.В. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — М., 2001. С. 627.
6. Сырых В.М. Теория государства и права. — М., 2001. С. 162.
7. Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. — М., 1961. — С. 131.
8. Исаков В.Б. Юридические факты в российском праве. — М., 1998. С. 23–24.
9. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. — СПб., 2004. С. 642–643.
10. Поляков А.В. Общая теория права : курс лекций. — СПб., 2001. С.450.
11. Лукьянова Е.Г. Механизм процессуального регулирования и его элементы // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 91–95.
12. Баранов А.П. Механизм правового регулирования как процессуальная система // История государства и права. 2011. № 8. — Система Консультант Плюс.

13. Шарифуллин В.Р. Частно-правовое регулирование : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006. С. 86–88.
14. Михайленко Е.М. Механизм гражданско-правового регулирования отношений, возникающих в результате аварийных разливов нефти : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. С. 120.
15. Лукашук И.И. Механизм международно-правового регулирования : учебное пособие. – Киев, 1980. – 165 с.

ЗАДАТОК КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

*Н.Н. Дерюга**

Задаток как способ обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве России занимает особое место. Данный институт относится к числу древнейших. История задатка представляется настолько древней, что до настоящего времени источник его происхождения не удается установить с достаточной степенью достоверности.

Современное легальное определение задатка содержится в ст. 380 ГК РФ. Задатком признается денежная сумма, выдаваемая одной из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне, в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения.

Отечественная доктрина относится к задатку как к относительно простому способу обеспечения исполнения обязательств, что представляется неверным.

История становления и развития института задатка сообщает о том, что во все времена, в том числе древнейшие, задатку придавались различные функции. К ним относились: *доказательственная* (наличие задатка означало существование договора, исполнение по которому обеспечивалось задатком); *обеспечительная* (сторона, отказавшаяся от договора, утрачивала сумму задатка, что означает для обеих сторон действие одинаковых по силе санкций); *платежная* (сумма задатка включается в счет основного платежа той стороны, на которую возлагаются обязанности осуществить платежи).

Это означает, во-первых, что в силу действующего закона в качестве платежа могут выступать исключительно деньги, а сам факт передачи задатка выступает доказательством заключения договора, обеспеченного задатком. Таким образом, выдача и получение задатка означает присутствие акта исполнения акцессорного (дополнительного) обязательства. Во-вторых, выдача и получение задатка допустимы только для договорных обязательств.

Всякое ли договорное обязательство может обслуживать задаток? Сравнительно-правовой анализ действующего законодательства показывает, что соглашение о задатке имеет свои границы. Так, вряд ли можно предварительный договор сопровождать соглашением о задатке, так как он не выполняет функции платежа. Предварительный договор по-своему обеспечивает заключение основного соглашения, которое и будет в будущем наделяться функциями платежа

* *Дерюга Николай Николаевич* – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Хабаровской государственной академии экономики и права. Email: crimlaw@rambler.ru

на условиях предварительного договора. Уклонение стороны от заключения основного договора может породить принудительное вступление в договор на условиях предварительного. В этом смысле необходимость обременения предварительного договора задатком теряет смысл. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения основного договора реализуется принцип полной имущественной ответственности для стороны, нарушившей условия договора. То же самое можно сказать о договорах, которые могут считаться заключенными с момента их государственной регистрации (п.3 ст. 433 ГК РФ).

Анализ содержательной части задатка означает, что указанные выше функции в ряде случаев не могут быть реализованы. Так, например, в случае отказа одной из сторон от договора платежная функция упраздняется, так как с этим обстоятельством утрачивает силу базовый договор. Остальные функции задатка, как способа обеспечения исполнения обязательства и как доказательства заключения договора, сохраняют свою силу. Таким образом, платежная функция задатка может быть реализована только при исполнении договорных обязательств.

Важной остается проблема возмещения убытков потерпевшей стороне в связи с отказом её контрагента от договора, обеспеченного задатком. Согласно действующему законодательству в данной ситуации срабатывает институт полной имущественной ответственности. Анализ закона показывает, что если убытки превышают сумму задатка, они взыскиваются в части, не покрытой суммой задатка. Это напоминает зачетную неустойку. Однако данная норма носит диспозитивный характер, что предполагает возможность установления сторонами соглашения о возмещении убытков сверх суммы задатка (по правилам штрафной неустойки) либо они могут договориться об ограничении ответственности суммой задатка без права на дополнительную компенсацию не возмещенных этой суммой убытков. Такой задаток принято считать отступным, ибо, уплатив сумму задатка, от обязательства можно отступить. Безусловно, что подобное соглашение в значительной степени ослабляет обеспечительную функцию задатка как способа обеспечения исполнения обязательств. Предполагается, что установление подобного рода соглашений свидетельствует о том, что стороны не уверены в настоятельной желательности исполнения основного обязательства.

У задатка имеются некоторые черты, позволяющие обнаруживать его сходство с неустойкой. Это касается строго фиксированной суммы, утрачиваемой стороной, нарушившей договорное обязательство, а также в случае восполнения убытков по правилам зачетной или штрафной неустойки. Особенно это наглядно видно тогда, когда обязательство не исполняет задаткополучатель, который сам задатка не вносил, но обязан заплатить двойную сумму задатка.

Однако между неустойкой и задатком имеются значительные различия, носящие существенный характер. Прежде всего, взыскание неустойки допустимо при наличии самых разнообразных правонарушений, а задатка – только при уклонении сторон от заключения договора. Действующим законом допускается уменьшение суммы неустойки судом (ст. 333 ГК РФ), а сумма задатка выступает в виде строго фиксированной суммы. Кроме того, задаток вносится вперед, а сумма неустойки лишь оговаривается в договоре или законе на случай нарушения обязательства.

Серьезные разночтения обнаруживаются и в форме соглашения о неустойке и соглашения о задатке. Соглашение о неустойке предполагает исключительно письменную форму под страхом его недействительности. Соглашение о задатке также предполагает письменную форму, однако заключение соглашения в устной форме все же порождает правовые последствия. Проблемы могут возникнуть лишь в случае доказывания того, что факт вступления сторон в соглашение о задатке действительно имел место. При этом применяются последствия, предусмотренные ст. 162 ГК РФ.

Какова судьба акцессорного обязательства о задатке, если базовый договор, обслуживаемый соглашением сторон о задатке, будет признан недействительным?

Учитывая специфический характер акцессорного обязательства как дополнительного, предназначенного исключительно для обеспечения исполнения основного обязательства, оно в силу недействительности базового обязательства не может быть реализовано.

Отечественная судебная практика еще в советский период считала частичное исполнение договорного обязательства достаточным основанием для освобождения недобросовестного должника от неблагоприятных последствий в виде утраты задатка либо возврата задатка в двойном размере. Современная арбитражная практика придерживается данной концепции. Пункт 2 ст. 381 ГК РФ предусматривает уплату двойной суммы задатка за неисполнение обязательства. Таким образом, обеспечительная функция задатка состоит в том, что он имеет целью предотвратить *неисполнение* сторонами договора. Следовательно, задаток направлен на понуждение сторон к исполнению обязательства. Правило о задатке не применяется при исполнении договора ненадлежащим образом. В этом случае, как правило, реализуется принцип полной имущественной ответственности за ненадлежащее исполнение обязательства (ст. 15 ГК РФ).

Вряд ли такое положение можно считать справедливым. Чтобы избежать уплаты суммы задатка, должнику достаточно исполнить обязательство в любом размере. Например, поставщик, получивший задаток в размере 50% от суммы договора и исполнивший его на 0,5% от необходимого объема, полностью освобождается от возврата двойной суммы задатка. Представляется, что такое разветвление событий вряд ли предвидел законодатель. В связи с этим, думается, что ст. 381 ГК РФ нуждается в дополнении, согласно которому задаток теряется или возвращается в двойном размере не только при уклонении от договора, но и при существенном нарушении договорного обязательства.

В заключение отметим, что сфера практического применения института задатка достаточна широка. В отличие от ГК РСФСР она значительно расширена. Согласно п. 2 ст. 186 ГК РСФСР задаток мог использоваться только для обеспечения обязательств с участием граждан. По своей правовой природе использование соглашения о задатке позволяет сторонам отказаться от договора, что в условиях административно-плановой системы того периода для юридических лиц не допускалось.

Только социалистические организации, участвующие в сфере внешней торговли, могли обеспечивать исполнение обязательств задатком. К тому же практика прошлых лет свидетельствует о том, что к соглашению о задатке граждане почти не прибегали.

В настоящее время область практической реализации института задатка существенно расширена. Анализ содержания ст. 380 ГК РФ не ограничивает возможность участия субъектов гражданского права в применении задатка. Однако допустимость участия отдельных юридических лиц, а также публичных образований в качестве задаткодателя или задаткополучателя может быть ограничена в связи с их специальной правосубъектностью.

КЛЕВЕТА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ: МЕТАМОРФОЗЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*А.И. Коробеев, Ю.И. Кулешов**

Клевета (как и оскорбление) относится к разряду классических видов преступлений против чести и достоинства личности. Атипичным ее аналогом выступает клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя и т.п. Здесь уже имеет место посягательство, прежде всего, на интересы правосудия.

Ежегодно в России фиксируется в среднем около 600 случаев тех или иных разновидностей уголовно наказуемой клеветы [1]. Подобные составы преступлений можно встретить и в уголовном законодательстве (УЗ) многих других государств мира, включая и страны АТР (Китай, Вьетнам, США, Япония, Перу, Сальвадор и др.) [2].

Тем любопытнее было наблюдать законодательную метаморфозу, приключившуюся не так давно с уголовно наказуемой клеветой, когда при одном президенте России она была «изгнана» из Уголовного кодекса (УК), а при другом президенте — спустя всего шесть месяцев — вновь оказалась в нем. В чем причины столь скоропостижной «смерти» и «реинкарнации» клеветы? Насколько криминологически обоснованной была декриминализация клеветы в 2011 г. и откуда вдруг возникли все необходимые основания и предпосылки для признания допустимым, возможным и целесообразным ее повторной криминализации в 2012 г.?

Сам законодатель ответы на поставленные вопросы не дает. Бессмысленно их искать и в действующей системе УЗ России. Никаких серьезных исследований в процессе законотворчества, обосновывающих и оправдывающих упомянутые акции с клеветой, насколько нам известно, проведено не было. Остается поэтому констатировать, что в случае с клеветой имеет место очередной зигзаг уголовно-правовой политики, связанный с некоторым обострением социально-политической ситуации в стране и умозрительным представлением отцов-законодателей о якобы безграничных возможностях репрессии регулировать любое социально значимое поведение человека, по крайней мере — путем его устрашения.

Итак, Федеральным законом РФ от 28 июля 2012 г. в УК РФ были возвращены два ранее декриминализированных состава преступления: клевета (ст. 128¹ УК) и клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава

* *Коробеев Александр Иванович* — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: ugpra@chair.dvfu.ru

Кулешов Юрий Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Хабаровской государственной академии экономики и права.

(ст. 298¹ УК). При этом, если ст. 298¹ УК была возвращена практически в прежней редакции, то ст. 128¹ УК претерпела ряд существенных изменений. Это связано с появлением новых квалифицированных видов и повышенной ответственностью за подобные деяния. Речь идет о клевете, совершенной с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 128¹ УК), клевете о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевете, соединенной с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера (ч. 4 ст. 128¹ УК). Законодатель почему-то посчитал, что указанные действия, совершенные в отношении судьи, присяжного заседателя, иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ч. 1 ст. 298¹ УК), прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ч. 2 ст. 298¹ УК) не требуют такой же повышенной ответственности. Полагаем, что это можно расценить как очередной «зевок» со стороны законодателя, который может быть объяснен только спешкой в принятии изменений в УЗ.

Почему государственная реакция в виде уголовного наказания за клевету в отношении особой группы потерпевших, участников судопроизводства (судья, присяжный заседатель, иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание), либо лиц, исполняющих судебные акты (судебный пристав), связанная с утверждением, что они страдают заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением их в совершении преступления сексуального характера (ч. 1 ст. 133, ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135 УК) должна быть мягче, чем за аналогичные действия в отношении обычных граждан России? Никаких рациональных объяснений, оправдывающих отмеченные противодействия в уголовном законе, найти невозможно.

Характеризуя понятие «судья», важно подчеркнуть, что это — должностное лицо, наделенное законом полномочиями осуществлять правосудие на профессиональной основе и выполняющее эту функцию в одном из судов, предусмотренных законодательством РФ. Поэтому явной ошибкой, базирующейся на превратном представлении о деятельности Конституционного Суда РФ (уставных судов субъектов федерации), следует признать исключение из перечня потерпевших судей вышеназванных судов [3, 4]. Мировых судей необходимо включать в понятие «судья», а не относить их к понятию «иное лицо, осуществляющее правосудие» [5].

До недавнего времени граждане РФ участвовали в осуществлении правосудия в качестве присяжных, народных и арбитражных заседателей. Тенденция развития процессуального законодательства свидетельствует о том, что произошел отказ от участия граждан в осуществлении правосудия в качестве народных заседателей. В соответствии с УПК РФ с 1 января 2003 г. граждане РФ участвуют в отправлении уголовного судопроизводства только в качестве присяжных заседателей (ст. 30 УПК). Данная тенденция сохранилась при реформировании гражданского процессуального законодательства. Согласно ст. 14 ГПК РФ дела в судах первой инстанции рассматриваются судьями единолично, а в случаях, предусмотренных федеральным законом, коллегиально в составе трех профессиональных судей. В кассационном и надзорном порядке дела рассматриваются в составе судьи-председательств-

вующего и двух судей. Арбитражные заседатели привлекаются к осуществлению правосудия в соответствии со ст. 17 АПК РФ. Согласно ст. 19 АПК арбитражные заседатели при рассмотрении дела пользуются правами и несут обязанности судьи.

Использование в ст. 298¹ УК понятия «*иные лица, участвующие в отправлении правосудия*» в доктрине уголовного права вызвало неоднозначное толкование. Отдельные авторы полагали, что данная оговорка специально сделана законодателем ввиду принятия новых процессуальных законов и, соответственно, возможности появления новых процессуальных фигур [6].

Вступление в силу УПК, ГПК, АПК РФ, КоАП РФ состоялось, и можно констатировать, что никаких новых процессуальных фигур, на которых бы государство возложило функцию отправления правосудия, не возникло и, с учетом существующих принципов проведения судебно-правовой реформы, вряд ли возникнет. Наоборот, уголовный и гражданский процессуальные законы упростили этот перечень, оставив в нем только профессионального судью, а в некоторых установленных УПК случаях – присяжного заседателя.

Поэтому высказывания о том, что под «*иным лицом, участвующим в отправлении правосудия*» следует понимать народного заседателя, общественного обвинителя, общественного защитника [7], третейских судей, арбитров [8], не имеют ни законодательного, ни научно-практического основания.

С учетом изменений, которые произошли в уголовном, гражданском, арбитражном процессуальном законодательстве, в круг иных лиц, наделенных правом осуществлять правосудие, следует включать только *арбитражных заседателей*, поскольку именно их функциональные обязанности непосредственно связаны с принятием процессуального решения по существу дела.

Понятие «лицо, производящее дознание» отсутствует в новом уголовно-процессуальном законе. Речь идет лишь об органе дознания (ст. 40 УПК) и дознавателе (ст. 41 УПК) как должностном лице органа дознания, уполномоченном осуществлять предварительное расследование в форме дознания (п. 7 ст. 5 УПК). Представляется обоснованным содержание понятия «дознаватель» отождествлять с термином «лицо, производящее дознание»

Под судебным приставом следует понимать: во-первых, лицо, назначенное в установленном законом порядке на такую должность для обеспечения порядка в зале судебного заседания и в помещениях суда; во-вторых, лицо, на которое в законном порядке возложены функции по исполнению судебных актов.

По конструкции вновь сформулированный в уголовном законе состав преступления следует отнести к категории *формальных*. Преступление считается оконченным с момента распространения в любой форме клеветнических сведений в отношении указанных в законе лиц. Объективная сторона преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 и 2 ст. 298¹ УК, предполагает активные действия, которые охватываются понятием «*клевета*». Это распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь, достоинство лица или подрывающих его репутацию.

Так, Судебная коллегия Верховного Суда РФ, исключая ответственность Л. по ч. 2 ст. 298 УК, указала, что клевета по смыслу закона предполагает распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство

другого человека или подрывающих его репутацию. В данном случае в словах Л. в суде о якобы сфальсифицированном в отношении него деле содержится его оценка материалов дела. Поэтому в действиях Л. отсутствуют признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 298 УК («Клевета») [9].

Под распространением сведений понимается совершение такого действия, результатом которого информация становится известной хотя бы одному лицу. Это может быть устная или письменная форма передачи информации, изготовление рисунков, плакатов, демонстрация аудио или видеозаписей, сообщение с помощью электронных носителей и т.п. Дать исчерпывающий перечень возможных способов распространения информации не представляется возможным.

Распространяемые сведения должны порочить честь, достоинство или репутацию указанных в законе лиц, то есть умалять личностную или социальную оценку данного человека. Порочить — значит навлекать позор, бесчестить, осуждать, чернить кого-либо [10]. Обязательным признаком данного состава преступления является заведомая ложность распространяемой информации, то есть несоответствие ее действительности.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает, что он порочит честь, достоинство, репутацию судьи, присяжного заседателя и иных лиц, указанных в законе, распространяя заведомо ложную информацию. Поскольку клевета связана с профессиональной деятельностью данных лиц по отправлению правосудия, расследованию уголовного дела или исполнению приговора, решения суда или иного судебного акта, то мотивами поведения виновного может быть стремление предотвратить или нарушить законный порядок этой деятельности или отомстить за её выполнение.

Если лицо заблуждается в ложности сообщаемой информации либо мотивы её распространения не связаны с отправлением правосудия, расследованием уголовного дела, исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, то действия виновного либо не содержат состава преступления, либо они должны быть квалифицированы как посягательство на личность.

Часть 3 ст. 298¹ УК предусматривает квалифицированный состав, который связан с обвинением вышеназванных лиц в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Характеристика тяжкого или особо тяжкого преступления дается в статье 15 УК РФ.

Обвинение — это сообщение заведомо ложной информации о том, что судья, присяжный заседатель или иные указанные в законе лица совершили данное преступление. При этом виновный не преследует цели привлечения данных лиц к уголовной ответственности, а лишь желает опорочить их честь, достоинство и репутацию. В противном случае, если информация сообщается в целях возбуждения уголовного дела и привлечения указанных лиц к уголовной ответственности, действия виновного следует квалифицировать по ч. 3 ст. 306 УК, и дополнительной квалификации по ст. 298¹ УК не требуется [11].

Из изложенного видно, насколько серьезными были и остаются некоторые разновидности клеветы не только в отношении обычных граждан, но и

особой категории потерпевших, о которых идет речь в ст. 298¹ УК. Исключение уголовной ответственности за клевету игнорировало характер и степень общественной опасности этого преступления как вида психического насилия [12], в известном смысле противоречило Всеобщей декларации прав человека, шло в разрез с общемировой тенденцией установления уголовной ответственности за диффамацию – разглашение правдивых сведений, порочащих честь и достоинство, честное имя человека. Поэтому восстановление в УК «доброй старой» клеветы можно расценивать скорее как благо, чем как зло. Остаются, правда, сомнения относительно целесообразности криминализации простых составов клеветы. Однако перевод их в категорию административных проступков должен быть обоснован с точки зрения теории криминализации и декриминализации, а для этого необходимо провести соответствующие научные изыскания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оптимизация научного обеспечения и криминологической культуры борьбы с преступностью. – М., 2011. С. 354, 362.
2. Додонов В.Н., Капинус О.С., Щерба С.П. Сравнительное уголовное право. Особенная часть. – М., 2010. С. 119–121.
3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. А.И. Рагога. – М., 2001. С. 511.
4. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. – М., 1997. С. 192.
5. Уголовное право. Особенная часть : конспект лекций / авторы-составители М. Смирнов, А. Толмачев. – М., 2001. С. 217.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2-х т. Т. 2 / под ред. О.Ф. Шишова. – М., 1998. С. 429.
7. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. проф. А.И. Рагога. – М., 1996. С. 389; Уголовное право. Особенная часть : учебник. – М., 1998. С. 645.
8. Агузаров Т.К. Честь и достоинство под охраной уголовного закона // Гражданин и право. – 2003. – № 4. С. 29–33.
9. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / сост. С.В. Бородин, А.И. Трусова ; под общ. ред. В.М. Лебедева. – М. : Спарк, 2001. С. 1071.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. С. 565.
11. В юридической литературе по этому вопросу высказывается и иная точка зрения. Подробнее об этом см.: Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения. – Владивосток, 2007. С. 261.
12. Гертель Е. Оскорбление и клевета как виды психического насилия // Уголовное право. 2011. № 6. С. 10.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПНОЕ ЗАРАЖЕНИЕ ОПАСНЫМИ ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В РОССИИ И ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

*Т.Б. Басова, А.Н. Бурдинская**

Интеграционные процессы мирового сообщества делают актуальным изучение права в русле отраслевого сравнительного исследования. Изучение опыта стран АТР в сфере противодействия преступлениям, в частности, преступному заражению опасными инфекционными заболеваниями, весьма полезно в целях его использования при совершенствовании соответствующих норм российского законодательства.

Согласно статистическим данным, лишь за 2010 г. от болезней, связанных с ВИЧ-инфекцией и СПИД, в России умерло 66 587 человек, среди них 443 ребенка. В 2005 г. указанные показатели составили 7 253 взрослых человека и 168 детей соответственно [9].

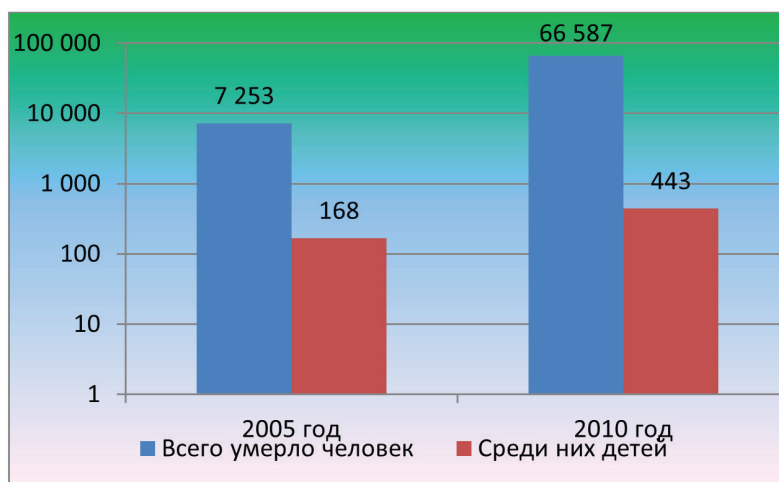

Диаграмма 1. Динамика смертности взрослых и детей от болезней, связанных с ВИЧ-инфекцией и СПИД, в РФ

Таким образом, данная ситуация заставляет обратить особое внимание на составы преступлений, связанные с распространением опасных инфекционных заболеваний. Так, уголовное законодательство (УЗ) РФ устанавливает ответственность за преступное заражение венерической болезнью (ст.121 УК РФ) и ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ).

По данным официальной статистики, за последние десять лет в России ежегодно выявляется не более сотни фактов преступного заражения ВИЧ-ин-

* *Басова Татьяна Борисовна* – д.ю.н., профессор кафедры уголовного права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: zentr-atr@rambler.ru

Бурдинская Анна Николаевна – ассистент кафедры уголовного права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: zentr-atr@rambler.ru

Диаграмма 2. Динамика количества фактов преступного заражения ВИЧ-инфекцией и венерической болезнью в РФ

фекцией: в 2001 г. – 73; в 2004 г. – 82; в 2009 г. – 86; в 2010 г. – 98; а фактов преступного заражения венерической болезнью выявляется в России еще меньше: в 2001 г. – 42; в 2004 г. – 24; в 2009 г. – 23; в 2010 г. – 6 [2].

Аналогичная ситуация наблюдается и в Монголии, и в Социалистической Республике Вьетнам. Так, по официальным данным, на 2009 г. в Монголии проживало ВИЧ-инфицированных 500 чел., а во Вьетнаме – в 560 раз больше (280 000 чел.), в России – в 3,5 раза больше (980 000 чел.), чем во Вьетнаме, а в Китае количество указанного населения было равно 740 000 человек [4].

По имеющимся данным, в 2009 г. коэффициент заболеваемости ВИЧ/СПИД среди взрослого населения (в возрасте от 15 до 49 лет) в Монголии

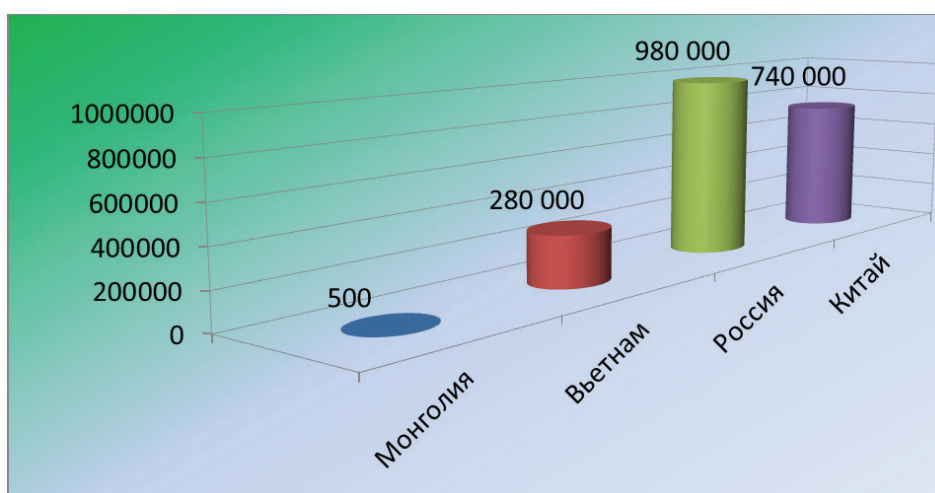

Диаграмма 3. Количество ВИЧ-инфицированных на 2009 г.

и Китае составил 0,1% по отношению ко всему населению страны, во Вьетнаме – 0,4%, в России – 1,0% [4].

Согласно приведенным данным, за последние годы ситуация по распространению венерических заболеваний и ВИЧ-инфекции в России и отдельных странах АТР кардинально не меняется, а по некоторым показателям продолжает ухудшаться. Возможно, одной из причин сложившейся ситуации в России является несовершенство норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступное заражение венерическими заболеваниями. Устранению этого может способствовать изучение зарубежного опыта.

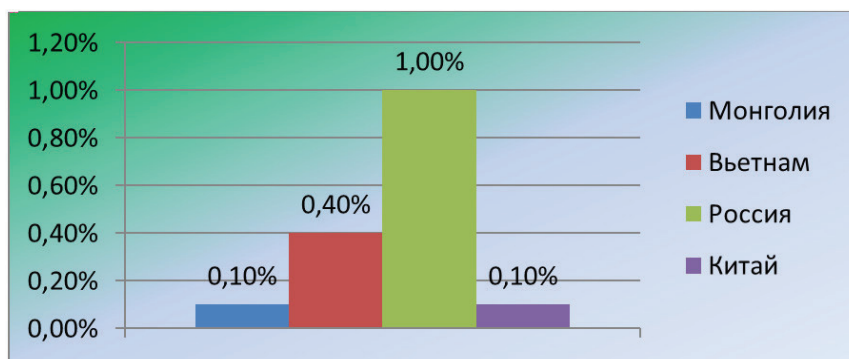

Диаграмма 4. Коэффициент заболеваемости ВИЧ/СПИДом в 2009 г. среди взрослого населения (в возрасте от 15 до 49 лет) по отношению ко всему населению страны

УЗ РФ устанавливает ответственность за: заражение венерической болезнью (ст. 121 УК РФ) и заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ) [7]. В китайском уголовном законе [5] также в рамках двух статей прямо или косвенно регламентируется ответственность за заражение венерическими заболеваниями (ст.ст. 331, 360 УК КНР). В Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) [8] законодатель счел необходимым установить уголовную ответственность лишь только за распространение ВИЧ-инфекции другим лицам (ст. 117 УК СРВ) и за умышленное распространение ВИЧ-инфекции другим лицам (ст. 118 УК СРВ). Некоторые уголовно-правовые нормы УК Вьетнама содержат в качестве квалифицирующего признака и совершение деяний ВИЧ-инфицированным лицом. К ним относятся: изнасилование (п. «б» ч. 3 ст. 111 УК Вьетнама), изнасилование в отношении детей (п. «е» ч. 3 ст. 112), принуждение к половому акту (п. «б» ч. 3 ст. 113 УК Вьетнама) и др.

УЗ Монголии [9] три статьи посвящает ответственности за преступное заражение венерическими заболеваниями: уклонение от лечения венерической болезни, заражение венерической болезнью (ст. 103), уклонение от лечения ВИЧ-инфекции (ст. 104) и заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 105 УК Монголии).

В качестве промежуточного вывода отметим, что в уголовных законах сопоставляемых стран – России, Китая, Вьетнама и Монголии в том или ином виде предусмотрена ответственность за преступное заражение венерическими заболеваниями. Однако в изучаемых законодательных актах отдельных стран АТР не используется термин «венерические заболевания» и, соответственно, нет его легального определения. Толкование норм сопоставляемых

УК позволяет констатировать, что под такими заболеваниями понимаются не только ВИЧ-инфекция, но и иные венерические заболевания (сифилис, гонорея и др.).

В УК РФ и УК Монголии используются термины «венерическая болезнь» и «ВИЧ-инфекция», в УК Вьетнама – «ВИЧ-инфекция». В УК КНР не использован термин «ВИЧ-инфекция», а используются выражения «инфекционное заболевание» (ст. 331) и «сифилис, гонорея или другие венерические заболевания» (ст. 360), что приводит к установлению ответственности за преступное заражение венерическими заболеваниями в зависимости от того, к какой категории оно относится. Согласно «Закону о профилактике и лечении инфекционных болезней» КНР от 21 февраля 1989 г. ко второй категории (категории В) инфекционных заболеваний относятся следующие венерические заболевания: СПИД (ВИЧ), гонорея, сифилис [1].

Сравнение объективных и субъективных признаков соответствующих преступлений, обозначенных в УК стран, выбранных для компаративного исследования, показывает:

1. Объект преступлений в России и Монголии совпадает и выражается в охраняемом законом благе – здоровье человека, в УК КНР и УК Вьетнама есть своя специфика. Объектом преступления в УК Вьетнама выступают охраняемые законом блага – здоровье, честь и достоинство человека, а также общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование порядка общественного управления и общественной безопасности. В УК КНР – общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование порядка общественного управления.

2. Объективная сторона преступного заражения венерическими заболеваниями в рассматриваемых УК различается. Так, состав заражения венерической болезнью (ст. 121 УК РФ) по конструкции объективной стороны сформулирован как материальный: деяние (действие или бездействие), последствие в виде заражения лица венерическим заболеванием, а также причинная связь между ними выступают обязательными признаками объективной стороны. Подобным образом сконструирована и объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 122 УК РФ. Тогда как в ч. 1 ст. 122 УК РФ размещен состав заведомого поставления другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, который сформулирован как формальный: преступление окончено с момент создания реальной опасности заражения.

Монгольский законодатель аналогично российскому конструирует объективную сторону преступного заражения венерическим заболеванием (ч. 2 ст. 103 УК Монголии) и ВИЧ-инфекцией (ч. 3 ст. 105 УК Монголии) по типу материального состава. Вместе с тем конструкция объективной стороны уклонения от лечения венерического заболевания (ч. 1 ст. 103) и уклонения от лечения ВИЧ-инфекции (ч. 1 ст. 104) в УК Монголии схожа с конструкцией объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 122 УК РФ, и относится к формальным составам.

В УК России способ распространения венерических заболеваний не выступает обязательным признаком состава преступления. Однако толкование закона показывает, что такие преступления могут быть осуществлены любым способом: половым или бытовым (например, при нарушении правил личной гигиены). Способу заражения свойственен ненасильственный характер.

В УК Монголии способ заражения прямо указан в ч. 2 ст. 103: «...заражение венерическим заболеванием половым путем или иными способом», что позволяет более точно толковать закон.

В ст. 360 УК КНР объективная сторона выражена в распространении венерического заболевания в процессе занятия проституцией и разврата. Преступление окончено с момента создания реальной опасности заражения. Китайский законодатель полагает, что распространение венерического заболевания возможно только половым путем. В целом с этим можно согласиться, однако, по мнению специалистов, гонорея передается не только половым путем, но и бытовым. При такой позиции китайского законодателя нерешенным остается вопрос о привлечении к уголовной ответственности проститутки, страдающей гонореей и проживающей в публичном доме. Это свидетельствует о проблеме применения данной нормы на практике. Отметим, что указанная коллизия успешно решена российским законодателем.

В УК Вьетнама объективная сторона преступлений по преступному заражению ВИЧ-инфекцией выражена в распространении (заражении). По нашему мнению, «заражение» и «распространение» (последнее понятие используется лишь в УК Вьетнама) — понятия синонимичные. Отметим, что заражение венерической болезнью характерно лишь для УК РФ.

В ст. ст. 111–115, 117–118, 256 УК Вьетнама объективная сторона выражена в распространении ВИЧ-инфекции, распространении ВИЧ-инфекции в процессе изнасилования, изнасилования детей либо принудительного полового акта или принудительного полового акта с детьми, либо при наличии беспорядочных половых связей с детьми, а также в результате распространения ВИЧ-инфекции в иных случаях. Преступление окончено с момент создания реальной опасности заражения. Вьетнамский законодатель полагает, что распространение ВИЧ-инфекции возможно не только половым путем, что вполне приемлемо.

Так, согласно ст. 117 УК Вьетнама уголовная ответственность может наступить за распространение ВИЧ-инфекции в отношении лиц, выполняющих свои служебные обязанности, а также в отношении врачей и медицинских работников, оказывающих непосредственную помощь ВИЧ-инфицированному. Однако процесс доказывания вины пациента, который предпринял определенные действия по заражению ВИЧ-инфекцией указанных лиц, представляется весьма затруднительным. Это свидетельствует о проблеме применения данной нормы на практике.

3. Далее сопоставим признаки субъективной стороны преступлений — заражения венерическими заболеваниями.

Так, согласно ст. 121, 122 УК РФ преступное заражение венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией предполагает наличие прямого или косвенного умысла, а также неосторожности в виде легкомыслия. По мнению высшего судебного органа РФ, при рассмотрении дел о заражении венерическим заболеванием необходимо установить наличие доказательств, подтверждающих, что подсудимый знал о своей болезни [3]. Следовательно, по преступной небрежности совершить указанное деяние невозможно.

Подобную позицию занимает и монгольский законодатель. Так, вина в исследуемых преступлениях в уголовном законодательстве Монголии представлена в форме прямого или косвенного умысла (ст. 103–104 УК Монголии;

ст. 121–122 УК РФ), либо в виде преступного легкомыслия (ст. 105 УК Монголии; ст. 121–122 УК РФ). Вина в виде небрежности по прямому указанию закона в данном случае исключается в связи с тем, что виновный знал об имеющемся у него заболевании.

Отметим, что вина в преступлении, предусмотренном ст. 360 УК КНР, представлена только в форме прямого умысла. Противоположной точки зрения придерживается вьетнамский законодатель. Так, в УК Вьетнама используется выражение «даже если преступники не знают, что они инфицированы ВИЧ». Буквальное толкование данной законодательной конструкции приводит к выводу, что лицо может и не знать о наличии у него ВИЧ-инфекции. Таким образом, вьетнамский законодатель счел необходимым расширить рамки субъективной стороны данного преступления за счет включения в нее вины в виде преступной небрежности.

4. Субъект преступлений в УК РФ – специальный: лицо, знающее о наличии у себя венерического заболевания – венерической болезни или ВИЧ-инфекции. Субъект исследуемых преступлений по УК рассматриваемых стран АТР также специальный, но со своей спецификой. Так, согласно ст. 360 УК КНР субъектом преступления при преступном заражении венерическим заболеванием является лицо, заведомо знающее о своей болезни сифилисом, гонореей и другим венерическим заболеванием и занимающееся проституцией и развратом. Субъект преступления по УК Вьетнама – лицо, как заведомо знающее о своей ВИЧ-инфекции, так и лицо, не знающее о наличии у себя данного заболевания.

В ст. 103–105 УК Монголии субъект преступления описан обстоятельно: лицо, заведомо знающее о своем венерическом заболевании (ВИЧ-инфекции), либо лицо, ответственное за проведение необходимого лечения ВИЧ-инфицированного пациента, а также медицинский работник, заразивший пациента ВИЧ-инфекцией по неосторожности. Более того, специальным субъектом может выступать директор фармацевтической компании, ответственный за производство и продажу медикаментов и препаратов, а также ответственный за продажу крови, ее продуктов, органов и тканей, не прошедших предварительное тестирование на СПИД.

5. Квалифицирующие признаки исследуемых преступлений предусмотрены в сопоставляемых уголовных законах. Для УК России характерны лишь три подобных признака: совершение преступления в отношении двух или более лиц либо в отношении заведомо несовершеннолетнего, а также лицом, которое заразило потерпевшего ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения своих обязанностей. УК КНР (ст. 360) содержит всего один квалифицирующий признак (не характерный для уголовного закона России) – преступное заражение венерическим заболеванием в процессе развратных действий с девушкой, не достигшей 14-ти лет. Обстоятельствами, отягчающими ответственность за преступное заражение ВИЧ-инфекцией, вьетнамский законодатель (ст.ст. 117, 118 УК Вьетнама) признает:

- а) совершение деяния в отношении двух или более лиц;
- б) в отношении заведомо несовершеннолетнего;
- в) в отношении врачей и медицинских работников в процессе оказания ими медицинской помощи ВИЧ-инфицированному пациенту;

г) в отношении лиц, выполняющих свои служебные обязанности по обеспечению жизнедеятельности указанного больного.

Следовательно, в УК СРВ квалифицирующие обстоятельства анализируемых деяний представлены шире, чем в УК РФ [пункты «а» и «б» встречаются и в УК РФ], что также характерно и для УК Монголии (ст. 103). Однако подчеркнем, что указанный монгольским законодателем признак неоднократности был исключен из УК РФ еще в 2003 г.

Отметим, что уголовный закон Вьетнама включает в себя квалифицированные составы преступлений, сопряженные с заражением либо поставлением в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, которые несвойственны для УК РФ. К ним относятся: изнасилование, совершенное в отношении детей (ст. 112 УК Вьетнама); принуждение к половому акту (ст. 113 УК Вьетнама) и др.

Подводя итог компаративному изучению ответственности за преступное заражение венерическими заболеваниями в России и отдельных странах АТР — КНР, СРВ, Монголии, отметим, что отечественный законодатель в целом довольно детально разработал уголовно-правовые нормы об ответственности за указанные преступления. Вместе с тем:

в УК КНР:

а) предусмотрена уголовная ответственность непосредственно за заражение венерическим заболеванием в случае, когда лицо, заведомо знающее о своем заболевании сифилисом, гонореей и другими венерическими заболеваниями, занимается проституцией и развратом;

б) не регламентирована ответственность за преступное заражение ВИЧ-инфекцией в виде самостоятельного состава;

в) не использовано в качестве специального термина уголовного закона понятие «венерическое заболевание»;

в УК СРВ:

а) предусмотрена уголовная ответственность непосредственно за заражение ВИЧ-инфекцией в случаях, когда лицо: заведомо знало, равно, как и не знало о своем заболевании; лицо занималось принуждением к половому акту взрослых и принуждением к половому акту детей, а также за изнасилование;

б) не использовано в качестве специального термина уголовного закона понятие «венерическое заболевание»;

в) не регламентирована ответственность за преступное заражение венерическим заболеванием в виде самостоятельного состава.

В УК Монголии, на наш взгляд, более детально разработаны уголовно-правовые нормы об ответственности за анализируемые преступления.

Однако, несмотря на выявленные различия в законодательном подходе к регламентации уголовной ответственности за заражение опасными инфекционными заболеваниями в России и отдельных странах АТР, отечественному законодателю не следует отвергать возможность использования зарубежного опыта. Так, полагаем целесообразным теоретически проработать вопросы о возможности установления в УК РФ ответственности за:

а) уклонение от лечения венерического заболевания и ВИЧ-инфекции;

б) несообщение о заболевании венерическим заболеванием, ВИЧ-инфекцией или вирусом СПИД лечебному учреждению или не предоставление соответствующих сведений пациенту, его опекуну или попечителю;

в) отказ от проведения необходимого лечения лицу, зараженному венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией, либо нарушение его прав иным способом по причине его заболевания;

г) заражение пациента венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией медицинским работником по неосторожности;

д) преступное заражение венерическим заболеванием в процессе развратных действий с лицом, не достигшим 14-ти лет;

е) заражение венерическим заболеванием в случае, когда лицо, заведомо знающее о своем заболевании сифилисом, гонореей и другими венерическими заболеваниями, занимается проституцией и развратом;

ж) заражение ВИЧ-инфекцией в случаях, когда лицо: заведомо знало или не знало о своем заболевании; либо занималось принуждением к половому акту детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон о профилактике и лечении инфекционных болезней КНР от 21 февраля 1989 г. (изменения и дополнения на 2003 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://translate.google.ru/> – в переводе А.Н. Бурдинской. [Дата обращения: 26 октября 2011].
2. Оптимизация научного обеспечения и криминологической культуры борьбы с преступностью. – М., 2011. – 352 с.
3. О судебной практике по делам о заражении венерической болезнью: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 8 октября 1973 г. № 15 / Пленум Верховного Суда СССР // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Страны мира. ВИЧ/СПИД – коэффициент заболеваемости среди взрослого населения. – Режим доступа: <http://iformatsiya.ru/tab1/716-vichspid-koefficient-zabolevaemosti-sredi-vzroslogo-naseleniya.html>. – [Дата обращения: 05 февраля 2012].
5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: [принят 14 марта 1997 г.] / Китайская Народная Республика ; пер. с кит. Д.В. Вичикова под ред. и с предисл. А.И. Коробеева. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 176 с.
6. Уголовный кодекс Монголии. [Электронный ресурс]. – Criminal Code of Mongolia. – Ulan Bator, 2010. Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=183247. – в переводе авторов. [Дата обращения: 25 февраля 2012].
7. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 07.03.2012): [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.] / Российская Федерация // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 17 июня. № 25, ст. 2954.
8. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/clea/docs_new/pdf/en/vn/vn017en.pdf – в переводе авторов. [Дата обращения: 25 февраля 2012].
9. Федеральный научно-методический Центр по профилактике и борьбе со СПИДом. Статистика за 2005 и 2010 гг. – Режим доступа: <http://hivrussia.ru/stat/2010.shtml>. – [Дата обращения: 26 октября 2011].

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

*А.А. Протасевич, Л.П. Зверьянская**

Под криминалистической характеристикой преступлений большинство ученых понимают систему сведений о типичных признаках определенной категории преступлений, анализ которых позволяет делать выводы об оптимальных путях их раскрытия и расследования. Так А.Н. Колесниченко отмечал, что «преступления имеют и общие черты криминалистического характера» [1].

Имеются различные трактовки криминалистической характеристики преступлений. Это и включение в ее содержание способов совершенствования преступления; условия, в которых совершаются преступления, и особенности обстановки; обстоятельства, связанные с непосредственными объектами преступных посягательств, с субъектами и субъективной стороной преступления; связи преступления конкретного вида с другими преступлениями и отдельными действиями, не являющимися уголовно наказуемыми, но имеющими сходство с данными преступлениями по некоторым объективным признакам; взаимосвязи между указанными группами обстоятельств [2].

Важной составляющей криминалистической характеристики является ее динамичность. Она проявляется в том, что содержание криминалистической характеристики применительно к различным видам и группам преступлений может меняться, иногда существенно.

Криминалистическая характеристика преступлений определённого вида (группы) представляет собой систему данных о криминалистически значимых признаках преступлений этого вида (группы), отражающих закономерные связи между ними, служащую построению и проверке типовых версий. Характеристика конкретного деяния представляет собой мысленную модель конкретного объекта, исследуемого в уголовном процессе, отражающую тот или иной комплекс специфических признаков, которыми он отличается не только от других событий, но и от событий того же порядка, то есть других индивидуально определенных преступлений.

Рассматриваемая категория базируется на обобщении практики расследования уголовных дел, характеризуется множественностью содержания элементов и относится к большинству расследованных преступлений, указывает на возможные варианты того или иного обстоятельства, например, возможные способы совершения преступления данного вида [3]. Она указывает следователю на возможность существования и содержание какого-либо факта, являющегося элементом криминалистической характеристики преступлений данного вида, в расследуемом им конкретном преступлении этого же вида.

* *Протасевич Александр Алексеевич* – доктор юридических наук, профессор, декан судебно-следственного факультета Байкальского государственного университета экономики и права, г. Иркутск. E-mail: info@isea.ru

Зверьянская Лариса Павловна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права, г. Иркутск.

Криминалистическая характеристика обладает достаточно сложной структурой. Чаще всего в ней различают:

- 1) характеристику типичной исходной информации;
- 2) системы данных о типичных способах совершения и сокрытия данного вида преступлений и типичных последствиях их применения;
- 3) личность вероятного преступника и вероятные мотивы и цели преступления;
- 4) личность вероятной жертвы преступления и данные о типичном предмете посягательства;
- 5) данные о некоторых типичных обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка);
- 6) данные о типичных обстоятельствах, способствовавших совершению конкретного вида, рода преступлений.

«Криминалистическая характеристика преступления – научная категория, в которой с определённой степенью общности описаны типовые признаки и свойства события, обстановки, способа совершения общественно опасных деяний определённой классификационной группы, процесса образования и локализации следов, типологические качества личности и поведения виновных, потерпевших, устойчивые особенности иных объектов посягательства, а также связи и отношения между всеми перечисленными структурными элементами» [4].

Б.В. Вехов, исследовавший компьютерные преступления, указывает, что специфика криминалистической характеристики компьютерных преступлений состоит из криминалистически значимых сведений о личности правонарушителя, мотивации и целеполагании его преступного поведения, типичных способах, предметах и местах посягательств, а также о потерпевшей стороне [5].

В связи с многоликостью киберпространства, Интернета и информации, объединенной при помощи Интернета в глобальное информационное пространство, встают вопросы: какое место может занимать Интернет-пространство в преступлении? Какое место занимает Интернет-пространство в криминалистической характеристике киберпреступлений? Для выяснения данного вопроса необходимо отметить, что Интернет может применяться на всех стадиях преступления. Кроме этого, использование Интернета может различаться по интенсивности и влиянию на наступление преступного результата. Интернет может быть применен для получения информации, облегчающей совершение преступления, например, сведений о том, как создать взрывное устройство или изготовить сложный синтетический наркотик в домашних условиях.

С другой стороны, глобальная сеть может применяться для распространения незаконных материалов, информации (например, порнографии), при этом делать это вопреки уголовному закону каким-либо другим способом достаточно тяжело. В таком случае Интернет используется крайне интенсивно как для нахождения покупателей, так и для пересылки собственно материала и получения за него денежных средств и используется непосредственно для совершения общественно опасного деяния. Именно использование глобальной сети позволяет в данном случае создать расширенную сеть сбыта и способствует как наступлению преступного результата, так и позволяет оставить эту деятельность вне поля зрения правоохранительных органов.

В вышеуказанных возможных способах использования сети Интернет сам Интернет выступал в качестве средства. То есть предмета материального мира, используемого в процессе совершения преступления как для непосредственного воздействия на объект посягательства, так и для действий вспомогательного характера [6].

Преступления благодаря глобальной сети стали анонимными, удаленными в пространстве, трансграничными, глобальными. Интернет разделил место совершения преступных действий и место наступления последствий, а также сделал выявление, пресечение и уголовное преследование преступлений чрезвычайно трудным, а в ряде случаев невозможным.

То есть при совершении самого преступного деяния посредством Интернета можно говорить о том, что применена новая совокупность приемов, методов, последовательность действий, которая придает преступлению уникальные свойства, не характерные для преступлений без использования Интернета. Представляется, что в такой трактовке совершение преступления посредством Интернета является способом его совершения. В то же время Интернет может рассматриваться и как средство, т.е. совокупность предметов и процессов материального мира. Такое двойственное значение Интернета при совершении преступления возможно благодаря природе самого Интернета, который является одновременно набором принципов, алгоритмов, правил взаимодействий и в то же время объективируется в материальном мире в виде совокупности соединенных компьютеров.

Получается, что в случаях, когда Интернет непосредственно используется для совершения преступления, он является способом и средством одновременно, а в остальных — лишь средством. Заметим, что при совершении самого преступления посредством Интернета изменяются его характеристики за счет того, что глобальная сеть обладает уникальными возможностями изменять качество преступлений. Также киберпространство выступает не только средством, но и местом совершения преступления, что достаточно сильно осложняет процесс расследования киберпреступлений. В связи с тем, что многие современные понятия и измерения утрачивают свой смысл в виртуальном пространстве, — это еще больше затрудняет исследование киберпространства и расследование компьютерных преступлений.

В отношении информационных коммуникаций понятие «расстояние» утратило свой смысл и в целом определяется как время, необходимое для передачи некоторого объема трафика в зависимости от существующих емкостей каналов связи. В отношении обычных коммуникаций такая подмена понятия «расстояние» понятием «время» также имеет место.

Возникают вопросы и по осмотру места происшествия. Если в реальности при совершении преступления мы можем провести следственные действия по осмотру места происшествия, запротоколировать, сфотографировать, то как это сделать в Интернет-пространстве?

Для решения этого вопроса необходимо разобраться, чем же является интернет-пространство. Наиболее распространенным определением Интернет-пространства является его позиционирование в качестве глобальной компьютерной сети. Это определение подчеркивает две главные особенности Интернета: глобальность и компьютеризированность его структуры. В технологическом отношении Интернет чаще всего понимается как глобальная сеть

сетей, взаимно связанных протоколами TCP/IP и другими коммуникационными протоколами [7].

В Российской юридической энциклопедии определено, что Интернет – международная сеть соединенных между собой компьютеров, уникальное средство всемирной коммуникации [8]. И.М. Рассолов определяет Интернет в свете теории права как прежде всего новое пространство человеческого самовыражения; международное пространство, пересекающее любые границы; децентрализованное пространство, которым никакой оператор, никакое государство полностью не владеет и не управляет [9].

Также Интернет-пространство является синонимом киберпространства, которое представляет собой совокупность всех связанных сетей (таких как Интернет, Fido-net и др. сетей), причем именно Интернет выполняет чаще всего связующую функцию между ними.

Само же понятие «киберпространство» впервые было использовано в 1984 г. Уильямом Гибсоном в произведении «Нейромантик» для обозначения всей совокупности информации. В конце 1980-х–начале 1990-х гг. этот термин стал использоваться для обозначения информационного пространства компьютеров. С 2000 г. эксперт ЮНЕСКО по правовым аспектам информационного общества Т. Фуэнтес-Камачо определяет киберпространство как «новую человеческую и технологическую среду, включающую в себя как людей всех стран, культур, языков, возрастов и профессий, поставляющих информацию и обращающихся за ней, так и всемирную сеть компьютеров...» [10]. Синонимами киберпространства, по Т. Фуэнтеса-Камачо, являются «информационное сверхсообщение» и «инфосфера». Киберпространство также называют виртуальной, или альтернативной, реальностью, Всемирной паутиной, глобальной информационной инфраструктурой.

Представляется, что, когда речь идет об Интернете как о способе совершения преступления, имеется в виду не физическая субстрация, то есть множество компьютеров, соединенных проводами, а подразумевается набор принципов и правил, которые легли в основу функционирования сети. Эти принципы выражены формальным языком в протоколах, описывающих взаимодействие реально существующей сети. Основными протоколами, определяющими современный облик сети, являются несомненно IP (Internet Protocol) и TCP (протокол маршрутизации). Любые сети, реализованные на основе этих протоколов, также обладают свойствами и принципами сети Интернет, отличаясь зачастую лишь распространенностью и общедоступностью. Например, сеть VPN (виртуальная приватная сеть), хотя и обеспечивает более высокий уровень защищенности и ограничивает доступ посторонних адресатов, эта защищенность ограничена рамками протоколов, которые лежат в основе ее маршрутизации и адресации, то есть рамками IP и TCP [11]. К Интернет-преступлениям относятся любые преступления, в которых Интернет используется как средство, но в этом массиве особенно выделяются деяния, где Интернет – это не только способ, но и средство, так как при использовании Глобальной сети для совершения непосредственно общественно опасного деяния изменяются не только количественные характеристики (время приготовления и стоимость приготовительных действий), но и качественные (общественная опасность, анонимность, трансграничность).

При исследовании Интернет-пространства возникает вопрос: «Каким образом исследовать виртуальную реальность?» В ответ следует указать, что

традиционные способы осмотра места происшествия уже не подходят в сложившейся реальной обстановке. Необходима разработка совершенно новой методики расследования киберпреступлений в соответствии со свойствами и характерными особенностями Интернет-пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1967. – 28 с.
2. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1966. – 31 с.
3. Бурданова В.С. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, как важнейший элемент частных криминалистических методик // Вестник криминалистики. – М. 2001. – Вып. 2. – С. 40–41.
4. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика. – М. : Проспект, 2007. – 890 с.
5. Вехов В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / под ред. Б.П. Смагоринского. – М. : Право и Закон, 1996. – 28 с.
6. Парфенов А.Ф. Общее учение об объективной стороне преступления : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – СПб., 2006. – С. 169.
7. Перфильев Ю.Ю. Российское интернет-пространство: развитие и структура. – М. : Гардарики, 2003. – С. 9.
8. Российская юридическая энциклопедия. – М. : Издательский Дом ИНФРА-М, 1999. – С. 380.
9. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. – М. : Изд-во НОРМА, 2003. – С. 92.
10. Антонос Г.А. Международные изменения права киберпространства// Право и информатизация общества. – М., 2002. – С. 174–175.
11. Новак Д., Норткат С. Обнаружение нарушений безопасности в сетях, 3-е издание / пер. с англ. – М. : Изд. дом «Вильямс», 2003. – С. 25–43.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

*Ю.В. Надточий**

Несмотря на то, что окружающая среда (ОС) стала объектом охраны достаточно давно (уже в Русской Правде содержались нормы, посвященные охране природы), однако на протяжении длительного времени в России преобладал приоритет экономических интересов над экологическими, соответственно охране подлежали не столько объекты природной среды, сколько право собст-

* *Надточий Юлия Викторовна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: ugpra@chair.dvfu.ru

венности на них. В советский период политика была нацелена на интенсивную разработку мер охраны окружающей среды (ООС), нормативно-правовые акты были направлены на исключение объектов природы из системы товарных отношений, отграничение их от объектов имущественного характера. И хотя в этот период были изданы многочисленные акты, регулирующие общественные отношения в данной сфере, последовательно разработаны и приняты УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг., ООС всё еще оставалась на втором плане по сравнению с экономическими интересами. Так, согласно УК РСФСР 1960 г. самовольный лов рыбы в районах государственной монополии рассматривался как одно из нарушений государственных монополий, а не как экологическое преступление.

Ситуация менялась постепенно, в связи с повсеместным ухудшением экологической обстановки происходило осознание необходимости сохранения и восстановления природных экосистем и поддержания соответствующего качества ОС: именно в этом направлении стало формироваться российское законодательство.

В 1988 г. было принято постановление «О коренной перестройке дела охраны природы в стране», в результате чего экологические отношения и важнейшие экологические термины (в частности, экологическая безопасность) были, наконец, легализованы. Уже в конце 80-х гг. XX в. стало ясно, что УК РСФСР 1960 г., в котором нормы об ООС были разбросаны по разным главам, отсутствовала какая-либо их систематизация, не соответствует потребностям общества в сфере ООС и не может обеспечить защиту ОС от загрязнения, уничтожения и иного воздействия.

В 1991 г. был принят базовый в этой сфере Федеральный закон (ФЗ) «Об охране окружающей природной среды», где на законодательном уровне получили закрепление правовые основы российской политики в сфере ООС. В законе, помимо прочего, давалось легальное определение понятия экологических преступлений. Важным шагом в ООС явилось также принятие в 1993 г. Конституции РФ, в которой содержится значительное количество норм, посвященных охране природы, и закрепляется право каждого на благоприятную окружающую среду.

С развитием отношений в сфере ООС, как основы жизни на земле, с целью обеспечения права на благоприятную ОС, в 2002 г. был принят новый ФЗ «Об охране окружающей среды», который на современном этапе определяет основы ООС, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления правопорядка в области ООС и обеспечения экологической безопасности. К сожалению, в данном нормативно-правовом акте законодатель отказался от легального определения понятия экологического преступления.

Говоря о современном уголовном законодательстве в области борьбы с экологическими преступлениями с позиции теории криминализации и декриминализации как ключевого элемента уголовно-правовой политики, необходимо отметить, что в ходе произошедшего реформирования существенные изменения претерпел весь сегмент преступного и уголовно наказуемого, который можно отнести к категории экологических преступлений. В первую

очередь необходимо подчеркнуть, что законодатель стремился учесть происшедшие в российском обществе социальные, политические, экономические преобразования, новые тенденции преступности, возросшую общественную опасность отдельных видов преступного поведения, а также предпринял попытку совершенствовать защиту интересов граждан, их безопасность, реформировать систему наказаний.

На современном этапе развития общества и государства одним из приоритетных направлений внутренней политики в сфере ООС является обеспечение экологической безопасности, т.е. состояния защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и технического характера, их последствий [1].

В УК РФ 1996 г. впервые выделена отдельная глава (гл. 26), посвященная экологическим преступлениям. В уголовном законе, также впервые, употреблен термин «экологические преступления». Такой шаг законодателя, несомненно, оправдан, подчеркивает важность и необходимость ООС как таковой, а не через призму хозяйственной деятельности.

С введением УК РФ 1996 г. законодатель восполнил ряд пробелов в уголовной наказуемости правонарушений в сфере экологической деятельности. В частности, была введена ответственность за пять новых составов преступлений: нарушение правил ООС при производстве работ (ст. 246); нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247); порча земли (ст. 254); уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу РФ (ст. 259 УК РФ), нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК РФ). Введена и декриминализация ряда преступлений, в частности, это коснулось: деяний, предусмотренных ст.ст. 167¹–167⁸ УК РСФСР, детально регламентировавших всевозможные нарушения законодательства о континентальном шельфе РФ; ч. 1 ст. 163 УК РСФСР, выражавшихся в незаконном занятии рыбным и другими водными добывающими промыслами без разрешения, либо в запретное время, либо в недозволенных местах, или недозволенными орудиями, способами и приемами, а также была исключена ответственность за самовольную добычу янтаря.

Таким образом, можно отметить превалирование числа криминализованных деяний над декриминализованными.

Изменилось и законодательное описание многих составов преступлений. Так, объединены под одной «шапкой» ст. 163–164 УК РСФСР 1960 г., предусматривавшие ответственность за браконьерство. Появились новые криминалообразующие признаки: применение самоходного транспортного плавающего средства или взрывчатых и химических веществ, электроточка либо иных способов массового истребления указанных водных животных и растений; совершение преступления в местах нереста или на миграционных путях к ним, на территории заповедника, заказника либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации.

В целом можно констатировать, что нормы гл. 26 УК РФ «Экологические преступления» относятся к числу достаточно стабильных, т.е. редко изменяемых, в сравнении с другими нормами. Изменения в основном вызваны необходимостью унификации терминологии в связи с принятием отдельных

федеральных законов, необходимостью устранения погрешностей законодательной техники, а также коснулись санкций соответствующих норм.

В частности, в связи с принятием ФЗ от 20 декабря 2004 г. «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», в ст. 256-257 УК РФ был видоизменен предмет преступлений. Если ранее в качестве предмета по ст. 256 УК перечислялись: «рыба, морской зверь, иные водные животные и промысловые морские растения», а по ст. 257 УК – «рыбные запасы», то теперь формулировка предмета выглядит более лаконично «водные биологические ресурсы», что согласуется с терминологией указанного закона. Позитивно и то, что аналогичные изменения были внесены и в иные сопутствующие законы, в частности в ФЗ «О континентальном шельфе РФ», «Об исключительной экономической зоне РФ», Кодекс РФ об административных правонарушениях.

С принятием нового Лесного кодекса от 4 декабря 2006 г. уточнен предмет преступлений, предусмотренных ст. 260–261 УК РФ, а именно: «деревья, кустарники и лианы» заменены на «лесные насаждения и не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники и лианы». Кроме того, диспозиции ч. 1 ст. 252–253 УК дополнены оборотом «искусственные острова, установки», как это имеет место в ФЗ «О континентальном шельфе РФ» и «Об исключительной экономической зоне РФ». Употребление единых унифицированных понятий и терминов, на наш взгляд, способствует единообразному пониманию закона, устраняет ряд правовых коллизий и, как следствие, ведет к более эффективной охране природной среды. Позитивным следует признать и то, что законодатель воспринял многочисленные рекомендации специалистов о замене в п. «г» ч. 1 ст. 256, 258 УК сочетания «на территории заповедника, заказника» термином «особо охраняемые природные территории», как это имеет место в ст. 262 УК РФ, восполнив тем самым существовавшую пробельность и облегчив процесс квалификации.

В целом такой подход законодателя к определению того нового, что должно подлежать уголовно-правовой охране в сфере экологических отношений и, в частности, к криминализации экологических преступлений, нам представляется обоснованным. Другое дело, какую в конечном счете конфигурацию приобрели эти нормы. Здесь все гораздо сложнее. Нормы об ответственности за экологические преступления, к сожалению, по-прежнему нельзя признать совершенными. Следует подчеркнуть, что на нынешнем этапе развития российской уголовно-правовой политики необходимость в принятии новых и расширении границ действующих норм в этой сфере сохраняется. Это оправдано целым рядом причин: а) выявившимися на практике пробелами в их уголовной наказуемости (в частности, недооценкой их общественной опасности, чрезмерно заниженными санкциями); б) появлением в этой сфере новых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой защите, новых общественно опасных деяний, требующих уголовно-правовой борьбы с ними (в частности, было высказано предложение о включении в УК РФ отдельной нормы, устанавливающей ответственность за «морское браконьерство» («международное браконьерство») [2, 3, 4], о расширении перечня составов поставления в опасность [5]); в) заключением международных соглашений, в которых чувствует Россия (в частности, есть предложение преобразовать ч. 2 ст. 256 УК РФ в отдельную статью, а также расширить сферу ее действия и круг охраняемых

объектов, а именно: предусмотреть ответственность за незаконную добычу калана, китообразных, ластоногих и осетрообразных [6]).

К нерешенным проблемам стоит отнести также и то, что экологические отношения сегодня регулируются на основе множества федеральных законов. А эти акты, к сожалению, не являются совершенными, они зачастую противоречат друг другу, не соответствуют нормам УК РФ, содержат не ясные формулировки, создающие спорные правовые коллизии. Кроме того, множественность таких нормативных актов, описывающих содержание преступных нарушений охраны природы, не способствует их уяснению, правильному толкованию и применению. Страдает на сегодня в ряде случаев и законодательная техника. В частности, из-за перегруженности норм терминами, требующими разъяснений, из-за использования множества оценочных понятий и признаков, из-за отсутствия четких критериев разграничения смежных составов преступлений возникают сложности с применением рассматриваемых норм на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2002. № 2. – Ст. 133.
2. Плешаков А.М. Экологические преступления против мира и безопасности человечества // Государство и право. – 1994. № 7. – С. 90.
3. Раднаев В.М. Борьба с браконьерством: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. С. 147.
4. Дежурный А.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика браконьерства: по материалам Дальневосточного региона : дис. ... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2004. С. 8.
5. Дубовик О.Л. Предпосылки, основные итоги и перспективы развития реформы уголовно-экологического законодательства в России // Уголовная политика и право в эпоху перемен: материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С. Дагеля / науч. ред. проф. А.И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. С. 136–137.
6. Неудахина О.М. Проблемы уголовной ответственности за незаконную добычу водных животных и растений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. С. 17.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ДОГОВОРЫ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*А.И. Хаснутдинов**

Правовое регулирование отношений, связанных с транспортировкой грузов, за последние годы существенно изменилось, что обусловлено переходом от централизованно регулируемой экономики к рыночной. Развитие и совершенствование гражданского и транспортного законодательства в рассматриваемой сфере породило множество вопросов, разрешение которых представляет интерес как с точки зрения теории, так и практики. Некоторые из них получили освещение в юридической литературе последнего времени, однако о совпадении позиций цивилистов говорить не приходится. Прежде всего это касается понятия транспортных обязательств, которые в первом приближении могут быть определены как гражданско-правовые обязательства, опосредующие отношения в сфере оказания транспортных услуг. Из этого определения следует, что транспортные обязательства – понятие собирательное, включающее разнотипные обязательства с одним неперенным элементом – услугой, суть которой выражается в осуществлении деятельности по перемещению грузов и людей в пространстве. В юридической литературе правильно отмечалось, что транспортное обязательство не образует обособленного единого обязательственного типа, а представляет собой совокупность обязательств, охватывающую самостоятельные обязательственные типы и их разновидности [1]. Вместе с тем, по наличию указанного выше элемента в разряд транспортных должны быть отнесены все обязательства, опосредующие транспортную деятельность в любом её виде, несмотря на различия их конкретных экономических и юридических признаков. Основанием для их объединения и совместного рассмотрения в системе служит сфера применения и характер потребительной стоимости – услуги, т.е. работы, не получающей вещественного выражения. С позиции экономической теории всякая потребительная стоимость – товар, работа есть результат труда. Но если в первом случае порожденная трудом форма потребительной стоимости очевидна, она находит выражение в вещи, то во втором – процесс труда не отражается непосредственно в вещественном результате по причине его отсутствия, либо проявляется в нём лишь в конечном счёте. Вследствие этого в сферу правового регулирования попадает не только акт обмена результатами труда, но и сам процесс труда.

Особенность отношений, возникающих по поводу перевозок грузов, заключается в том, что собственно процессу перемещения грузов предшествует выполнение довольно значительной по объёму работы по подготовке продукции и товаров для отгрузки магистральным транспортом. В консенсуальном

* *Хаснутдинов Анвар Измайлович* – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института Академии Генеральной прокуратуры РФ. E-mail: ipkpr@irkmail.ru.

договоре перевозки указанные работы и операции выполняются в рамках договора. Например, подобным образом решается вопрос при заключении договора фрахтования судна, в котором находят закрепление такие обязанности сторон, выполнением которых обуславливается начало перевозки, как определение типа судна, подлежащего подаче, а иногда и с его номинированием (названием), места (причала), куда должно быть подано судно, времени подачи, места предъявления груза, количества и качественного состояния груза. Содержание организационных договоров с принятием нового Гражданского кодекса существенно не изменилось, но они приобрели иное значение, став единственным основанием возникновения обязательств по подаче подвижного состава под погрузку и предъявления груза к перевозке (ст. 798 ГК). Ранее считалось, что указанные обязательства имеют своим основанием план перевозок грузов, сформированный с учётом заявок грузоотправителей и возможностей транспортных организаций. В последующем они получали оформление в долгосрочных договорах (годовых, навигационных, специальных), названных организационными. С обновлением транспортного законодательства под этим названием долгосрочные договоры были включены в транспортные уставы и кодексы (УЖД, КТМ, КВВТ).

Появлению организационных договоров предшествовала длительная дискуссия на страницах изданий юридической литературы, в ходе которой были сформулированы выводы, суть которых, в основном, сводилась к следующему. Организующая роль внутренне присуща праву как регулятору общественных отношений. Одним из ведущих институтов, организующих взаимоотношения конкретных участников гражданского оборота, является договор. Значение организационных отношений на транспорте особенно велико, ибо перемещению груза предшествует длительный процесс его организации, начиная с согласования количества подлежащего перевозке груза, определения мест и времени погрузки и кончая определением условий и способов доставки и расчетов за оказанные услуги. При этом ввиду реального характера договора перевозки груза часть условий оказывается «за бортом» этого договора и нуждается в дополнительном согласовании. Это согласование и осуществляется в рамках долгосрочного договора в тех случаях, когда такие отношения складываются в связи с систематическими перевозками грузов одного клиента.

Таким образом, организационные отношения на транспорте можно условно разделить на две группы: складывающиеся на подготовительном этапе процесса доставки грузов, предшествующем заключению договора перевозки, и возникающие в момент заключения договора перевозки. В свою очередь, в первой группе могут быть выделены отношения по поводу совершения действий по обеспечению транспортировки (подача подвижного состава, предъявление груза к перевозке и т.п.) и определению некоторых условий оказания транспортных услуг (способов перевозки, сроков и пунктов доставки грузов и т.п.). Первые из названных отношений регулируются организационным договором, и соответствующие им условия составляют его содержание. Вторые также находят отражение в организационном договоре в виде его условий, которые, однако, трансформируются затем в условия договора перевозки конкретной партии груза. Они считаются включенными в договор перевозки грузов (п. 2 ст. 118 КТМ, п. 2 ст. 68 КВВТ). Следовательно, обсуждаемый договор призван организовать перевозки отдельных партий грузов и, в отличие от опосредующих

их договоров, имеющих реальный характер, является консенсуальным. Это послужило одной из причин, по которой ему было отказано в признании перевозочным договором, ибо в Основах гражданского законодательства 1961 г. и Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. договор перевозки груза, по общему мнению, был сформулирован как реальный.

В последнее время вновь стали обращаться к вопросу о правовой природе организационного договора, но уже в несколько ином аспекте. Интерес к нему был обусловлен включением в ГК РФ 1994 г. правил о предварительном договоре, к числу которых относят и долгосрочный организационный договор на транспорте. Так, было высказано мнение о том, что договоры об организации перевозок по правовой природе имеют признаки предварительного договора (ст. 429 ГК), поскольку заключение договора об организации перевозок не освобождает, а, наоборот, предполагает необходимость заключения соответствующего договора перевозки груза, ибо только такой договор обеспечивает реальное перемещение груза от пункта отправления до места назначения [2].

Однако такой взгляд на правовую природу долгосрочного организационного договора не разделяет В.В. Витрянский. Ссылаясь на высказывание Д.А. Медведева и В.Т. Смирнова о том, что «существенными условиями договора (об организации перевозок грузов – А.Х.) считаются объемы и сроки предоставления транспортных средств и предъявления грузов к перевозке, порядок расчетов сторон и пр.», автор замечает, что договор, «имеющий такие существенные условия, никак не может служить «организационной предпосылкой» иного договора (на перевозку конкретного груза). Скорее наоборот: именно реальный договор перевозки конкретного груза при наличии долгосрочного договора об организации перевозок, который заключается, как это предусмотрено ст. 798 ГК, при необходимости осуществления систематических перевозок грузов на основе постоянных взаимоотношений сторон, служит средством выполнения обязательств сторон, вытекающих из договора об организации перевозок» [3]. В конечном счете автор приходит к выводу о том, что «договор об организации перевозок стоит несоизмеримо выше, нежели договор перевозки конкретного груза, который по своему правовому значению представляет собой лишь облеченные в договорную форму действия сторон по исполнению договора об организации перевозок грузов». Поэтому вполне логичным (для него самого) выглядит вывод автора относительно правовой природы договора об организации перевозок: «модель предварительного договора никак не пригодна для объяснения правовой природы договора об организации перевозок грузов и его соотношения с реальным договором перевозки грузов» [3].

С таким мнением вряд ли можно согласиться. Во-первых, содержание договора об организации перевозок в полной мере соответствует требованиям п. 1 ст. 429 ГК, ибо оно сводится к формулированию условий, на которых будут оказываться услуги по основному договору. Особенность соотношения договора об организации перевозок как предварительного и реального договора перевозки видится в том, что первый является основанием для заключения не одного, а многочисленных реальных договоров перевозки, часть условий выполнения которых, «вынесенная за скобки», и составляет содержание организационного договора. Вопрос же о том, какой из обсуждаемых договоров

является основным (главным), на наш взгляд, не может решаться с учетом соотношения объемов прав и обязанностей, составляющих их содержание. Единственным критерием их «субординации» является характер опосредуемых действий. В реальном договоре перевозки – это перемещение груза в пространстве, т.е. предоставление транспортной услуги как формы потребительной стоимости. Это единственная «товарная» операция, ради которой заключаются оба обсуждаемых договора, поэтому в настоящее время возможность заключения предварительных (организационных) договоров предусматривается на всех видах транспорта, кроме воздушного. Исключение составляют также морские перевозки по договору фрахтования, при которых все вопросы организации предстоящей перевозки находят разрешение в рамках этого договора, почему он и конструируется как консенсуальный. Здесь надобность в заключении специального предварительного договора отсутствует. Это объясняется существенной спецификой морских перевозок по чартеру, обязанной своим происхождением традициям морского торгового судоходства. Что касается воздушного транспорта, то, как справедливо заметил В.В. Витрянский, маловероятность осуществления систематических перевозок грузов этим видом транспорта для одного клиента лишает актуальности применение здесь организационного договора.

По утверждению В.В. Витрянского, «форма реального договора перевозки груза (транспортная накладная) никак не может служить формой договора об организации перевозок грузов» [4], а это противоречит п. 2 ст. 429 ГК, согласно которому предварительный договор заключается в форме, установленной для основного договора. В этом он усматривает еще одну причину, по которой организационный договор не может быть квалифицирован как предварительный. Однако определяя требования к форме предварительного договора, законодатель имел в виду не конкретный документ (каким, например, является транспортная накладная), а один из трех возможных способов оформления отношений сторон, предусмотренных п. 1 ст. 158 ГК: сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной).

Это с очевидностью следует из редакции п. 2 ст. 429, на которую ссылается В.В. Витрянский. Полный текст этого пункта гласит: «Предварительный договор заключается в форме, установленной для основного договора, а если форма основного договора не установлена, то в *письменной форме* (курсив наш – А.Х.). Несоблюдение правил о форме предварительного договора влечёт его ничтожность». Можно спорить о том, одним документом оформляется договор перевозки грузов или несколькими (п. 2 ст. 434 ГК), но то, что законодатель в данном случае имеет в виду именно указанные три варианта, не вызывает сомнений. Это подтверждается и правилом п. 1 ст. 434 ГК, согласно которому «договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок, если законом для договоров данного вида не установлена определенная форма».

Таким образом, изложенный взгляд на природу организационного договора как предварительного в полной мере соответствует Гражданскому кодексу, определившему договор перевозки груза как реальный.

Попытка изменить соотношение между долгосрочным договором об организации перевозок и реальным договором перевозки, придав последнему

значение средства выполнения обязательств сторон, вытекающих из договора об организации перевозок, означает, по существу, придание организационному договору статуса договора перевозки, и приводит, тем самым, к размыванию этого понятия, дефиниция которого содержится в п. 1 ст. 785 ГК. Следование такой позиции, противоречащей действующему законодательству, может привести к обрушению сложившейся системы транспортных договоров, не давая взамен каких-либо ощутимых выгод.

В юридической литературе была предпринята попытка исследования системы организационных отношений на транспорте, опосредуемых гражданско-правовыми договорами. С.Ю. Морозов определяет организационные отношения через выполняемую ими функцию по организации имущественных отношений. Хотя с этим трудно поспорить, но подобное утверждение явно недостаточно для уяснения их сущности. Надо полагать, мы имеем дело с трансформацией административных правоотношений в гражданско-правовые, что можно рассматривать как проявление тенденции перехода на саморегулируемые, в самом широком смысле, начала. Ясно, что организационные отношения, попавшие в сферу гражданско-правового регулирования, обладают свойствами, позволяющими осуществить их перемещение в эту сферу. И это не только связь с имущественными отношениями, которая имела место и до трансформации.

Следует учитывать «предрасположенность» организационных отношений, существовавших до трансформации, по выражению О.А. Красавчикова, в чистом виде, к использованию для их регулирования гражданско-правовых методов. Не менее важно понять, каким должно быть соотношение организационных и имущественных элементов, позволяющее при достижении определенной критической массы первыми выделить их в относительно самостоятельный организационный договор. Игнорирование указанных условий может привести к искажению правовой природы некоторых транспортных договоров. Так, например, такие договоры, как договор на эксплуатацию подъездных путей или подачу и уборку вагонов, на централизованный завоз и (или) вывоз, будучи вспомогательными, могут попасть в число организационных без достаточных к тому оснований. Основным содержанием перечисленных договоров является совокупность прав и обязанностей, опосредующих осуществление подготовительных операций, обеспечивающих завязку перевозочного процесса. Нет необходимости доказывать, что по своей природе указанная совокупность имеет имущественный характер. Рассмотрение этих договоров в качестве элементов системы организационных договоров представляется ошибочным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романович А.Н. Транспортные правоотношения. – Минск, 1984. С. 29.
2. Гражданское право : учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х. Т. 2. Полутом 2. М., 2000. С. 31.
3. Витрянский В.В. Договор перевозки. – М., 2001. С. 256–257.
4. Морозов С.Ю. Система транспортных организационных договоров. – М., 2011. С. 258.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УГОНА (ЗАХВАТА) СУДНА ВОЗДУШНОГО, ВОДНОГО ТРАНСПОРТА ЛИБО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОДВИЖНОГО СОСТАВА

*Е.А. Князева**

Угон транспортного средства часто связан с такими преступными деяниями, как нарушение правил безопасности и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263 УК РФ); незаконное лишение свободы лиц, находящихся на борту судна (ст. 127 УК РФ). Поэтому подобные преступления самостоятельной квалификации не требуют. УК РФ позволяет правильно квалифицировать содеянное в случаях возникновения проблемных ситуаций. Так, угон воздушного судна по своим внешним признакам схож с нарушением правил международных полетов (ст. 271 УК). В соответствии со ст. 271 УК уголовно наказуемым является совершение полета с нарушением указанных в разрешениях маршрутов, мест посадки, высоты полета и т.д.

В ст. 79 Воздушного кодекса РФ под международным полетом понимается полет воздушного судна в воздушном пространстве более одного государства [2]. Установление РФ правил международных полетов связано с необходимостью обеспечения интересов внешней безопасности государства и охраны границ от несанкционированного пересечения, а также безопасности полетов на международных и внутренних авиалиниях.

Международные полеты воздушных судов выполняются на основе Международных договоров РФ или разрешений, выдаваемых в порядке, установленном Правительством РФ [2]. Совершение угона воздушного судна всегда сопряжено с нарушением правил международных полетов, особенно в тех случаях, когда виновный преследует своей целью совершить посадку угнанного самолета на территории другого государства. То есть виновный совершает вылет из РФ или влет в России без установленного разрешения [7]. По нашему мнению, состав преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ, полностью охватывает нарушение правил международных полетов, которые были допущены в связи с угонем воздушного судна за границу. Поэтому дополнительной квалификации указанное нарушение не требует.

В связи с тем, что угон воздушного судна является преступлением, представляющим повышенную общественную опасность, максимальное наказание за него определено законодателем в виде лишения свободы сроком до 15 лет (минимальное составляет четыре года лишения свободы). В то же время санкция за нарушение правил международных полетов в соответствии со ст. 271 УК РФ не предусматривает такой меры наказания, как лишение свободы, ограничиваясь лишь штрафом и арестом. Следовательно, в данном случае законодатель учёл возможность нарушения виновным лицом правил международных полетов как практически естественное следствие угона воздушных судов.

Часто возникают проблемы квалификации по ст. 211 УК РФ в части угона (захвата) судна водного транспорта, которое было совершено в открытом море.

* *Князева Екатерина Анатольевна* – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток. E-mail: ugpra@chair.dvgu.ru

Здесь можно говорить о нападении на судно, и основная проблема возникает в установлении цели такого нападения. Если цель – завладение чужим имуществом, то содеянное следует квалифицировать по ст. 227 УК РФ – пиратство. В случаях, когда цель нападения не установлена, квалификация действий должна осуществляться по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части ст. 211 УК РФ, то есть как покушение на угон судна.

Так, 25 ноября 2002 г. группа вооруженных лиц совершила нападение на экипаж судна РМС «Сангар», принадлежащего ООО «Регион» и приписанного к порту Корсаков Сахалинской области, во время его нахождения в экономической зоне Японии и пыталась установить контроль над ним посредством применения насилия. Экипажем судна действия нападавших были пресечены. Было установлено, что нападение на «Сангар» было связано с процессом раздела собственности, происходящим в ООО «Регион». Указанное нападение было квалифицировано транспортным прокурором Сахалинской области по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 211 УК РФ [5].

Угон судна воздушного или водного транспорта может быть связан с незаконным пересечением Государственной границы РФ. В случаях угона воздушного или водного судна с целью незаконного выезда из РФ или въезда в неё действия виновного лица следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 211, 322 УК РФ.

В связи с тем, что преступление, предусмотренное ст. 322 УК РФ, является менее тяжким по сравнению с угонем воздушного или водного судна, оно не может его поглотить. В то же время невозможно и обратное поглощение, так как два указанных деяния внутреннее не связаны. Следовательно, лицо, совершающее преступление, предусмотренное ст. 322 УК РФ, и избравшее в качестве способа выезда или въезда в страну угон судна, совершает деяние еще более тяжкое, которое требует самостоятельной уголовно-правовой оценки [6].

Часто в результате угона транспортного средства нарушаются правила безопасности движения и эксплуатации, что обусловлено его выходом из-под контроля служб управления, что может привести к авариям или катастрофам.

Таким образом, можно утверждать, что объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 211, 263 УК РФ, совпадает в тех случаях, когда нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта выражается в самом факте их угона. Состав угона по содержанию объективных признаков является специальным по отношению к составу преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ. В случае же конкуренции общей и специальной нормы действия виновного лица всегда квалифицируются по статье уголовного закона, предусматривающей специальный состав преступления [7]. Это означает, что захват судна либо состава работниками соответствующего вида транспорта в целях угона следует квалифицировать только по ст. 211 УК РФ, несмотря на то, что такие действия являются одновременно нарушением правил, предусмотренных ст. 263 УК РФ. Состав преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ, полностью включает в себя действия, которые нарушают установленный порядок движения и эксплуатации воздушного, водного или железнодорожного транспорта, и дополнительной квалификации по ст. 263 УК РФ не требует.

Совершение угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава с целью государственной измены, а равно в

случае совершения угона с целью незаконного пересечения Государственной границы, является способом совершения другого преступления. В данном случае – это акт предательства российского гражданина [3]. В указанном комментарии – совершение угона является способом совершения более тяжкого преступления. Таким образом, вопрос об уголовной ответственности за подобное деяние должен решаться по правилам квалификации при конкуренции части и целого: «... в тех случаях, когда норма, предусматривающая способ совершения преступления, находится в конкуренции с нормой, предусматривающей все преступления, должна применяться последняя норма» [4, с. 263].

Однако следует учитывать, что угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава является конвенционным, международным преступлением. РФ, являясь участницей Гагской конвенции, взяла на себя обязательства по соблюдению установлений этого международного договора и, в частности, как уже отмечалось выше, обязанность по наказанию лиц, совершивших угон гражданского воздушного судна. Таким образом, конвенционный характер перечисленных в данном случае действий по угону воздушного судна за границу с целью государственной измены является основанием для квалификации содеянного по совокупности преступлений – как государственная измена и угон.

Преамбула Гагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов устанавливает, что акт незаконного захвата или осуществления контроля над воздушным судном, находящимся в полете, угрожает безопасности лиц и имущества, серьёзно нарушает воздушное сообщение.

Захват воздушного судна считается проявлением терроризма по международному уголовному праву только в том случае, если место взлёта и место фактической посадки воздушного судна, на борту которого совершено преступление, находится вне пределов территории государства регистрации такого воздушного судна. При этом не имеет значения, совершало ли воздушное судно международный полет или полет на внутренних авиалиниях. То есть под действие Гагской конвенции подпадает ситуация, например, когда самолет выполняет внутренний рейс, но был угнан и приземлился на территории другого государства.

С другой стороны, под положения Гагской конвенции не подпадают ситуации, когда борт выполнял международный полёт, был захвачен, вылетел из страны регистрации, но самолет удалось посадить на территории этой же страны. Любой иностранный гражданский самолет, выполняющий рейс из России, в случае захвата и последующей посадки на территории России будет предметом действия данной Конвенции [1], как это было, например, в 1998 г. при попытке захвата самолета А-320 итальянской авиакомпании Alitalia, выполнявшего рейс Москва–Милан, но возвращённого в Шереметьево-2 [10]. Важно и время совершения данного деяния – оно считается преступным и подпадает под действие Гагской конвенции только в том случае, если воздушное судно находилось в состоянии полета.

Следующим составом преступления, с которым граничит угон и возникают трудности при квалификации, является террористический акт (ст. 205 УК). Как и угон (захват) судов, рассматриваемое преступление посягает на основы общественной безопасности и характеризуется прямым умыслом. Однако ст. 211 УК не устанавливает цель угона судна в качестве обязательного признака, в

отличие от ст. 205, в которой указана специальная цель – оказание воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. Состав преступления, предусмотренного ст. 211 УК, формальный. Преступление будет считаться оконченным с момента совершения указанных в диспозиции действий, и в этом случае для квалификации не требуется наличия опасности гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. В случае же совершения угона (захвата) с террористическими целями, при создании опасности гибели человека, причинения значительного ущерба либо наступления иных тяжких последствий рассматриваемое деяние необходимо квалифицировать по совокупности со ст. 205 УК РФ.

Угон (захват) воздушного или водного судна либо железнодорожного подвижного состава следует отграничивать от преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, – неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения. Основное отличие данного преступления от рассматриваемых нами видов угона состоит в том, что последнее отнесено законодателем к преступлениям против собственности.

Предметом посягательства по ст. 166 могут быть любые транспортные средства, за исключением тех, которые подпадают под понятия судов воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава. Особенность объективной стороны заключается в том, что не может квалифицироваться по ст. 166 УК самовольное использование транспортного средства лицом, которое использовало его в силу занимаемой должности (например, временное использование автомобиля закрепленным за ним шофёром). Статья 211 УК предусматривает ответственность за угон воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава представителем экипажа или непосредственно лицом, осуществляющим управление транспортным средством, то есть субъектами преступления могут быть и члены экипажа, которые имеют доступ к транспортному средству в связи с выполнением своих служебных обязанностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адельханян Р.А. Захват воздушных судов по международному уголовному праву // Законность. 2002. № 10. С. 27.
2. Воздушный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2011 г.) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.
3. Комментарий к уголовному кодексу РФ / под ред. В.В. Мозякова. – М. : ЮРИСТЪ, 2003. – 1039 с.
4. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации. – М. : Юридическая литература, 1972. – 352 с.
5. Нагаева Т.И. Пиратство как вид преступного деяния (историко-правовой аспект) // История государства и права. 2010. № 10. С. 9–15.
6. Узденов А.И. Угон транспортного средства по уголовному законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Ростов н/Д. 2008. 220 с.
7. Хомич В.М. Уголовная ответственность за угон транспортных средств. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1982. – 96 с.

К РАЗРАБОТКЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА

*В.Г. Нестолый, А.И. Хаснутдинов**

Вспомогательным договором мы называем двух- или многостороннюю сделку, исполнение по которой само по себе не приводит к возникновению новой потребительской стоимости в её вещественном выражении и лишено всякого смысла вне деятельности по исполнению основного (стержневого, базисного) обязательства. Настоящее определение вспомогательного договора разработано применительно к вспомогательным договорам на транспорте [1], но представляется возможным определить так и иные договоры, неразрывно связанные с исполнением обязательств, опосредующих всякую производственную деятельность, например по капитальному строительству или снабжению энергией и энергетическими ресурсами [2, 3]. Дальнейшая проработка вопроса о вспомогательных договорах приведет к результатам, которые будут возможны к использованию в правотворчестве и коммерческой (хозяйственной) практике.

Договор буксировки. В литературе встречаются не совсем верные представления о вспомогательных договорах. В частности, В.А. Белов, на наш взгляд, обоснованно относит вспомогательные договоры к числу предпринимательских (коммерческих) сделок и советует обращаться в их поиске к специальным законам (транспортным кодексам). Если ему следовать, то к числу вспомогательных придется отнести договор буксировки (п. 1 ст. 88 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ, ред. 25.06. 2012) [4]. И действительно, автор называет договор буксировки вспомогательным договором, объединяя буксировку в одну группу с «настоящими» вспомогательными договорами (договоры об аренде транспортных терминалов, аренде подъездных путей, на подачу и уборку вагонов и т. д.) [5].

Между тем договор буксировки относится к базисным (стержневым) договорам в экономике, опосредует производственную деятельность по перемещению материальных объектов, в том числе на значительные расстояния [2]. Себестоимость буксировки значительно ниже речных, морских и, тем более, железнодорожных перевозок [6]. Суждение об отнесении договора буксировки к числу вспомогательных можно признать верным лишь в отношении договора портовой буксировки (ст. 225 Кодекса торгового мореплавания РФ, ред. 23.04.2012 [7]). Технологические операции по вводу судна (плавучего объекта) в порт или выводу из порта, выполнению маневров на акватории, опосредуемые договором портовой буксировки, действительно вспомогательные операции, они имеют смысл лишь в связи со всей производственной деятельностью порта или плаванием судна. Таким образом, не все договоры, указанные в специальных законах (кодексах), есть вспомогательные договоры. Морская буксировка (ст. 225 КТМ) или речная буксировка (ч. 1 п. 1 ст. 88 КВВТ) не могут

* *Нестолый Вячеслав Геннадьевич* – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Иркутского юридического института (филиала) РПА Министерства юстиции РФ.

Хаснутдинов Анвар Измайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института Академии Генеральной прокуратуры РФ. E-mail: ipkpr@irmail.ru

рассматриваться как вспомогательные, поскольку исполнение обязательств по данным договорам приводит к достижению самостоятельной хозяйственной цели заказчика – перемещению объекта в пункт назначения.

Вполне вероятно, что В.А. Белов, квалифицируя буксировку как вспомогательный договор, подразумевает под ней только портовую буксировку, исходя из возможной реализации предложения М.И. Брагинского о том, что следует уложить любые способы буксировки в рамки договора перевозки груза [8]. Очевидно, что портовая буксировка не может рассматриваться как перевозка, ведь маневрирование может вестись не для доставки плавучего объекта в пункт назначения, а с целью его временного перемещения для освобождения прохода другому плавучему объекту. Поэтому «уложить» портовую буксировку в рамки договора перевозки априори не представляется возможным. По всей видимости, невозможность регламентировать операции по буксировке с помощью договора перевозки станет очевидной лишь после того, как законодатель «уложит» буксировку на «прокрустово ложе» перевозки. Обособление институтов перевозки и буксировки отражает то обстоятельство, что технологически операции по перевозке и буксировке отличаются друг от друга, желание же объединить в рамках одного института перевозку и буксировку можно объяснить лишь стремлением к упрощению закрепленных в законе договорных форм, опосредующих производственную деятельность. Это приведёт, в свою очередь, лишь к осложнениям в правоприменении.

Договор транспортной экспедиции. Вспомогательные договоры могут находить свою нормировку не только в специальном, но и в общем гражданском законодательстве. Например, конструкция договора транспортной экспедиции зафиксирована в ст. 801 Гражданского кодекса РФ [9]. В.В. Витрянский, характеризуя транспортную экспедицию, пишет: «...обязательства по транспортной экспедиции направлены на обеспечение перевозки груза и на организацию такого обеспечения» [10], подчеркивая тем самым вспомогательный характер экспедиции по отношению к договору перевозки. Вместе с тем автор говорит об одном исключении «из общего правила о подчинённом, вспомогательном характере договора транспортной экспедиции по отношению к договору перевозки, когда указанные договоры меняются местами, а правовая природа связи транспортной экспедиции и перевозки грузов определяется тем, что уже перевозка грузов обеспечивает выполнение обязательств, вытекающих из договора транспортной экспедиции». По мнению В.В. Витрянского, договор транспортной экспедиции становится основным, а договор перевозки вспомогательным, когда экспедитор принимает на себя обязанность организовать перевозку груза транспортом и по маршруту, избранному экспедитором и клиентом (п. 1 ст. 801 ГК). В этом случае, как пишет автор, заключение необходимых для перевозки груза договоров является лишь действием, направленным на исполнение основного обязательства, вытекающего из договора транспортной экспедиции [10].

Действительно, деятельность экспедитора оплачивает клиент на основании договора транспортной экспедиции, и потому для экспедитора этот договор, как это внешне кажется, является основным. По аналогии для агента, осуществляющего продажу билетов пассажирам, основной и единственной заботой является именно продажа билетов, а не исполнение договоров перевозки пассажира. Однако без перевозчика деятельность по продаже билетов не имеет

смысла. В действительности, основой деятельности экспедитора являются не договоры с клиентами, основой деятельности экспедитора является правовая или иная связь между экспедитором и перевозчиком, в силу которой перевозчик принимает и выдает грузы экспедитору, и для клиента выгоднее не вступать в переговоры непосредственно с перевозчиком, а обратиться к услугам экспедитора. Главное для экспедитора — его место в системе организаций, оказывающих услуги магистральному перевозчику по поиску клиентуры, так же как для работника конторы, являющейся структурным подразделением перевозчика, главное — это трудовой договор, обеспечивающий ему место в конторе, в силу которого он получает возможность вести переговоры с пассажирами и выполнять для них всякого рода работы (оказывать услуги). Экспедитор может выступать не только агентом услугополучателей, осуществляя доставку грузов до транспортной организации и заключая с ней договоры перевозки от имени клиента или собственного имени. Экспедитор может являться и агентом (маклером) перевозчика, занимаясь поиском клиентов, нуждающихся в услугах перевозчика.

В системе договоров, опосредующих деятельность в сфере транспорта, договоры с экспедитором действительно занимают центральное место, если существует множество конкурирующих между собой перевозчиков, нуждающихся в заказах на перевозку грузов, и у экспедитора есть выбор, какому перевозчику адресовать поступивший заказ. При этом грузоотправители и перевозчики должны быть лишены фактической возможности непосредственно заключать между собой договоры, либо должен быть установлен юридический запрет на заключение договоров перевозки без участия экспедитора (посредника). Но даже в этом случае договор с экспедитором о доставке груза «от двери до двери» не будет означать трансформации вспомогательного договора транспортной экспедиции, направленного на организацию обеспечения перевозки груза, в базисный договор, опосредующий производственную деятельность транспортной организации.

Посредничество на рынке перевозок возможно лишь в силу того, что существует производственная транспортная система и основной для клиента является деятельность перевозчика, а не деятельность экспедитора-посредника (агента, маклера). Для турагентства основной является деятельность по продаже путевок, но никто из клиентов не скажет, что его цель — приобретение путевки, а не отдых. Если экспедиционная деятельность является для агента основной деятельностью, то ее основа есть не договор транспортной экспедиции с клиентом, а правовая или иная связь экспедитора с перевозчиком. Нет этой связи, нет и основной деятельности. Этот момент является важным. Исполнение договоров, заключаемых с клиентами, возможно лишь в силу связи экспедитора и перевозчика. Длительное исполнение многих договоров возможно лишь тогда, когда связь экспедитора и перевозчика имеет устойчивый характер, например, в силу того, что перевозчик осуществляет контроль над капиталом экспедитора и присваивает прибыль от его деятельности.

«Между перевозчиком и услугодателем во вспомогательном договоре существует правовая связь: либо административно-правовая, если услугодатель входит в систему транспорта ..., либо гражданско-правовая (договорная), когда услугодатель по вспомогательному договору, в свою очередь, состоит в договорных отношениях с перевозчиком по поводу завоза и сдачи к перевозке грузов,

принадлежащих своей клиентуре» [1]. Договорная связь носит устойчивый, длительный характер, когда она базируется на связи корпоративной, договор опосредует технологические процессы взаимодействия между работниками экспедитора и транспортной организации, а корпоративная связь определяет интерес перевозчика к продолжению (продлонгированию) этого договора во времени.

«Соотношение договора транспортной экспедиции и договора перевозки может изменяться в зависимости от того, как сконструирован договор транспортной экспедиции и каким содержанием стороны наполнили обязательства, вытекающие из этого договора», — пишет В.В. Витрянский, полагая возможным отказ от концепции «вспомогательного» и «основного» договора. В подтверждение своих выводов автор ссылается на ситуацию, когда договор перевозки груза полностью «поглощается» договором транспортной экспедиции, в котором экспедитор принимает на себя обязательство доставить своими силами и средствами груз в пункт назначения и выдать его грузополучателям [10]. Подобное действительно имеет место, но по своему содержанию данное обязательство уже не является экспедиционным. Экспедитор здесь выступает в роли перевозчика, даже если стороны и назовут документ, оформляющий их отношения, договором транспортной экспедиции. «Форма, — правильно говорит в связи с этим Н.Н. Тютрина, — не может довлеть над содержанием, сутью которого является комплекс дополнительных (подсобных) по отношению к перевозке операций. Юридическая форма не может изменить это соотношение» [2].

Когда утверждают, что договор транспортной экспедиции в настоящее время является основным, а договор перевозки всего лишь вспомогательный ему, то в действительности говорят не о юридических формах, а о характере той технологической связи, которая существует между экспедитором и перевозчиком. Это хорошо видно из заявлений о том, что экспедиторов следует наделить «правом принятия решений, обязательных для всех участников транспортного процесса (отправителя, получателя, перевозчика, клиента)», о том, что таможенные органы должны подчиняться экспедиторам: «Регламент работы экспедитора должен регулировать и работу таможенных органов, осуществляющих пропуск грузов через таможенную границу» [11]. Но даже тогда, когда перевозчик зависим от экспедитора, главное — его способность осуществить перевозку, а не услуги по управлению перевозочной операцией. Представления о том, что главное — это организация рационального производственного процесса движения груза от поставщика к потребителю, а не сам производственный процесс, отражают то обстоятельство, что в советском прошлом не уделяли рационализации производственных процессов необходимого внимания или ставили во главу угла не рационализацию, а достижение плановых показателей по грузообороту. Но если нет транспортных производственных систем, нет базы для логистических операций, то нет и организации управления транспортными процессами, нет логистики, нет и самого экспедитора.

Перспективы. Договор транспортной экспедиции, будучи самостоятельным типом договора, так же как и договор буксировки, нашел свое формальное закрепление не в транспортных кодексах, как буксировка, а в общем гражданском законодательстве. Почему базисный (стержневой, магистральный) договор буксировки нормируется в специальном законодательстве, а вспомогательный

договор транспортной экспедиции – в Гражданском кодексе? Потому что конструкция вспомогательного договора транспортной экспедиции имеет общее значение для всего транспорта, а не только для технологических операций на море и воде.

Представляется правильным подразделить все договоры в электроэнергетике на базовые и вспомогательные, признав договоры, опосредующие производственную деятельность, базовыми, а договоры об организации производственной деятельности, об обеспечении энергетических систем денежными средствами (купли-продажи электроэнергии) – вспомогательными договорами [3]. К числу вспомогательных, на наш взгляд, относится и договор, опосредующий привлечение денежных средств граждан и юридических лиц для гражданского строительства (строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости) [12]. Этот договор является вспомогательным по отношению к договору строительного подряда (ст. 740 ГК). К числу вспомогательных относятся и двух- и многосторонние предварительные договоры (ст. 429 ГК), получившие значительное распространение, поскольку лица, заказывающие строительство производственных мощностей, желают получить гарантии того, что запущенные мощности будут загружены заказами потребителей и произведенные затраты окупятся. Поэтому заказчик строительства заблаговременно спешит заключить единый предварительный договор со всеми потенциальными потребителями или ряд договоров с каждым будущим потребителем.

Представляется необходимым зафиксировать дефиницию вспомогательного договора в Гражданском кодексе РФ так, чтобы споры по вспомогательным договорам рассматривались в специализированных судах по экономическим спорам. Сегодня вопрос о разграничении подведомственности между общими и арбитражными судами является одним из самых острых. Подведомственность есть свойство гражданского дела, которое с необходимостью влечет за собой рассмотрение данного дела в том или ином судебном ведомстве. Это свойство безуспешно пытаются найти во внешних признаках гражданских дел, подведомственных арбитражным судам (объектный и субъектный критерии). Следует установить круг договоров, опосредующих производственную деятельность, и совместно с иными сделками, коммерческими по своей природе (таковы вексельные сделки, сделки с иными ценными бумагами), отнести к подведомственности арбитражных судов. В отношении вспомогательных договоров необходимо установить правило о том, что все споры по договорам, вспомогательным по отношению к коммерческим (хозяйственным) договорам и односторонним сделкам, подведомственны арбитражному суду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хаснутдинов А.И. Вспомогательные договоры на транспорте : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12. 00. 03. – Томск, 1995. С. 6, 8.
2. Тютрина Н.Н. Транспортные обязательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12. 00. 03. – М., 2005. – 28 с.
3. Нестолый В.Г. Гражданско-правовые формы снабжения электроэнергией по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12. 00. 03. – Иркутск, 2011. 25 с.

4. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации : федер. закон от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.
5. Белов В.А. Очерк 2. Дуализм частного права // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. — М., 2009. С. 84. (Примечание № 3).
6. Казьмина Г.Г. Договор буксировки на речном транспорте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12. 00. 03. — Свердловск, 1987. С. 7, 1.
7. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации : федер. закон от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // СЗ РФ. 1999. Ст. 2207.
8. Брагинский М.И. Договор буксировки // Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга четвертая: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. — М., 2003. С. 549.
9. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
10. Витрянский В.В. Договор транспортной экспедиции // Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга четвертая: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. — М., 2003. С. 652.
11. Динека А.В. Особенности гражданско-правового регулирования транспортной экспедиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12. 00. 03. — М., 2009. С. 10.
12. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. 28. 11. 2011) // Рос. газета. 2004. 31 дек.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРВОГО ОПЫТА УЧРЕЖДЕНИЯ КОНСТИТУЦИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТИПА В РОССИИ И КИТАЕ

*В.В. Сонин**

Вступая в XX веке в социалистический этап своего развития, Россия и Китай приняли соответственно конституции 1918 г. и 1954 г., что имеет важное значение, так как именно тогда оба государства впервые успешно продемонстрировали значение народного суверенитета, заложив основы социалистического типа конституции. Схожесть двух учредительных процессов обуславливается: активной политической борьбой, в которой проходило принятие конституций, отсутствием сложившихся учредительных институтов (в отличие от, например, хронологически более близкого, но проходившего в иных условиях принятия Конституции СССР 1936 г.). Наряду с позитивными результатами, эти два акта конституционного правотворчества породили ряд проблем, с которыми ученые сталкиваются до сих пор. Каковы различия в порядке принятия буржуазных и социалистических конституций, каковы особенности учредительной власти и учредительных органов при социализме? И, наконец, какой момент можно считать «конституционным моментом» в двух указанных случаях?

Конституция РСФСР 1918 г. Данная Конституция стала первой в мире социалистической конституцией. Процедуры ее разработки и принятия заложили определенные стандарты для последующих социалистических конституций в СССР и других странах. Процесс её принятия конструировался на абсолютно новой теоретической основе и системе ценностей, что предопределяет важность установления специфики данного процесса по сравнению с западными моделями учредительной власти.

Слабость и ряд допущенных Временным правительством политических просчетов привели к его падению в результате Октябрьской революции 1917 г. В результате – к власти пришло социалистическое правительство под руководством большевиков. Правительство Ленина хотя и не отказалось от созыва Учредительного собрания (УС), но по мере укрепления авторитета советов изменяло свою позицию относительно его природы и полномочий. До 1917 г. большевики считали УС оптимальным способом разрешения вопроса о власти. Затем Ленин в «Апрельских тезисах» выдвинул идею о новом типе государства – республике Советов, одновременно указав, что революция и жизнь отодвинули УС на второй план [1].

В 1917 г. Ленин не считал возможным передать решение вопроса о государственной власти УС, он был против его упразднения, выдвинув тезис о республике Советов с временным сохранением УС. Ленин подчеркивал, что интересы социалистической революции выше законных полномочий УС, выше

* *Сонин Вадим Вадимович* – докторант университета Цинхуа (Пекин, КНР). E-mail: sonin_vv@dvfu.edu.ru

доводов формального права. 3 января 1918 г., перед открытием УС, ВЦИК в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» провозгласил принадлежность государственной власти трудящимся массам и сформированным из их представителей советам, установив что УС является одним из органов советского государства и должно признать неограниченную власть советов. Только при этих условиях УС может участвовать в решении основополагающих вопросов социалистического строительства. Фактически Ленин сделал в адрес Учредительного собрания «последнее предупреждение», оставшееся проигнорированным. 6 января УС было распущено по указанию ВЦИК, на чем и завершился короткий период буржуазного конституционного движения, Россия вступила в эпоху социалистической конституции.

Вышеупомянутая «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» стала не только программным документом ленинского правительства, адресованным УС, но также с 7 января по 10 июля 1918 г. играла роль конституции, получившей наименование «Малой конституции РСФСР» [1]. В 1918 г. Советская власть уже имела на своем счету некоторые успехи; изменения в социальной структуре, государственном аппарате и иных сферах требовали обобщения в конституционном акте. Однако ввиду того, что целый ряд преобразований еще не был завершен, система местных советов не была сформирована, а международная обстановка оставалась чрезвычайно тяжелой, ленинское правительство не находило возможным принять полноценную конституцию. В конечном итоге было принято решение разработать и принять «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», первоначальный вариант которой был составлен лично В.И. Лениным, а затем был передан на рассмотрение и утверждение ВЦИК и Съезда Советов.

Всероссийский съезд советов в качестве единственного высшего органа государственной власти коренным образом отличался от парламента в системе разделения властей. Съезд Советов обладал всей полнотой государственной власти (в том числе и полномочиями по учреждению конституции), вследствие этого в социалистическом государстве отсутствует понятие специального учредительного органа. В рамках западной учредительной теории учредительная власть рассматривается как часть или продолжение народного суверенитета, в социалистической же теории учредительная власть была «национализирована» и обращена в один из видов государственной власти. Этим обусловлены значительные различия между Съездом Советов и прежним Учредительным собранием.

В апреле 1918 г. ВЦИК организовал комиссию по подготовке конституции во главе с Я.М. Свердловым. Большинство членов комиссии принадлежали к РКП(б), из числа других партий в работе над конституцией участвовали только представители эсеров. Всего комиссией было обсуждено четыре проекта конституции, в том числе два проекта, предложенных эсерами, были отклонены, из двух проектов, выдвинутых большевиками, поддержку комиссии получил проект И.В. Сталина. Кроме того, отдельный проект конституции был разработан наркоматом юстиции. Проекты комиссии ВЦИК и Наркомюста поступили на рассмотрение ЦК РКП(б), по результатам которого проект комиссии по подготовке конституции был рекомендован к представлению Съезду для утверждения. 10 июля 1918 г. проект конституции, подготовленный

ВЦИК, был принят пятым Всероссийским Съездом Советов. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» была полностью включена в текст Конституции 1918 г.

Процесс разработки и принятия Конституции РСФСР 1918 г. отчетливо продемонстрировал специфику социалистической учредительной теории, в том числе определяющую роль правящей партии, «национализацию» учредительной власти, осуществление учредительной власти высшим органом государственной власти. Процедуры принятия первой в мире социалистической конституции заложили стандарты для принятия последующих конституций социалистических государств, а также оказали значительное влияние на конституционное развитие ряда стран Восточной Европы в постсоциалистический период.

Разработка и принятие Конституции КНР 1954 г. Коммунистический режим, установившийся к 1949 г. на территории материкового Китая, отказался от преемственности с предыдущими режимами Цинской монархии и Китайской Республики в качестве основания собственной легитимности; объявил об утрате гоминьдановским правительством доверия народа; провозгласил Конституцию Китайской Республики 1946 г. не имеющей юридической силы. Согласно стратегии Коммунистической партии Китая (КПК), легитимность новой власти должна была основываться непосредственно на народном волеизъявлении. Учредительный процесс начался в КНР в 1949 г. и проходил при участии Народного политического консультативного совета Китая (НПККСК) и Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). В целом данный процесс начался с момента образования КНР 1 октября 1949 г. и прошел два этапа: подготовительный этап и этап принятия Конституции 1954 г. Несмотря на противостояние КПК и Гоминьдан, КПК не оказалась в политической изоляции и привлекла к работе над конституцией ряд демократических партий и организаций. Это, с одной стороны, укрепило легитимность режима, с другой — уменьшило негативное воздействие однопартийного режима на формирование конституционных документов.

С 21 по 30 сентября 1949 г. в Бэйпине состоялось первое заседание НПККСК первого созыва, в котором приняло участие 585 представителей от 45 организаций (14 партий и движений, 9 районов, 6 армейских подразделений и 16 иных организаций) [3]. Было объявлено, что НПККСК временно осуществляет функции ВСНП до его созыва, а также провозглашено создание Китайской Народной Республики.

29 сентября НПККСК принял «Общую программу НПККСК» и закон «Об организации центрального правительства» [3, с. 208]. В «Общей программе» была закреплена природа и формы организации государственной власти КНР, порядок организации вооруженных сил, экономическая, культурная, национальная и внешняя политика, утвержден принцип народного суверенитета [4, с. 282].

Чень Дуаньхун назвал «Общую программу» первой китайской конституцией, хотя процесс ее принятия и принявший орган обнаруживают серьезные расхождения с общей практикой осуществления учредительной власти. Во-первых, члены НПККСК были не избраны на всеобщих выборах, но делегированы рядом организаций, что не позволяет основывать его легитимность непосредственно на народном волеизъявлении. Цзи Поминь указывает, что НПККСК представлял собой «масштабное собрание, в котором не участвовали контрреволюционные элементы, но которое представляло все силы китайского народа, в том числе

перешедших на сторону революции из контрреволюционного лагеря демократов-патриотов». «Хотя НПКСК и отличался от ВСНП, однако фактически приобрел качество всенародного представительного органа» [5].

По нашему мнению, данные утверждения находятся в противоречии друг с другом, так как в отсутствие части политических сил, даже контрреволюционной направленности, НПКСК не мог считаться собранием сил всего китайского политического спектра. Однако, с политической точки зрения, в подконтрольном коммунистам НПКСК были представлены определенные демократические силы. Поэтому можно считать, что НПКСК 1949 г. — это ленинский идеал Учредительного собрания 1918 г.

В 1953 г. в рамках подготовки принятия конституции начался процесс выборов в ВСНП. В соответствии с законом 1953 г. «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей всех уровней» все граждане КНР, достигшие восемнадцатилетнего возраста, независимо от национальной, половой, профессиональной принадлежности, религиозных убеждений и т.д., обладали правом избирать и быть избранными. Тем не менее, в соответствии с законом избирательных прав были лишены: душевнобольные; землевладельцы и контрреволюционные элементы, не изменившие своей социально-политической принадлежности [6].

В результате подготовительной работы к 24 августа в 25 провинциях, автономном районе Внутренняя Монголия, 14 городах центрального подчинения были проведены выборы в собрания народных представителей, а также были избраны представители в ВСНП. Отдельные районы, в том числе Тибет, не избрали, но делегировали своих представителей в ВСНП. Нормы представительства были установлены следующим образом: 1 депутат от 800 тыс. человек для провинций и 1 депутат от 100 тыс. человек для городов центрального подчинения и городов провинциального подчинения с населением более 500 тыс. человек. Всего по территориальному принципу в ВСНП было избрано 1136 представителей, 60 представителей были избраны от вооруженных сил, а также 30 представителей от зарубежной диаспоры.

Сразу после открытия ВСНП приступило к рассмотрению выдвинутого ЦК КПК и Народным советом Китая проекта конституции; после длительного обсуждения и внесения поправок Конституция КНР была принята единогласно. Конституция 1954 г. наметила цели и задачи переходного периода, закрепила институт собраний народных представителей, сформировала систему органов власти, управления, правосудия и контроля. Конституция КНР 1954 г. стала первой китайской конституцией социалистического типа, но не социалистической конституцией в полном смысле, она явилась конституцией переходного периода [4, с. 290].

Процесс разработки и принятия Конституции КНР 1954 г. продемонстрировал специфику социалистического подхода к учреждению конституции, в том числе решающую роль правящей партии, сосредоточение учредительной власти в руках высшего органа государственной власти, «национализацию» учредительной власти. С другой стороны, в сравнении с Конституцией РСФСР 1918 г., первая китайская конституция социалистического типа отразила развитие теории и практики социалистического учредительства. Конституция и выборы превратились (по крайней мере, формально) в определенную ценность в рамках правовой системы социализма. В процессе принятия первой кон-

ституции КНР было реализовано межпартийное сотрудничество; хотя данный межпартийный диалог был, по выражению И.В. Сталина, «милостью» по отношению к другим партиям, он, по крайней мере, сохранил возможность для многопартийной политической деятельности.

Учредительная власть: динамизм и легитимность конституции. Принятые Конституции РСФСР и КНР впервые обозначили народ в качестве источника легитимности власти. Однако за финальным конституционным моментом принятия конституций скрывается достаточно длительный «конституционный период», включающий подготовку многочисленных документов. Указанные «конституционные периоды» начались с момента создания соответственно РСФСР и КНР и завершились в момент принятия конституций. По нашему мнению, категория «конституционный период» («учредительный период») больше подходит для отображения процесса учреждения конституции и связанных с этим вопросов конституционно-правовой теории.

Оба описанных учредительных процесса несут на себе зримые приметы социализма, принципиально отличаясь от предшествовавшей и последующей западной учредительной практики. Социалистическая теория учредительства восприняла радикальную трактовку народного суверенитета, отказалась от разделения властей и обособления учредительной власти, сконструировав единый высший орган государственной власти и наделив его полномочиями по учреждению конституции. Напротив, западная конституционная теория исходит из того, что учредительная власть реализуется в условиях отсутствия государственной власти или, по крайней мере, независимо от нее; поэтому учредительная власть не может считаться одним из видов власти государственной. Исходя из этого, процесс учреждения конституции на Западе предполагает созыв учредительного собрания, отдельного от всего государственного механизма, тогда как социалистическая теория «национализировала» учредительную власть и не видит необходимости в специальном учредительном органе. Фактически в процессе учреждения конституции при социализме не существует учредительной власти и учредительного органа как таковых, имеет место лишь функция (полномочие) высшего органа государственной власти по учреждению конституции. Более того, история конституционализма на Западе демонстрирует множество случаев совпадения моментов учреждения конституции и основания государства, составляющих норму, согласно которой момент учреждения конституции и есть момент создания государства, поэтому учредительное собрание (конвент) учреждает не только конституцию, но и государство. Вне западной конституционной традиции (в том числе при социализме) существо вопроса о государстве, вопроса о власти лежит вне конституции и решается прежде ее принятия; конституция служит лишь ретроспективным и формальным закреплением достигнутого политического состояния. Поэтому при социализме учредительная власть, национализованная и контролируемая правящей партией, опирается на уже существующее государство и государственный механизм.

Кроме того, в марксистской трактовке сущности права динамизму конституции придается приоритетное значение по сравнению с ее стабильностью, что является одной из причин частоты принятия и изменения конституций в социалистических государствах. Подробное регулирование экономической основы государства и многочисленные программные положения предподре-

деляют необходимость регулярного внесения изменений в социалистические конституции. Это также привело к превращению конституции из договора между государством и обществом фактически во внутренний документ государственной администрации. Иными словами, социалистическая конституция для достижения необходимого уровня динамизма пожертвовала частью собственной легитимности. В сравнении с этим, формирование специализированных учредительных органов в западной конституционной традиции было обусловлено именно стремлением усложнить процесс принятия и изменения конституции, гарантировать ее стабильность.

«Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и «Общая программа НПКСК» в качестве провозвестниц конституций 1918 и 1954 г. также сыграли важную роль, поэтому первая из них удостоилась у современников наименования «малой конституции». В этой связи следует отметить: предшествовавшую французской конституции 1791 г. «Декларацию прав человека и гражданина»; Союзный договор СССР, предварявший Конституцию СССР 1924 г.; китайские Временную конституцию 1911 г. и Временную конституцию для периода политической опеки 1931 г., а также ряд других актов конституционного характера.

По нашему мнению, сущность и функции этого типа конституционных документов до настоящего времени не получили должного внимания в научной литературе, хотя временные и подготовительные конституционные акты не только важны сами по себе, но и составляют значимый компонент процесса учреждения конституции. Момент принятия конституционных документов подготовительного характера приближается к моменту основания государства, а их основной задачей является обеспечение государственной целостности и решение иных безотлагательных конституционно-правовых вопросов до принятия конституции (например, права человека в 1789 г. во Франции, единство государства в 1992 г. в России и т.д.).

В унитарных государствах принятие таких документов требует консолидации классов, общественных организаций и политических партий, тогда как федеративные государства заручаются также поддержкой субъектов федерации. Подготовительные конституционные документы зачастую принимаются в чрезвычайных обстоятельствах, что нередко причиняет известный урон их легитимности, в том числе и за счет использования процедур, не вполне отвечающих стандартам правового государства. Наконец, при принятии конституции подготовительные конституционные документы служат идеологической основой проектируемых конституционных текстов, а в ряде случаев включаются в текст конституции, либо, по выражению профессора Гао Цюаньси, составляют единый корпус конституционных актов [2].

В целом необходимо отметить, что вопросы, поставленные в процессе принятия первых конституций РСФСР и КНР, актуальны и по сей день, предоставляя пищу для размышлений современным исследователям конституционного права. К примеру, при разработке перспективного конституционного закона «О Конституционном Собрании РФ» будет нелишним учесть уроки и опыт социалистической эпохи. Только анализ с новых теоретических позиций учредительного опыта социализма позволит обнаружить и по достоинству оценить достижения нового российского конституционализма. Несомненно, что

и китайские ученые-конституционалисты заинтересованы в переосмыслении социалистического опыта учреждения конституции с учетом новых теоретических подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Портнов В.П., Славин М.М. Этапы развития советской конституции. — М. : Изд-во «Наука», 1982. С. 29.
2. Гао Цюаньси. Момент учреждения конституции. — Гуйлинь : Изд-во Педагогического университета Гуанси, 2012. С. 12.
3. Лу Дэшэн. Очерк истории китайского конституционализма. — Пекин : Китайское изд-во «Чанань», 2004. С. 207.
4. Сюй Сянминь. История китайского конституционализма. — Циндао : Издательство Морского университета Циндао, 2002. С. 280.
5. Цзи Поминь. Конституционализм и фундамент государства. — Гонконг : Изд-во «Дафэн», 2007. С. 38.
6. Хань Даюань. Конституция 1954 г. и китайский конституционализм. — Чанша : Хунаньское народное изд-во, 2004. С. 150.

РУССКИЕ УЧЁНЫЕ О ПОЛИТИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ТИХОГО ОКЕАНА

*В.В. Постников**

Развитие российского Дальнего Востока (РДВ) — важнейшее направление современной государственной политики, что обуславливает необходимость идеологического обеспечения процесса формирования позитивного представления у населения России о значении Тихоокеанского региона для развития страны. В этой связи важны идеи и аргументы крупнейших учёных прошлого относительно важности Тихоокеанского региона для России на современном этапе.

Научная мысль XVIII–XIX вв. Первые научно-практические сведения о тихоокеанском побережье Азии русские получили в XVII в., когда Россия ещё не представляла себя реалистично на карте мира и не придавала большого значения морской политике.

Корень идей о закреплении на Тихом океане находится в имперской идеологии Петра I, считавшего, что России необходимо развивать морское могущество — путь к участию в международной политике и экономической, культурной жизни. Главными для Петра I были балтийское и черноморское направления развития морских сил, общение с Европой. Тихоокеанское направление оказалось второстепенным, но оставалось в поле зрения власти. Основным событием тихоокеанской политики в то время стала организация камчатских экспедиций (1725–1742 гг.), в ходе которых были основаны Охотский порт, Петропавловск-Камчатский, открыты земли Северо-Западной Америки.

Научно-идеологическое обоснование тихоокеанского направления российской политики XVIII в. представил «титан» российской науки М.В. Ломо-

* *Постников Валентин Валентинович* — сотрудник Тихоокеанского военно-морского института, г. Владивосток. E-mail: postnikoff@mail.ru

носов. В своих работах он говорил «о утверждении и умножении российского могущества на востоке» [6]. Главная цель в его представлении – увеличение славы и могущества России, а важные средства к этому – развитие морских сил, освоение Северного морского пути в Тихий океан. По планам ученого, Россия должна «...как в европейских купеческих пристанях утвердиться, так и в Японию, в Китай, в Индию и к западным берегам американским достигнуть», что позволит государству «приобрести новые преимущества, великое богатство и громкую славу» [6, с. 422]. Отметим, что Ломоносов определял тихоокеанское направление политики России близко к современным понятиям «интеграции в АТР», ибо: «...российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» (1763) [6, с. 498]. Развитием этих идей стало освоение русской Америки в конце XVIII – начале XIX вв.

Со второй половины XVIII в. Тихий океан стал вызывать значительный интерес у мировых держав. Русским ответом на экспедиции Дж. Кука и Ж.Ф. Лаперуза стало кругосветное путешествие И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского в 1803–1806 гг., имевшего одновременно торговые, научные и политические цели, в основном связанные с идеей участия в международной торговле в Азии. Результатом стало формирование новых взглядов на тихоокеанский регион для России [5]. Одной из целей экспедиции было определение островного положения Сахалина, которому Крузенштерн предсказал большое политическое значение для России на фоне мировой морской политики: «Если бы вознамерилась когда-либо Россия завести селение в северной части Сахалина, то залив сей (между мысами Марии и Елизаветы. – *В.П.*) есть удобнее место к совершению такого предприятия. Он весьма открыт, но при всём том имеет, кажется, преимущество перед рейдами на островах Тенерифе и Мадере, на которых в известные времена года стоят на якоре великие флоты...» [5, с. 172].

Первая русская кругосветная экспедиция понималась современниками как важное историческое событие: «Крузенштерн открыл, проложил нашим мореплавателям новый путь» [11, с. 255]. Другие экспедиции (В.М. Головнин, Ф.Ф. Беллинсгаузен и др.) хотя и не имели крупного политического значения, однако расширили географический кругозор, показали, что для поддержания политического статуса Российской Империи нужно расширение её регионального присутствия в мире, развитие морской политики и, как следствие, – освоение тихоокеанского побережья.

Технико-экономическое развитие Европы и Америки в первой половине XIX в. привело к тому, что в середине XIX в. тихоокеанский бассейн был включён в сферу международной жизни. Одним из важных факторов осознания международного значения региона стало развитие и распространение представлений о кризисе европейской цивилизации и о значительной политической роли тихоокеанского бассейна в историческом будущем. Эти идеи были подготовлены событиями 1840-х гг. и озвучены в 1850 г. [12]. В 1850-х годах их развивал А.И. Герцен, который в 1853 г. писал: «Тихий океан – Средиземное море будущего» [14, с. 296]. Герцен считал, что центром международной жизни будущего должны стать тихоокеанские пространства, которые объединяют наиболее динамично развивающиеся общества – Америку и Россию [12].

Международные конфликты 1850-х гг. (Крымская, опиумные войны) и активизация международной жизни на Тихом океане в середине XIX в. обуславливают необходимость защиты тихоокеанского побережья России от иностранной агрессии, что, благодаря инициативам Н.Н. Муравьева-Амурского, привело к присоединению Приамурья и Приморья к России. В то время возникло мнение, что побережье Приморья является уникальным местом для развития морских сил и для России является лучшей военно-политической площадкой. М.И. Венюков (1832–1901), участвовавший в экспедиции по Уссурийскому краю, писал в 1858 г.: «На обширном пространстве России, вообще столь невыгодно расположенной на самом севере старого света, вдали от мировых путей и в соседстве с среднеазиатскими степями, обречёнными самую природою на бедность и ничтожество, нет другой местности, которая может иметь столь великую историческую будущность, как восточная её окраина, от устья Амура до устья Тумень-улы. Здесь русская земля владеет тою открытою дверью в океан, которой не достаёт ей в Европе. Отсюда неизбежно предстоит ей направлять свои силы на мировую борьбу с врагами, грозящими захватить всемирную гегемонию. <...> Здесь лишь могут возникнуть порты для беспрепятственной морской торговли с Америкой, Зондскими островами и Индией, этими надолго неистощимыми источниками богатств для целого света» [2, с. 63]. Он разделял идеи Герцена о будущем значении Тихого океана, подчеркивал уникальную политическую ценность побережья Приморья по сравнению с другими стратегически важными регионами России – «будь то берега Финского залива или Черного моря, Закавказье или бассейн Сыра» [2, с. 63]. Венюков был одним из первых, кто стал развивать геополитические взгляды в России.

Какое-то время политическое значение Дальнего Востока казалось преувеличенным. В 1860–1870-х гг. наибольший интерес вызывала среднеазиатская политика. Но с 1880-х годов, учитывая конкретную международную ситуацию и накопленный опыт XIX в., к прежнему мнению стали возвращаться. Распространилось убеждение, что тихоокеанское побережье – наиболее верный путь к реализации политических интересов России в новых условиях развивающейся цивилизации, путь в международную политику, к укреплению международного влияния. Правительство Александра III (1881–1894) начинает активно осваивать Дальний Восток.

С 1880-х гг. значение тихоокеанского региона растёт, и с этого времени обнаруживается, что он является важной ареной международной политики. Эти исторические сдвиги привлекают внимание учёных, создаётся теория развития цивилизаций, объясняющая этот процесс. Одним из главных событий в осмыслении исторического значения Тихого океана стала работа Л.И. Мечникова (1838–1888) «Цивилизация и великие исторические реки», опубликованная в 1889 г. (в России в 1898 г. [10]). В ней Мечников выделяет определяющее значение водных бассейнов в развитии человеческих сообществ и особую историческую роль Тихого океана: «С момента наступления новых веков и вплоть до второй половины XIX столетия из всех пяти океанов, омывающих нашу Землю, один только Атлантический океан служил главной ареной развития цивилизации. Но за последние тридцать лет дело обстоит несколько иначе: быстрый экономический прогресс Калифорнии и Австралии, открытие портов Китая и Японии для международного обмена, большое развитие китайской эмиграции,

распространение русского влияния на Маньчжурию и Корею окончательно присоединили Тихий океан к области мировой цивилизации» [13, с. 61–63].

В представлении Мечникова Тихий океан не замещает Атлантику, а замыкает, соединяет пространства мирового океана, и этот процесс отмечает начало формирования «всемирной эпохи», которая только начинается со второй половины XIX в. [13, с. 61–63]. Теория Мечникова отразила и отметила важный рубеж в мировой истории, который мы называем «формирование мировой экономической и политической системы», и не потеряла значения до сих пор. В то же время распространяются идеи о первостепенной роли морской политики, которые выделяли значение самого крупного океанического бассейна [12].

Таким образом, в ходе истории представления о значении тихоокеанского бассейна активно развивались. В XVII–XVIII вв. и большей части XIX в. он понимался как периферийный по отношению к мировой цивилизации. Но если в XVII в. он казался неподвластной сознанию безграничной периферией, то в XVIII в. в нём увидели политический смысл, а в XIX в. развиваются идеи о большом значении тихоокеанского бассейна. И только в 1880-х г. сформировались представления о его первостепенной роли, что привело к развитию дальневосточной политики России и её идеологизации на рубеже XIX–XX вв. Важными участниками этого процесса стали российские учёные.

Взгляды Д.И. Менделеева. Д.И. Менделеев (1834–1907) был не только знаменитым химиком, но и достаточно известным экономистом, геополитиком, идеологом. С 1880-х гг. он пропагандировал индустриализацию страны и считал что «усовершенствование самого земледелия без учреждения фабрик и заводов почти невозможно и к благосостоянию и развитию народа и страны не поведёт, чему наглядное свидетельство дает судьба Китая» [8, с. 386]. Необходимость развития промышленности Менделеев объяснял особым характером своего исторического времени. Современность он определял как «переходное время», содержание которого – формирование мировой системы: «Тут опасно медлить и упускать ..., когда Австралия правильно стала обмениваться с Европой, а резиновые изделия стали вывозить из России и когда пролагается стальной путь в Китай, к Тихому океану, где так или иначе должны помириться многовековая устойчивость Поднебесной Империи с недремлющим прогрессом Запада» [9, с. 20]. Основу предполагаемой им системы составляли державы: Британия, Франция, Россия, Китай, США, Германия. Место России в формирующемся глобальном мире он понимал как значительное, представлял её как страну будущего, молодую цивилизацию подобно Америке. По Менделееву, роль России в мире будущего – «помирить» Восток и Запад. Россию он представлял как евразийскую, трансконтинентальную державу, страну, которая реализует глобальный характер цивилизации будущего, станет её географическим, экономическим, и возможно – духовным стержнем: «Там впереди (с усилением русской фабрично-заводской промышленности) не только мир и соединение Востока и Запада, но и торжество русского гения на пути промышленного прогресса, а вместе с тем богатство и новое могущество русского народа» (1896) [9, с. 21].

Менделеев доказывал, что России важно развивать своё второе направление – дальневосточное, которое является не только значительным, но и естественным для страны. Уже в 1882 г. в статье «Об условиях развития заводского дела в России» он утверждал: «Зачаток новой жизни уже виден на Востоке»

и призывал к экономическому освоению зарубежного и российского Востока [8, с. 389]. Идеи ученого о значении Дальнего Востока для России сводятся к известным в то время представлениям о Тихом океане как о главном регионе международной жизни в будущем. Менделеев говорит об особом значении морских побережий для развития стран, об историческом стремлении России к морям: «...вся сознательная история России, особенно со времен Александра Невского и Великого Петра, явно направилась к укреплению на морских берегах как на местах наступившей истории человечества...» [7, с. 196]. Этим он объясняет решение Александра III «связать Россию с берегами Тихого океана» железной дорогой и таким образом открыть для страны свободные международные морские пути. Поэтому укрепление на Тихом океане он представлял как важнейшее направление стратегического развития государства: «...куда пришлось теперь устремить все взоры, живет ведь много больше людей, чем на берегах Средиземного, Черного и Балтийского морей и всего Атлантического океана. Там началась ярмарка новой мировой жизни, и впереди виден ее разгар» [7, с. 201]. Менделеев призывал не только к политическому укреплению на Дальнем Востоке, но и его военно-промышленному освоению, развитию флота: «Так, ничего не жалея, надо тотчас же приступать на берегах Тихого океана к своему военному судостроению, к получению своей местной стали, своих пушек, своего каменного угля» [7, с. 379].

Развивая идеи сближения с Востоком, учёный утверждал о большой роли Китая в международной жизни, о необходимости стратегического с ним партнёрства. Он объяснял это необходимостью политического противовеса англо-японскому союзу, соседством и общностью границ, а также величием Китая, который, несмотря на специфику, представляет собой значительную часть мирового сообщества: «В союзе с Францией и Китаем Россия может спокойно ждать предстоящих событий XX века» [7, с. 229–330, 373–380].

Дальний Восток в представлениях Менделеева важен для России как путь связи с внешним миром, для развития внешней торговли, обеспечения политического могущества и безопасности страны, как обширное земельное пространство, которое служит резервом для развития промышленности. Отметим, что его мнения совпадали с известным курсом первого лица в правительстве того времени — С.Ю. Витте, а сам Менделеев был монархистом, сторонником официальной политики.

Исследования А.И. Воейкова. А.И. Воейков (1842–1916) — выдающийся русский географ, климатолог, одним из ответвлений его интересов было наблюдение за экономическим и политическим развитием мировой цивилизации.

Уже в 1884 г. Воейков говорил о росте международного значения АТР: «Азия все более входит в круг европейских или, точнее, мировых интересов; её народы оказываются далеко не такими неподвижными, как прежде думали, не зная их. Дальновидные люди не сомневаются, что всё, что происходит в Азии, должно оказывать большое влияние на Европу и, что важнее всего, те части Азиатского материка, которые называют Дальним Востоком. Россия более других стран заинтересована в делах Дальнего Востока, так как часть её владений принадлежит к нему, а с Китаем она граничит на тысячи верст» [4, с. 31].

Воейков исследует основные экономические и политические характеристики стран Восточной Азии, предлагает план соединения дальней окраины

и центра страны с помощью железнодорожно-водного пути. Он отмечает, что Россия на Дальнем Востоке слаба: «Колонизация края русскими поселенцами идет медленно, и быт их далеко не обеспечен. Торговля края ничтожна и притом почти вся в руках иностранцев, остальные богатства края еле тронуты...» [4, с. 59]. Но в случае с усиливающимся Китаем это представляет очевидную угрозу. Учёный делает выводы, что «Заселение Амурского края – одна из важнейших государственных потребностей настоящего времени» [4, с. 61]; «при умелом, согласном труде администрации и жителей он может быть одним из самых богатых в России. Нужна работа, чтоб воспользоваться богатствами края, но они щедро вознаградят за неё» [4, с. 57]. Воейков выделяет отрасли хозяйства, перспективные для развития региона: земледелие, промышленное рыболовство, флот, водно-железнодорожный транспорт, эксплуатация ресурсов природы (добыча морской капусты и драгоценных металлов, китобойный и пушной промысел, даже торговля льдом).

Особое значение учёный придавал железнодорожному строительству, в котором видел политический и стратегический смысл: «...Россия, не только европейская, но и азиатская – великая держава, и наиболее важные и менее трудно исполнимые из ... железных дорог должны пройти по её территории и в сфере её влияния» [4, с. 67]; «Пора нам расширить наш географический кругозор и вспомнить, что у нас есть важные интересы не на одном ближнем Востоке, но и на дальнем» [4, с. 74]. Эта работа относится к числу первых в российской науке и общественной мысли, которые озвучили начало активной дальневосточной политики России.

Воейков признавал большое значение тихоокеанского региона, но предостерегал от преувеличений. О роли, будет ли Тихий океан главным торговым путём Земли, он писал: «В последние годы совершается быстрое промышленное и торговое развитие стран у Тихого океана и его береговых морей. Прорывтие Панамского перешейка обещает ещё увеличить движение на этом океане. Под влиянием таких событий недавнего прошлого и ожидаемых близкого будущего, как у нас, так и за границей, особенно в Соединённых Штатах, распространяется убеждение, что в близком будущем Атлантический океан лишится своего нынешнего первенства, которое перейдёт к Тихому, как лишилось его Средиземное море...» [3, с. 1]. Работа была опубликована в 1904 и 1911 гг. Идея в том, что у Тихого океана есть значительные экономико-географические недостатки, и размер океана – один из них.

Свое исследование учёный проводит по определенным критериям, для чего делит пространства мира не на океанические, а на торговые бассейны, которые имеют в основном региональную и широтно-географическую привязку, обладают своими характерными особенностями. По поводу торгового бассейна, к которому он относит Дальний Восток России, Воейков писал: «Канада и Новая Англия; Юго-Восточная Сибирь, Маньчжурия и север Японии: данные широты в Восточной части материков гораздо богаче в Атлантической области (Америка), чем в Тихоокеанской (Азия) и обеспечивают большее и сельскохозяйственное, и промышленное развитие. Оно уже началось и идет быстрым шагом. Американская область имеет уже и теперь более значительное население, чем Азиатская, и можно смело утверждать, что в ней будет лучше жить 60 миллионам народа, чем в Азиатской – 20 миллионам» [3, с. 7–9]. Учёный делает сравнение в пользу Атлантики в области условий судоходства, сельско-

хозяйственных ресурсов, горных богатств и др. То же он говорит и о бассейне, куда относятся основные территории Китая, Японии, США, Мексики.

Далее Воейков отмечает огромное преимущество Атлантического океана относительно товаров, имеющих первостепенное значение для экономики (железо, каменный уголь, нефть, пшеница, сахар, хлопок, мясо, рыба). Тихий океан преобладает в торговле золотом, медью, рисом, шелком. Воейков отдавал также предпочтение Атлантическому бассейну, как более богатому «водяными силами», чем Тихий океан [3, с. 71].

Главная идея Воейкова в том, что дальневосточная политика России имеет в первую очередь внутренний, а не международный смысл. Так он говорил о значении Транссиба: «Конечно, *главное значение великого Сибирского пути не транзитное между чуждыми нам странами, он должен служить торговым и государственным интересам России, оживить ее обширную, богатую, и до сих пор бездорожную окраину и крепче связать ее с центром*» (курсив источника – В.П.) [3, с. 74]. Воейков был сторонником умеренных взглядов на дальневосточный фронт, который представлял как одно из важных направлений развития России, но не преувеличивал его значение. Работы Воейкова отличаются не отвлеченным характером суждений, а предметным объективным анализом, который отличает науку от идеологии.

Рассмотренные материалы во многом объясняют идеологические основы дальневосточной политики России не только прошлого, но и современности. Творческое наследие русских ученых является актуальным ресурсом для развития идей освоения дальневосточного региона России в современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. : Биобиблиографический словарь. – М. : Вост. лит., 2005. 295 с.
2. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб., 1873.
3. Воейков А.И. Будет ли Тихий океан главным торговым путём Земного шара? – СПб., 1911. 83 с. Та же работа опубликована: «Известия Русского географического общества», 1904. Т. 40, вып. 4.
4. Воейков А.И. Европейские интересы на Дальнем Востоке и азиатские железные дороги // Русская мысль. Кн. II. – М., 1884. С. 31–74.
5. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг Света в 1803, 4, 5, и 1806 годах. Ч. 2. – СПб. : Морская типография, 1810. 471 с.
6. Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 417–498.
7. Менделеев Д.И. Заветные мысли. – М. : Мысль, 1995. 413 с.
8. Менделеев Д.И. К познанию России. – М. : Айрис-пресс, 2002. 576 с.
9. Менделеев Д.И. С думою о благе российском: Избранные экономические произведения. – Новосибирск : Наука, 1991. 231 с.
10. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. – СПб. : Издание редакции журнала «Жизнь», 1898.

11. О медалях в память знаменитых происшествий до флота относящихся // Записки ученого комитета главного морского штаба Его императорского Величества. Ч. X. – СПб. : Морская типография, 1833. С. 244–278.
12. Постников В.В. Тихий океан как «Средиземное море будущего»: история идеи (середина XIX – начало XX в.) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 105–114.
13. Россия и Европа : хрестоматия по русской геополитике / сост. Л.Н. Шишелина. – М. : Наука, 2007.
14. Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной. В семи томах. Т. V. – СПб. : Изд. Ф. Павленкова, 1905. С. 284–301.

*АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:
Экономика. Политика. Право. – 2012. № 3 (27)*

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

Меламед И.И., Прокопьева М.С., Терентьева Е.А.

Влияние кризиса на энергоэкономику стран АТРМ

Ключевые слова: АТР, АТРМ, энергетика, первичные энергоресурсы, мировой финансовый кризис, энерговооруженность.

В статье проанализированы особенности основных энергетических параметров стран экономики Тихоокеанского кольца до и после мирового кризиса, выполнено сравнение стран региона по видам использования первичных энергоресурсов.

Курилов В.И., Абрамов А.Л., Чикиш Ю.А.

Развитие Дальнего Востока и российско-корейское экономическое сотрудничество

Ключевые слова: российско-корейские торгово-экономические отношения, пространственная эффективность экономики, развитие Дальнего Востока и Байкальского региона, экономическая плотность, инвестиционные проекты, саммит АТЭС-2012.

В статье рассматривается новейшая история российско-корейских отношений, торгово-экономическое сотрудничество 2-х стран и возможности участия Республики Корея в проектах развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Отдельно исследуются возможности участия Республики Корея в повышении пространственной эффективности экономики Приморского края. Приводится комплекс новых мер, сформулированных на заседании президиума Государственного Совета России 29 ноября 2012 г., направленных на развития макрорегиона.

Жариков Е.П., Лялина Ж.И.

Финансовые ресурсы в экономике Приморского края

Ключевые слова. Приморский край, валовое накопление, финансовые ресурсы, собственные средства предприятий.

В статье рассматриваются проблемы неблагоприятного воздействия, связанные с недостаточностью финансов, формирующихся в самом регионе. Централизованные поступления финансовых ресурсов в регион недостаточно учитывают реалии экономики Приморского края, что давно уже является одной из причин выживания его за счет более успешных регионов.

КРИМИНОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Кучин О.С., Турчин Д.А.

Роль сокрытия преступного деяния в системе криминалистической характеристики преступления

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, сокрытие преступлений, способ совершения преступлений, расследование преступлений, личность преступника.

В статье авторы рассматривают теоретические вопросы о роли сокрытия преступлений в системе криминалистической характеристики, ими даётся криминалистическое определение сокрытия преступлений и определяется, что сокрытие является основой криминалистической характеристики преступлений, поскольку существует в виде преступления, предусмотренного конкретной статьёй УК РФ.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0049.

Кулешов Ю.И.

Особенности систематизации преступлений против правосудия в некоторых странах АТР: Японии, Республике Корея и Китайской Народной Республике

Ключевые слова: уголовный кодекс, правосудие, судебный акт, процессуальные правила.

В статье анализируются особенности регламентации преступлений против правосудия в таких странах, как: Япония, Республика Корея, Китайская Народная Республика. Отмечается, что в законодательных актах прослеживается общая тенденция выделения правосудия в самостоятельный объект уголовно-правовой охраны.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0049.

Реховский А.Ф., Турчин Д.А.

Возникновение криминалистической гносеологии

Ключевые слова: теория познания, гносеология, криминалистическое познание, доказывание преступления.

В статье ставится вопрос о создании в криминалистической науке самостоятельной теории – криминалистической гносеологии. В обоснование данной теории дается философский, исторический и правовой анализ ее методологических основ и положений.

Чанхай Лун

Философское основание германского учения о составе преступления

Ключевые слова: философские основы, состав преступления, Кант, Германия.

В статье выясняется значение состава преступления в различных теориях уголовного права. Отмечено, что философские идеи влияют на уголовное зако-

нодательство и уголовно-правовую доктрину. Философии И.Канта принадлежит доминирующее значение в появлении и развитии теории противопоставления друг другу объективного и субъективного.

Коротких Н.Н.

Отличие продолжаемого преступления от совокупности преступлений

Ключевые слова: совокупность преступлений, множественность преступлений, продолжаемое преступление.

В статье автор рассматривает теоретические и практические аспекты отграничения продолжаемого преступления от совокупности преступлений. Совершение нескольких тождественных деяний, объединенных единой целью и конкретизированных умыслом, по мнению автора, позволяет отграничить единичное сложное преступление от множественности преступных деяний.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0049.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ванеева Л.А., Склизков М.Н.

О гражданско-правовом судебном регулировании

Ключевые слова: гражданское право, судебное решение, акты правосудия.

В развитии отрасли гражданского права отчетливо проявляется тенденция повышения роли суда в регулировании имущественных и личных неимущественных отношений. Представляемая статья посвящена исследованию некоторых вопросов гражданско-правового судебного регулирования, в основу которого положено понимание акта правосудия как регулятивного нормативно-правового акта судебной власти. Авторы анализируют юридическую природу актов правосудия и выясняют место и роль решений суда в системе гражданско-правового регулирования.

Курилов В.И.

Гражданско-правовые аспекты регулирования труда наёмных работников

Ключевые слова: наемный работник, трудовой договор, побуждающие факторы, правовые потребности личности.

В статье дается социально-правовой анализ побудительных моментов, определяющих поведение личности в сфере общественного труда. Побудительные факторы порождают желание или намерение трудиться вообще и по определенной специальности, квалификации или должности, в частности. В соответствии с психолого-философской теорией главным побудительным фактором деятельности личности, в том числе труда, являются потребности. Однако кроме них в процессе мотивации участвуют и многие другие субъективные и объективные факторы, связанные с удовлетворением и действием по удовлетворению потребностей.

Аппакова Т.А., Ванеева Л.А.

Проблемы корпоративного контроля в доктрине гражданского права

Ключевые слова: контроль, корпорация, акционеры, права участников хозяйственных обществ.

В статье авторы отстаивают мнение, что корпоративный контроль с точки зрения общего учения о сделке — это возможность более или менее влиять на процесс волеобразования и волеизъявления, завершающийся совершением действительной сделки, по общему правилу построенной по принципу большинства. При корпоративном контроле эти возможности подкреплены юридическими гарантиями.

Шмаков В.Н., Дерюга Н.Н.

Место и роль преимущественных прав в гражданском законодательстве России.

Ключевые слова: гражданское право, договор, преимущественное право.

Одним из институтов, регламентирующих границы свободы договора в целях защиты прав и законных интересов других лиц, является институт преимущественного права на заключение договора. Среди преимущественных прав традиционно выделяют преимущественное право покупки доли в праве общей собственности, а также залоговое право залогодержателя. Действующее законодательство существенно укрепило правовой статус сосособственников как потенциальных участников права преимущественной покупки. В статье авторы анализируют трудности, возникающие в правоприменительной практике при реализации института преимущественной покупки доли в праве общей собственности.

Трофимов К.Т., Курилов В.И.

Изменения в гражданский кодекс РФ: деньги и банковские сделки

Ключевые слова: деньги, банковские сделки, клиент банка, договор банковского счета.

В статье обсуждаются внесенные в Гражданский кодекс РФ поправки, касающиеся договоров банковского вклада, банковского счета, расчетов и др. Анализируются правовая природа денег и банковских сделок, полномочия собственника в отношении денег, находящихся на банковском счете, а также ответственность банка перед клиентом.

Гаврилов В.В., Волкова Е.В.

Понятие и содержание механизма частноправового регулирования в сфере энергосотрудничества

Ключевые слова: механизм правового регулирования, международно-правовое регулирование, энергосотрудничество.

Статья посвящена характеристике категории «механизм правового регулирования» в сфере энергосотрудничества. Анализируются понятие, структура и характерные признаки. Авторы понимают механизм правового регулирования

в сфере энергосотрудничества как систему частноправовых и организационных средств, обеспечивающих упорядочивание отношений, складывающихся в процессе энергосотрудничества с целью реализации субъектами своих возможностей и потребностей по отношению к энергоресурсам.

Дерюга Н.Н.

Задаток как способ обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве России

Ключевые слова: гражданское право, задаток, неустойка, договор.

В статье рассматриваются понятие, признаки и функции задатка как способа обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве. Автором анализируется проблема возмещения убытков потерпевшей стороны в случае отказа контрагента от договора, обеспеченного задатком, а также указывается на различия, обнаруживающиеся в форме соглашения о неустойке и соглашения о задатке.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА

Коробеев А.И., Кулешов Ю.И.

Клевета как преступление: метаморфозы уголовно-правовой политики современной России

Ключевые слова: клевета, судья, лица, участвующие в отправлении правосудия.

В статье анализируются составы преступлений клеветы и клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава. Авторы обращают внимание на непоследовательность и необоснованность некоторых изменений и дополнений, внесенных в уголовное законодательство РФ.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0049.

Басова Т.Б., Бурдинская А.Н.

Ответственность за преступное заражение опасными инфекционными заболеваниями в России и отдельных странах АТР: компаративный анализ

Ключевые слова: уголовная ответственность за заражение венерическими заболеваниями, уголовное право стран АТР, уголовное право КНР, уголовное право Монголии, уголовное право Социалистической Республики Вьетнам.

В статье на примере уголовных кодексов России и отдельных стран АТР проводится сравнительный анализ регламентации ответственности за заражение венерическими заболеваниями. На основе анализа тенденций развития зарубежного уголовного законодательства формулируются предложения по совершенствованию отечественного права.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0049.

Протасевич А.А., Зверьянская Л.П.

Интернет-пространство как элемент криминалистической характеристики киберпреступлений

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, компьютерные преступления, интернет-пространство, кибер-пространство.

В статье анализируется криминалистическая характеристика киберпреступлений. Поднимается вопрос, какое же место занимает интернет-пространство в структуре криминалистической характеристики. Исследуются понятия и особенности интернета, интернет-пространства, кибер-пространства. Исследуется интернет как способ и средство совершения преступления, а также интернет-пространство как место совершения преступления.

Надточий Ю.В.

Некоторые тенденции уголовно-правовой политики в сфере охраны окружающей среды

Ключевые слова: уголовная политика, экологические преступления, природная среда, охрана окружающей среды.

Статья посвящена анализу нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере окружающей природной среды. Автор отмечает, что в связи с повсеместным ухудшением экологической обстановки, происходит осознание необходимости сохранения и восстановления природных экосистем и поддержания соответствующего качества окружающей среды. Именно в этом направлении в последние годы и стало формироваться российское законодательство.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0049.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Хаснутдинов А.И.

Организационные договоры в сфере транспортных отношений.

Ключевые слова: транспортные обязательства, договор перевозки, организационный договор.

В статье автор обращается к правовой природе организационного договора. Содержание организационных договоров с принятием нового Гражданского кодекса существенно не изменилось, но они приобрели иное значение, став единственным основанием возникновения обязательств по подаче подвижного состава под погрузку и предъявлению груза к перевозке.

Князева Е.А.

Проблемы квалификации угона (захвата) судна воздушного, водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава

Ключевые слова: угон, захват, воздушное судно, водный транспорт, общественная безопасность.

В статье анализируются проблемные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ, которое в соответствии с конвенциями отнесено к числу международных преступлений. Автор показывает отграничение данного состава преступления от иных смежных преступлений, предметом которых также являются различные виды транспорта.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0049.

Нестолий В.Г., Хаснутдинов А.И.

К разработке общей теории вспомогательного договора

Ключевые слова: вспомогательный договор, буксировка, транспортная экспедиция, продажа электроэнергии, договор участия в долевом строительстве, предварительный договор, подведомственность гражданских дел арбитражным судам.

В статье содержится общее определение вспомогательного договора, показывается практическое значение данного определения в рамках работ по совершенствованию гражданского (коммерческого) и процессуального законодательства. Воззрения, согласно которым отношения по буксировкам могут нормироваться конструкцией договора перевозки, а также взгляд на буксировку как вспомогательный договор подвергнуты критике.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сонин В.В.

Сравнительный анализ первого опыта учреждения конституций социалистического типа в России и Китае

Ключевые слова: конституция, Россия, Китай, суверенитет, социалистическая страна.

Вступая в социалистический этап своего развития, Россия и Китай приняли соответственно конституции 1918 г. и 1954 г. Эти два конституционных момента имеют важное исследовательское значение, так как именно тогда оба государства впервые успешно решили задачу по практическому учреждению конституции, в определенном смысле продемонстрировав значение народного суверенитета и заложив основы социалистического типа конституции. Наряду с позитивными результатами, эти акты конституционного правотворчества породили ряд проблем, с которыми ученые сталкиваются до сих пор.

Постников В.В.

Русские учёные о политическом и историческом значении Тихого океана

Ключевые слова: тихоокеанская политика России, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Дальний Восток России, Д.И. Менделеев, А.И. Воейков.

Рассматриваются взгляды крупнейших российских учёных XVIII — начала XX в. (М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, А.И. Воейков) о политическом и историческом значении тихоокеанского региона для России. Отмечается

роль научного наследия И.Ф. Крузенштерна, А.И. Герцена, М.И. Венюкова, Л.И. Мечникова в осмыслении региона. Показано, что российские учёные принимали важнейшее участие в формировании теоретических и идеологических основ тихоокеанской политики России, которые не потеряли своего значения в современности.

PACIFIC RIM: Economics. Politics. Law. – 2012. № 3 (27)

THE ECONOMY OF THE REGION

Melamed I.I., Prokopyeva M.S., Terentyeva E.A.

The impact of the crisis on Energy Economics of APRAM countries

Keywords: APR, APRAM, energetic, primary energy resources, world financial crisis.

The article analyzes the main features of the energy parameters of Pacific rim economies before and after the global crisis, a comparison of the region by type of primary energy.

V.I. Kurilov, A.L. Abramov, Y.A. Chikish

Development of the Far East: cooperation between the Republic of Korea and Russia

Keywords: Russian-Korean trade and economic relations, the spatial efficiency of the economy, the development of the Far East and the Baikal region, the density of economic, investment projects, APEC Summit 2012.

In the article the modern history of Russian-Korean relations, trade and economic cooperation 2 countries and the possible participation of the Republic of Korea in the development projects of the Far East and the Baikal region. Separately investigate the possibility of the participation of the Republic of Korea to increase the spatial efficiency of the economy of Primorsky Krai. Suggest a set of new measures made at the meeting of the State Council of Russia November 29, 2012, aimed at the development of the macro-region.

Zharikov E.P., Lyalina Zh.I.

Financial resources in the economy of Primorsky Krai

Key words: Primorsky Krai, gross capital formation, financial resources, own means of the enterprises. The article considers the problem of the adverse effects associated with the lack of Finance, emerging in the region. Centralized receipt of financial resources in the region not sufficiently take into account the realities of the Primorsky Krai economy that has long been one of the reasons for the survival of it at the expense of the more successful regions.

CRIMINOLOGY: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Kuchin O.S., Turchin D.A.

The role of the crime covering in the criminalistics characteristics of the crime

Key words: criminalistics characteristics of crimes, criminal covering, the method of committing a crime, criminal investigation, criminal personality.

In this article authors gives overall of theoretical questions about the role of covering the crimes in the system of criminalistics characteristics, they give criminalistics explanation of criminal covering and that the covering is the base of characteristics because it is exist only like the crime from the Criminal Code of Russian Federation.

The study was supported by The Ministry of education and science of Russian Federation, project 14.A18.21.0049.

Kuleshov Iu.I.

Features of the arrangement of the crimes against justice in several Asia-Pacific region countries: Japan, Republic of Korea and China

Keywords: criminal code, justice, judicial act, procedural rules.

In the article the features of the criminal law recognition of crimes against justice in such countries as: Japan, Republic of Korea, Chinese National Republic are analyzed. It is noted that in their legal acts there is the general tendency of allocation of justice as the independent object of criminal legal protection is traced.

Rekhovskii A.F., Turchin D.A.

Criminalistics epistemology genesis

Keywords: epistemology, criminalistics knowledge, proof of the crime.

The article is defined the first trial in the criminalistics science self theories – criminalistics epistemology. In support of this theory the philosophical, historical and legal analysis of the methodological framework and provisions is given.

Chanhai Lun

Philosophical Foundation of the German doctrine of the crime

Keywords: philosophical bases, crime structure, Kant, Germany.

In the article the meaning of the crime in different criminal law theories is defined. It is noted that philosophical ideas influence the criminal legislation and the criminal legal doctrine. Kant's philosophy defines the major role in the development of the theory of comparing objective and subjective.

Korotkith N.N.

The difference of continued crime of crimes

Keywords: set of crimes, plurality of the crimes, a continued crime.

In article the author considers theoretical and practical aspects of the differences between prolonged crime and crime complex. Committing several identical criminal acts united by the common purpose and the concretized intention will allow delineating the single complex crime from crime complex.

The study was supported by The Ministry of education and science of Russian Federation, project 14.A18.21.0049.

PROBLEMS OF CIVIL LEGISLATION

Vaneeva L.A., Scliskov M.S.

About the civil law legal regulation

Keywords: civil law, judgment, justice acts.

The increasing of the court activity in property and others legal regulation is a tendency of civil law development. The article is about some problems in civil-law judicial regulation which based on the defining the justice act as the regulative legal act of court authority. Authors analyze the legal nature of the acts the place and the role of judgments in the civil law system.

Kurilov V.I.

The civil law aspects of employees labor regulation

Keywords: the hired worker, the labor agreement, inducing factors, legal requirements of the personality.

In the article the social and legal analysis of the incentive moments influencing the personal activity in the sphere of social labor is given. Incentive factors generate desire or will to work in general or, in particular, in certain profession, qualification or a position. According to the psycho-philosophical theory the major incentive factor of the personal activity, including labor, are the requirements. However except them in the motivation process both other subjective and objective factors, connected with satisfaction and action on satisfaction of requirements, participate.

Appakova T.A., Vaneeva L.A.

The problems of corporative control in the Civil Law doctrine

Keywords: control, corporation, shareholders, rights of business entities participants.

In this article authors identify the position that, according to the general transaction doctrine, the corporative control is the possibility to influence on the volition which ends with the valid transaction based on the on the majority principle general rule. At corporative control these possibilities are supported with legal guarantees.

Shmakov V.N., Deriuga N.N.

Place and role of the beneficial rights in the Russian civil law

Keywords: civil law, contract, privilege.

One of the institutes which regulate the limits of contract freedom for the protection of the rights and legitimate interests of other persons is the institute of the beneficial right to the contract agreement. Traditionally among these rights the privilege of purchase of a share in the right of the general property, and also the mortgaging right of the pawnbroker are allocated. Modern legislation significantly strengthened the legal status of the owner as potential participants of the right of beneficial purchase. In the article authors analyze the difficulties arising in law-enforcement practice during the implementation of institute of beneficial purchase of a share in the right of the general property.

Trofimov K.T., Kurilov V.I.

The changes in Russian federation civil code: money and banking transaction

Keywords: money, bank transactions, client of bank, contract of the bank account.

In the article the amendments concerning contracts of a bank deposit, the bank account, calculations, brought in the Civil code of the Russian Federation, are discussed. The legal nature of money and banking transactions, powers of the owner concerning the money being on the bank account, and also banking liability before the client are analyzed.

Gavrilov V.V., Volkova E.V.

The definition and the content of the regulation mechanism in the energetic resources partnership

Keywords: mechanism of legal regulation, international legal regulation, the energetic resources partnership.

Article is devoted to the definition «the mechanism of legal regulation» in the energetic resources partnership. The concept, structure and characteristic signs are analyzed. Authors understand the mechanism of legal regulation in the energetic resources partnership as a system of the private law and organizational impacts providing the order of the relations, developing in the course of the energetic resources partnership for the purpose of realization the possibilities and requirements in the energetic resources.

Deriuga N.N.

Deposit as the method of enforcement tort liability in Russia

Keywords: civil law, deposit, penalty, contract.

The article is identified the definition, features, functions of the deposit as the way of the fulfillment of commitments in civil law. The author analyzes the problem of indemnification of the unsatisfied partner in the case of the default the contractor from the contract provided with a deposit, and also it is pointed to the differentials interpretations which can be found in the penalty or deposit contract.

CRIMINAL-LEGAL POLICY

Korobeev A.I., Kuleshov Iu.I.

Slander as a crime: metamorphosis of the penal policy in modern Russia

Keywords: slander, the judge, the persons participating in administration of justice.

In the article the slander structures and the special form – slander concerning the judge, the juror, the prosecutor, the inspector, the person making inquiry, the court enforcement officer are analyzed. Authors notice the inconsistency and groundlessness of the several changes and the additions brought into Russian Federation criminal legislation.

The study was supported by The Ministry of education and science of Russian Federation, project 14.A18.21.0049.

Basova T.B., Burdinskaya A.N.

The liability for criminal contamination of hazardous infections in Russia and the several countries of the Asia-Pacific region: comparative analysis

Key words: criminal liability for STDs contamination, Asian and Pacific region criminal law, Chinese National Republic' Criminal Law, Criminal Law of Mongolia, Socialist Republic Vietnam' Criminal Law.

This article is identified the criminal liability' regulation comparative analysis for the contamination of STDs according to the Russian Federation Criminal code and codes of the Asia-Pacific region countries. The analysis of the foreign criminal law development used as the base to define the proposals of the local law improving strategy.

The study was supported by The Ministry of education and science of Russian Federation, project 14.A18.21.0049.

Protasevich A.A., Zveryanskaya L.P.

The Internet as an element of criminal characteristics of cyber crimes

Keywords: forensic response, computer crime, internet space, cyberspace

The article analyzes the characteristics of cyber crimes. The question is raised, what kind of place is the Internet space in the structure of the criminalistics characteristics. The concepts and the features of the Internet and cyberspace are identified. Also the Internet as a method and means of committing a crime, as well as web-space crime scene are studied.

Nadtochiy Iu.V.

Some trends of criminal law policy in the environmental protection sphere

Keywords: criminal policy, ecological crimes, environment, environmental protection.

Article is devoted to the analysis of the legal acts regulating the public relations in the sphere of ecosystem. The author notes that because of the global deterioration of the ecological situation, there is an awareness of importance to preserve and restore the natural habitat and to maintain the corresponding quality of environment. In this direction the Russian legislation is formed in recent years.

The study was supported by The Ministry of education and science of Russian Federation, project 14.A18.21.0049.

LEGAL REGULATION IN THE SPHERE OF TRANSPORT RELATIONS

Hasnutdinov A.I.

Institutional agreements in the field of transport relations

Keywords: transport obligations, transportation contract, organizational contract.

In the article the author addresses to the legal nature of the institutional agreement. The contents of the agreements didn't change significantly after the new Civil Code implementation, but they gained other value, having become the unique

basis of emergence of obligations on giving of a rolling stock for loading and cargo presentations to transportation.

Knyazeva E.A.

The problems of qualification of theft (capture) of the air, water or rail transport

Keywords: stealing, capture, aircraft, water transport, public safety.

The article is identified the problems of qualification of the crime, provided by Art. 211 of the Russian Federation Criminal code, according to the Conventions, is referred to the international crimes. The author shows the differences of this criminal structure from other adjacent crimes, subject of those is also about different types of transport.

The study was supported by The Ministry of education and science of Russian Federation, project 14.A18.21.0049.

Nestolii V.G., Hasnutdinov A.I.

About the development of the general theory of the subsidiary contract

Keywords: auxiliary contract, towage, transport expedition, electric power sale, contract of participation in share construction, preliminary contract, jurisdiction of civil cases to arbitration courts.

The article contains the general definition of the subsidiary contract, practical meaning of this definition within works on improvement of the civil (commercial) and procedural legislation is shown. The views according to which the relations on towages can be normalized by a design of the contract of transportation, and also a view of towage as the auxiliary contract are criticized.

HISTORY AND MODERNITY

Sonin V.V.

Comparative analysis of the first socialist type constitutions acceptance in Russia and China

Keywords: constitution, Russia, China, sovereignty, socialist state.

Entering the socialist stage of the development, Russia and China accepted the Constitutions of 1918 and 1954. These two constitutional moments plays an important role in research sphere because in that moment both countries successfully solved the problem of practical establishment of the constitution, having in a sense shown value of social sovereignty and having laid the foundation for socialist type of the constitution. Along with positive results, these constitutional acts generated a number of problems which are still faced.

Postnikov V.V.

Russian scientists about political and historical value of Pacific Ocean

Keywords: the Pacific policy of Russia, Asian-Pacific region, the Far East Russia, D.I. Mendelejev, A.I. Voejkov.

Sights of the largest Russian scientists XVIII — the beginnings of XX centuries (M.V. Lomonosov, D.I. Mendelejev, A.I. Voejkov) about political and historical value of Pacific region for Russia are considered. The role of a scientific heritage of I.F. Krusenstern, A.I. Herzen, M.I. Venjukov, L.I. Mechnikov, in comprehension of region is marked. It is shown that the Russian scientists took the major part in formation of theoretical and ideological bases of a Pacific policy of Russia which haven't lost the value in the present.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Арановский Константин Викторович – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, г. Санкт-Петербург.

Бакланов Петр Яковлевич – академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток.

Белкин Виктор Григорьевич – доктор экономических наук, профессор, директор Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток.

Вотинцева Людмила Ивановна – доктор экономических наук, профессор Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток.

Гаврилов Вячеслав Вячеславович – доктор юридических наук, профессор Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток.

Жариков Евгений Прокофьевич – доктор экономических наук, профессор Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток.

Заусаев Вадим Константинович – доктор экономических наук, профессор, директор ГУ «ДальНИИ рынка при Минэкономразвития России», г. Хабаровск.

Князев Сергей Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, г. Санкт-Петербург.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток.

Кравченко Алла Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток.

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор Школы региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток.

Кузнецова Наталия Викторовна – доктор экономических наук, профессор Школы экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток.

Курилов Владимир Иванович – заслуженный работник высшей школы РФ, доктор юридических наук, директор Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток.

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор Школы региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток.

Романова Лариса Ивановна – заслуженный работник высшей школы РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ.

Шевченко Галина Николаевна – доктор юридических наук, профессор Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток.

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО

Научный и общественно-политический журнал
2012. № 3 (27)

Редактор *Т.Л. Федотова*
Технический редактор *Н.Е. Бунькина*
Компьютерная верстка *С.В. Филатов*

Подписано в печать 12.12.2012.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,19. Уч.-изд. л. 15,00.
Тираж 200 экз. Заказ

Издательский дом Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27.
Отпечатано в типографии
Издательского дома Дальневосточного федерального университета
690990, г. Владивосток, Океанский пр-т, 19.